

love_sf

Анастасия
Маркова
<https://coollib.net/a/154562>

Невольный брак

По воле отчима я должна выйти замуж за человека, имя которого он тщательно скрывает. Мое мнение его нисколько не интересует, ведь браки по соглашению в моем мире не редкость. От невольного брака меня не спасли ни слезы, ни мольбы. В душе до последнего теплилась надежда на счастливое будущее. Но она разбилась вдребезги, словно хрустальный бокал о камень, едва я увидела жениха...

первая любовь, неравный брак, от ненависти к любви
2019

ru

U

calibre 3.32.0, FictionBook Editor Release 2.6.6
9.10.2019
feb4e0ed-a5bf-494b-a75e-9e93b6b3c3de
1.0

Невольный брак
СИ
2019

Анастасия Маркова

Невольный брак

Глава 1

Я стояла с конвертом в руке у окна небольшой комнаты пансиона для девушек, служившего мне домом на протяжении последних десяти лет, и невидящим взглядом смотрела вдаль. Дурное предчувствие охватило меня с тех пор, как я прочла пару сухих строк, написанных знакомым размашистым почерком.

— Похоже, ты не очень рада предстоящему путешествию в Дельтаун, — Элания еле слышно пересекла разделяющее нас расстояние и положила хрупкую руку мне на плечо. Соседка по комнате, ставшая много лет назад еще и лучшей подругой, всегда так делала, когда хотела меня успокоить.

— А чему радоваться? — я повернулась к Элании и встретила со взглядом ярко-зеленых, как чистейшие изумруды, глаз.

— Хотя бы тому, что скоро встретишься с родными. Сколько ты их уже не видела? Месяцев восемь?

— Восемь с половиной, если быть точнее, — с моих губ сорвался тяжелый вздох, и я возмутилась словами подруги: — И какие они мне родные?!

— Хоть какие, у меня и таких нет...

— Прости... — я печально посмотрела на подругу, ощутив вину. Ее родители погибли, когда она была совсем еще маленькой, и опекуном Элании согласно завещанию стал совершенно чужой ей человек — друг отца, поспешивший избавиться от девочки, отправив ее в пансион. — Но мне так не хочется туда ехать.

— А когда выезжаешь?

— Завтра в три.

— Завтра?! Так скоро?

— Да. Вот скажи, зачем я ему вдруг понадобилась?

— Может, случилось что-то серьезное, — неуверенно предположила она.

— Например?

— Или он, или твоя мачеха тяжело больны. Хотят сказать тебе напутственные слова и проститься.

— Вряд ли. Когда я их видела в прошлый раз, они оба находились в прекрасном здравии и на их лицах не было и намека, что им плохо живется на деньги, оставленные моими родителями.

— Он хоть словом обмолвился о необходимости столь срочного визита?

— Нет. И это меня беспокоит.

— А что говорится в письме?

— Держи, — я протянула ей конверт. Элания торопливо развернула листок бумаги и пробежалась по нему глазами.

— И это все? — озадаченно посмотрела на меня подруга.

— Да. Ровно семь слов. На большее он не расщедрился.

Внезапно дверь широко распахнулась и в комнату вбежала Молли — еще одна моя соседка. Ее щеки покраснелись от быстрого бега, рыжие волосы, заплетенные в тугую косу — как требовалось в пансионе, растрепались, а дыхание сбилось и стало прерывистым.

— Смотрите, что я раздобыла! — она встала между нами и раскрыла ладонь, на которой лежала небольшая миниатюра в золоченой оправе.

На ней был изображен молодой человек со слегка вьющимися темно-каштановыми волосами и невероятно красивыми синими глазами. Белая прядь начиналась у макушки и тянулась к правому виску — отличительная черта рода, передававшаяся только по мужской линии, и то, насколько слышала, не всем. Лэр Ламир Тонли — главный дознаватель империи — считался одним из самых импозантных мужчин страны. Им восхищался высший свет, миниатюры с его изображением, желая обогатиться, продавали художники, женщины едва ли ни вешались ему на шею, а другие лэры старательно подражали отменному вкусу этого аристократа.

— Тебе точно некуда деньги девать! Которая уже за этот месяц? Вторая? А он еще только начался, — укоризненно заговорила Элания. Только толку? Родители у Молли были богаты. Они наслаждались жизнью: путешествовали, ездили в гости к друзьям, ходили по балам и не обременяли себя воспитанием единственной дочери, возложив эту миссию на наставниц пансиона. Родительскую любовь и заботу, которых была лишена Молли, они компенсировали деньгами, и она бездумно сорила ими налево и направо.

— Как можно было пройти мимо такой прелести? Девушки налетели на художника, словно голодающие на хлеб. А еще говорят, что адепты бедные. Ага, бедные! Еле успела одну выхватить. Он такой красавчик, такой лапочка.

— Смотри, слюни потекут, потом пол придется мыть. А вдруг проест паркет? Что тогда делать будешь? — ворчала Элания. Невзирая на ее слова, Молли начала целовать миниатюру. — Эх, вот бы нам снова удалось попасть на бал и он там оказался!

— Попадем, — тяжело вздохнула я, снова уставившись в окно.

Всех выпускниц нашего пансиона водили на бал и представляли высшему свету, чтобы холостые лэры при желании могли выбрать себе жену. Как правило, после таких грандиозных мероприятий две трети девушек к окончанию обучения находились на выданье.

Раздался звук множества труб, и через пару мгновений из соседнего здания вылетела стайка залиvisto смеющихся парней и девушек в разноцветных мантиях. Я с завистью смотрела на них, думая, что сейчас могла бы точно так же выбегать из массивных дверей в синей или красной накидке, если бы не одна ночь, перевернувшая мою жизнь с ног на голову. Я давно заметила, что все самое плохое и ужасное происходит в это время суток... Именно ночью ушел на тот свет мой отец, а через четыре года и мама. С ее смертью рухнули все мои мечты на счастливое будущее. Однако я лишилась не только его, но и тепла, ласки, любви, которыми была окружена с рождения. Правда, отец меня не любил и не принимал никакого участия в воспитании. Зачастую, когда он был пьян — а таким отец возвращался из кабаков едва ли не через день, — грозился отлупить меня за малейшую провинность, но так ни разу и не поднял руку. И до восьми лет я не знала, что такое выволочка.

В пансионе же все было иначе: правила поведения в высшем свете в нас вколачивались, если они не доходили с первого или второго раза. К спинам девушек привязывали доски, на головы водружали книги, стопы перевязывали плотными бинтами. И все ради того, чтобы в один из дней мы стали женами высокопоставленных аристократов.

— Айрис! — собственное имя вывело из воспоминаний.

— А... Что? — встрепенулась я, заметив, что по привычке тереблю пальцами кулон каплевидной формы на тоненькой золотой цепочке — все, что мне досталось от матери.

— И надолго ты? — видимо, в который раз повторила вопрос Элания.

— Ты куда-то уезжаешь? — удивленно посмотрела на меня Молли, оставив миниатюру в покое.

— Да. Домой. Но ненадолго. Рассчитываю на неделю, не больше. Мне же предстоит еще закончить обучение. Ведь на меня никто не положил глаз после первого бала. По крайней мере, настоятельница пансиона не говорила, что мной кто-либо заинтересовался, в отличие от вас.

— Да ладно тебе! Было бы из-за чего отчаиваться. Ты думаешь, мне есть чему радоваться? Этот толстый Алтари каждый год на кого-то заглядывается, но так пока ни на ком и не женился.

— А вот обо мне спрашивал Элтон Мольен! — хвастливо проговорила Молли и с довольной улыбкой села на край стула. Видимо, это привычка была уже у нас в крови.

— Откуда знаешь? — Элания прищурилась, явно ей не поверив. Упомянутый нашей соседкой молодой человек был также одним из завидных женихов империи.

— Мама вчера письмо прислала!

— Странно, что ты забыла таким поделиться с нами.

— Так это же не Памир. Вот если бы он пришел договариваться с отцом о браке... — она вымолвила фразу с таким вдохновением, что еще немного — и, будь она сильным магом, все деревья вокруг пансиона расцвели бы заново, невзирая на начавшуюся осень.

— Об этом знала бы уже вся империя, — закончила за девушку Элания, невзлюбившая зазнайку с первого дня. Сколько я ни старалась их сдружить и объяснить своей лучшей подруге, что Молли по-своему очень несчастна — быть почти сиротой при живых же родителях! — у меня ничего не вышло, и они минимум раз в неделю умудрялись поссориться.

— Везет же некоторым! Вот что в тебе такого? Глаза самые обыденные — карие, лицо в веснушках...

— Денег у моего отца много! — без обиняков воскликнула Молли.

— Против правды не попрешь, — согласилась с ней подруга впервые за многие месяцы.

Им удалось избежать очередной размолвки. Девушки продолжили о чем-то говорить, но мне сейчас было не до них. Я вновь и вновь мысленно возвращалась к письму отчима. Мой опекун никогда не пылал ко мне любовью и не испытывал ни капли жалости. Даже в ту ужасную ночь, когда умерла моя мать, лэр Томас Хотдженс не пытался подобрать приободряющие слова, а бесцеремонно разбудил меня на рассвете и сообщил прискорбную новость. А спустя неделю после похорон он занялся поисками элитного пансиона для девушек. Невзирая на высокую стоимость обучения, отчим поспешил избавиться от неугодной ему падчерицы, едва договорился об этом с настоятельницей заведения. Ни слезы, ни мольбы маленькой девочки, не оправившейся после кончины матери, не смогли разжалобить его сердце.

Отчим, которому на то время было чуть меньше сорока, выждал год траура, после чего женился во второй раз на молодой девушке. Вскоре у них появился ребенок. Если я и до этого была им не нужна, то с рождением наследника о моем существовании и вовсе никто не вспоминал. С приходом новой хозяйки сменилась и прислуга. Мою комнату переделали в детскую для Ромера, словно в огромном поместье больше не было других свободных помещений. Все вещи матери бесследно исчезли. Наверняка тем самым моя мачеха попыталась избавиться о малейшем напоминании о другой семье своего драгоценного мужа. Лишь мои визиты омрачали их счастливую семейную жизнь.

Десять лет. Десять долгих лет из года в год я приезжала в родительский дом, ставший мне чужим, всего на две недели во время зимних каникул и считала дни, чтобы вернуться в пансион. Летом меня здесь видеть никто не желал. И я оставалась в опустевшем учебном заведении вместе с Эланией, которой, как и мне, некуда было деваться. Поскольку занятия в это время не проводились, мы сами искали себе развлечения не только по вечерам, но и днем: читали вслух друг другу книги, бродили по саду, примыкавшему к пансиону, а также пытались овладеть магическими заклинаниями. Здесь этому практически не обучали. Мы прошли парочку уроков по бытовой магии, чтобы подогреть чай, высушить волосы... С первого и до последнего дня в этом заведении готовили покорных и начитанных жен для богатых мужчин. Задатки магии, если у кого-то таковые были, в нас не развивали. Моя же мама считала, что и девушкам из высшего общества не мешало бы уметь с ней обращаться.

Занятия, как правило, длились до пяти часов вечера, чтобы загрузить нас делами и не оставить времени на поиски приключений, но в пятницу я до их окончания так и не досидела. Еще одно похожее письмо от отчима пришло настоятельнице пансиона. Она-то и позволила мне покинуть класс в час дня, чтобы я успела подготовиться к поездке.

Ученическое платье я сменила на дорожное, несколько раз провела ладонями по покрывалу на узкой кровати, разглаживая мельчайшие складки, взяла книгу и попыталась погрузиться в сюжет, но мне не удавалось. Едва садилась на стул, тут же вскакивала, словно на нем были угли, и шла к окну. Я делала глубокие вдохи, немного успокаивалась и снова брала в руки маленький потрепанный томик любовного романа, который знала почти наизусть.

Когда пришел час отъезда, я положила книгу в ридикюль, заправила за ухо выбившиеся темно-каштановые пряди и оглядела комнату. На глазах проступили слезы, а сердце сжалось от тоски. Уезжать совсем не хотелось.

«Глупая! Не пройдет и недели, как ты вернешься сюда! Кому ты там нужна?!» — мысленно отругала себя. Тяжело вздохнув, завязала ленты на шляпке, взяла небольшую сумку и ровно к трем спустилась в холл пансиона.

Мелани — гувернантка моей сводной сестры — уже ожидала меня там. Путешествовать молодой лире без сопровождения замужней женщины считалось верхом неприличия.

Она молча присела на реверансе, забрала у меня из рук вещи, и мы направились к кованым воротам, возле которых стояла небольшая двуколка. Дорога предстояла неблизкая — почти сутки в пути. Пансион располагался на небольшом острове, поэтому не каждый желающий мог на него добраться. Билет на корабль стоил приличных денег, а отчим решил ни с того ни с сего раскошиться. К добру ли это?

За час до отправления мы были уже на пристани. Ветер играл с широкими лентами шляпки, а теплое солнце согревало меня своими лучами. Еще месяц — и оно не будет уже таким ласковым. Я подставила лицо морскому бризу и постаралась отпустить тревогу, разраставшуюся внутри с невиданной скоростью.

Вокруг царил шум и гам. Несмотря на разгар учебы, адепты, решившие повидать родных, сновали по палубе и возбужденно о чем-то беседовали. Никто не хотел сидеть в буфете или внизу на неудобных лавочках. Вдоволь наговорившись, вскоре они начали дурачиться. Я стояла у борта и исподтишка наблюдала за ними, изо всех сил силясь спрятать за улыбкой рвущийся наружу смех. Иногда мне это не удавалось. Тогда я отворачивалась от них и закрывала рот ладошкой. «Порядочной девушке следует соблюдать спокойствие и невозмутимость в любой ситуации...» — раздался в голове голос наставницы.

Было уже далеко затемно, когда корабль пришвартовался к пристани, и отступившая тревога взялась за меня заново. За девять часов, проведенных в пути, мне удалось узнать от молчаливой Мелани, что и отчим, и мачеха находятся в полном здравии. И это лишь усугубило мои подозрения, что неспроста он меня внезапно вызвал.

Глава 2

Судно мы покинули едва ли не последними, дожидаясь, пока шумные адепты, ринувшиеся к выходу, не перестанут толпиться. Один за другим они садились в ожидавшие их кареты и пытались поскорее унести прочь от царившей здесь суеты. Я плотнее запахнула накидку, надетую еще на борту, и быстрым шагом направилась к экипажу, на дверце которого даже в темноте виднелись золотые буквы «ТХ». Эта карета отличалась от той, что забирала меня ранее, и, похоже, была сравнительно новая. Отчим менял их как перчатки, словно они стоили пару медяков.

Кучер подал мне руку и помог взобраться по узеньким ступенькам. Едва я села на прохладную скамейку, как увидела неизвестно откуда возникшую тень за спиной Мелани. Я вскрикнула от испуга, но не успела предупредить служанку. Мужчина повалил женщину на землю, выхватил из-под нее мою сумку и, увернувшись от бросившегося на него лакея, рванул со всей прыти прочь.

— Стой! Мои вещи! Держите его! — я выскочила из кареты, сделала пару шагов и проводила взглядом удаляющегося грабителя. Хотелось побежать за ним, но сдержалась — не позволяли манеры приличия. Жаль, моим героем этим поздним вечером никто не пожелал стать.

— Лира Айрис, там было что-то ценное? — с тревогой в голосе спросил лакей, который даже с места не сдвинулся, чтобы попытаться спасти мой багаж.

— Нет, только одежда, — воспитание в пансионе помогло мне скрыть негодование за маской равнодушия. Я осталась без вещей. Но кого это заботило?..

Кучер вновь помог мне взобраться в закрытый экипаж, дождался, когда Мелани займет место напротив меня, и тронул лошадей. Цокот копыт о мостовую, казалось, разносился на многие километры, тревожа погрузившихся в сон горожан. Но вскоре он перестал действовать мне на нервы, и я отдалась во власть дремы, устроившись как можно удобнее на скамеечке, обитой мягким бархатом. Правда, рытвины и выкрики лакеев других экипажей, встречавшихся на нашем пути, постоянно вырывали из полузабытья.

Где-то около шести вечера вдали показались огромные деревья. Они, словно молчаливые стражники, стояли по обочинам дороги, ведущей к особняку четы Хотдженсов. Воспоминания о счастливом детстве, о заботливой матери, уделявшей мне каждую свободную минуту, нахлынули столь неожиданно, что я не смогла сдержать ни улыбку, ни поклатившиеся по щекам слезы. В жаркий день, подобный сегодняшнему, мы с мамой часто выходили в парк, прилегающий к дому, и усаживались на скамейку в спасительной тени раскидистых крон. Она читала мне сказки, рассказывала захватывающие истории. Вернее, так было, пока в нашей жизни не появился лэр Томас Хотдженс — грубый, мрачный, вечно всем и всеми недовольный. И что мама в нем нашла?

По мере того как лошади замедляли ход, мое и так быстро стучащее сердце набирало обороты. Еще немного — и я узнаю о причине столь внезапного возвращения домой.

С каждой минутой все отчетливее было видно строение из серого камня, не являвшееся мне больше домом. Вскоре карета остановилась, дверца распахнулась, и я, опираясь на руку лакея, ступила на землю и повела плечами, стараясь сделать это как можно незаметнее. Тело ужасно затекло. За весь путь от причала до особняка мы лишь единожды сделали остановку. Мое дорожное платье изрядно помялось, и я всячески старалась разгладить его руками, ожидая, что кто-нибудь из домочадцев с минуты на минуту выйдет мне навстречу. Однако я миновала многочисленные ступеньки, ведущие к величественной двери, очутилась в огромном светлом холле, но никто так и не появился.

— Лира Айрис! — раздался приятный женский голос, и я торопливо на него повернулась. Это была экономка. — С приездом. Пойдемте, провожу вас в отведенную вам комнату. Думаю, вы хотите принять ванну и переодеться?

— С удовольствием. Но мои вещи украли в порту, — немного растерянно проговорила я, продолжая удивляться, что никто не потрудился меня встретить.

— Я доложу об этом лэре Тэйлане. Прошу вас, следуйте за мной, — служанка развернулась и направилась по лестнице на второй этаж. Озадаченно посмотрев ей вслед, я поспешила нагнать экономку.

Выделенные мне покои были немногим меньше, чем те, что я занимала в пансионе. Правда, их мы все же делили вдвоем, а здесь я была сама себе хозяйкой. Роскошная обстановка произвела на меня впечатление. Огромных размеров кровать, ванная комната за стенкой, удобная кушетка для чтения... Отчим не поскупился. В прошлый же раз мне досталась небольшая клетушка с узкой кроватью. Однако чем сильнее я радовалась, тем больше закрадывалось подозрение, что это неспроста.

Пока я нежилась в подготовленной ванне, на кровати появился новый комплект нижнего белья и платье. Молоденькая горничная, пришедшая мне на помощь, чтобы собраться к ужину и уложить длинные волосы в затейливую прическу, сообщила, что лэр Хотдженс желает меня видеть, как только я буду готова. Я старалась сидеть спокойно, пока служанка укладывала две косы в подобие короны, но то и дело вытирала о бока вспотевшие ладони. Едва она закончила, я вскочила с мягкого пуфика, поблагодарила девушку и быстро покинула комнату.

Тревога вперемешку с недоумением настолько поглотили меня, что я не заметила, как подошла к нужной двери. Несколько мгновений я стояла с застывшей в воздухе рукой, не решаясь встретиться с человеком, выставившим меня из родного дома. Ведь со смертью матери я стала здесь нежеланным гостем. Сделав несколько глубоких вдохов, разгладила невидимые складки на платье, расправила плечи, подняла голову и все-таки постучалась.

Как только прозвучало позволение войти: я несмело нажала на ручку и перешагнула через порог

Суровый взгляд черных глаз тут же вызвал в теле неприятный трепет, и мурашки побежали вдоль позвоночника. Однако годы, проведенные в пансионе, не прошли даром — я мгновенно взяла себя в руки. Лэр Томас Хотдженс сидел в роскошном кресле и не потрудился даже встать, как того требовал этикет. Где уж ему, с таким-то весом?! Прошло всего восемь месяцев с тех пор, как я видела его последний раз, но, казалось, он поправился на все сто килограммов. В свои пятьдесят лет отчим выглядел безобразно: огромный живот лежал на коленях, дряблые щеки свисали как у собак и подрагивали при разговоре, словно желе, черные волосы на голове были зачесаны слева направо, но и они не могли скрыть проступившую лысину.

Представившийся моему взору мужчина разительно отличался от того, кто появился на пороге этого дома двенадцать лет назад.

— Проходи, Айрис, и садись, — отчим указал пухлыми пальцами на свободное кресло напротив себя, и я быстрым шагом пересекла помещение и устроилась на краешке сиденья. Он молчал, продолжая скользить по мне оценивающим взглядом. — Манеры твои впечатляют, как и отчет настоятельности о твоей успеваемости, но вот сама ты так и не похорошела. Твоя мать была гораздо красивее. И в кого ты такая пошла? А может, не такой уж я и ценитель женской красоты? Хотя какое мне дело? Ему виднее...

Я с трудом смогла сдерживать рвущиеся наружу слезы и потупила взгляд, уставившись на носки своей обуви. На правду не обижаются, но разве нельзя было об этом промолчать? Фиолетовые глаза матери, в отличие от моих, бледно-голубых, в сочетании с пшеничного цвета волосами покорили не одного мужчину. Я же не ловила на себе восхищенных взглядов. Обычная, ничем не примечательная лира...

Глава 3

— Если вам не сложно, лэр Хотдженс, объясните, пожалуйста, цель моего приезда, — я все же осмелилась подать голос, когда тишина, нарушаемая лишь сопением хозяина кабинета и размеренным тиканьем часов, стала давить на плечи как непомерный груз. Слова отчима «ему виднее» не остались без моего внимания.

— Я принял окончательное решение относительно тебя: в следующую пятницу ты выходишь замуж.

Кровь схлынула с лица, а затем так же мгновенно прилила. Комната поплыла перед глазами — настолько сильно закружилась голова. «Наверняка я ослышалась. Этого не может быть!»

— Как замуж? — спросила на этот раз решительно, осмелившись посмотреть на него прямо. На кону была моя судьба!

— А чему ты так удивлена? Что тут за новость такая неслыханная? — отчим фыркнул, но этот звук больше походил на хрюканье. — Выпускницы пансиона, как правило, отправляются сразу к алтарю. Тебе же доведется познать радости супружеской жизни немного раньше, — с ехидной ухмылкой проговорил он.

— Но ведь я еще не закончила учиться! Не попрощалась с подругой! — быстро выпалила я, вскочив с кресла. Известие о замужестве стало для меня шоком. Но слабая надежда, что еще не все потеряно и у меня есть шанс избежать внезапного брака, теплилась, подобно тлеющему угольку.

— А ну сядь! Этому тебя учили в пансионе?! Или ты забыла, как подобает вести себя молодой лире?! Вздумала на шее у меня сидеть?! Ты хоть знаешь, как дорого мне обошлось твое обучение? Неблагодарная! — он ревел, как раненый дикий зверь, а маленькие черные глазки налились кровью от ярости. — Вопрос решен! Брачный договор уже подписан!

Я, не чувствуя под собой пола, вновь опустилась в кресло и нервно сглотнула, однако в горле ужасно пересохло от волнения. Как так — решен?..

— Похоже, мое мнение относительно предстоящего брака вас не интересует, но позвольте тогда узнать имя будущего супруга, — в моем голосе сквозила обреченность.

— Зачем? — отчим пристально посмотрел мне в глаза. Я с трудом выдержала этот хищный взгляд. — Готовься к свадьбе. Отдыхай, отсыпайся, отъедайся. Может, еще успеешь обрасти слегка мясом, а то больно на тебя смотреть. И поверь, Айрис, о подобной партии ты даже во сне мечтать не смела. Породниться с таким древним родом — большая честь для тебя, — я почувствовала, как сошлись на переносице брови. — И, соответственно, для меня, — отчим довольно улыбнулся и стал подниматься со своего кресла. Правда, удалось мужчине это не с первого раза, а с третьей или четвертой попытки. В этот момент я отметила, что излишний вес убьет его раньше отмеренного ему судьбой срока, если он немедленно не сядет на диету.

— Вы очень великодушны, лэр Хотдженс. Благодарю вас за заботу о несчастной сиротке, — не без сарказма вымолвила я, стараясь скрыть тем самым панику и неумную злость, вспыхнувшую с невиданной силой.

— Только попробуй, Айрис, что-нибудь выкинуть! Пожалеешь об этом, — медленно, с неприкрытой угрозой в голосе проговорил отчим, потрясая пухлым пальцем, на котором красовался золотой перстень с красным камнем. Хорошо же ему живется на деньги моих родителей... — За тобой будут приглядывать, пока не перейдешь к мужу.

Я ничего не ответила, лишь слегка склонила голову в знак, что услышала его. Сейчас следовало придержать язык за зубами, иначе ничем хорошим это не закончится. Однажды я уже поплатилась за свою горячность... Но осмелится ли он поднять на меня руку теперь, когда пообещал кому-то в жены?

Последовав его примеру, я поднялась с кресла и... покачнулась. Несколько мгновений — и головокружение прошло, я вновь крепко стояла на ногах, мысленно ругая себя за минутную слабость. Однако новость о замужестве все же сильно меня шокировала. Лэр Хотдженс распоряжался моим будущим, как ему хотелось, обращался со мной, словно с вещицей, которую и выбросить нельзя, и нести тяжело. Интересно, как обстояли дела с моим приданым? Успел пустить по ветру или что-то осталось еще от тех денег?

Отчим указал жестом на дверь, и я, присев в реверансе, спешно пересекла просторный кабинет. Теперь мне предстояло перенести еще одно испытание — ужин. Правда, есть совсем расхотелось после услышанных известий. Я злилась, но что толку? Разве мне под силу было что-то изменить теперь, когда отчим заключил договор? А вдруг моим мужем окажется весьма приятный и начитанный молодой человек, которого, возможно, я в будущем полюблю? Если бы отчим назвал имя жениха, наверняка мне удалось бы хоть что-то выяснить о нем до свадьбы. Но почему лэр Хотдженс его утаил? Может, он ужасно некрасив? Калека? Или все же не стоит надеяться на счастливую участь и подарок судьбы, беспощадно преподнесившей мне на протяжении многих лет сюрприз за сюрпризом, и попытаться сбежать, спрятаться где-нибудь в тихом местечке на краю империи?

До ужина оставалось еще около четверти часа. Я воспользовалась этим временем, чтобы скрыться в комнате для гостей, привести мысли в порядок и с невозмутимым видом спуститься

в столовую, где мне предстояло лицом к лицу встретиться с остальными членами семьи. Вряд ли кто-то из них будет рад моему приезду.

Как и ожидала, мачеха одарила меня презрительным взглядом, едва показавшись ей на глаза. Будто я по своей воле нарушила их размеренную семейную жизнь, а не ее муж послал письмо в пансион с требованием немедленно вернуться домой. Всегда худая и цветущая Тэйлана заметно расплнела в груди и талии, под глазами залегли тени. Вероятно, женщина находилась в интересном положении. И я ненадолго впала в оцепенение, когда в голову пришла эта мысль. Неужели отчим при своих проблемах со здоровьем был еще на такое способен?

— Как добралась? — сухо, даже не пытаясь скрыть своей неприязни, спросила мачеха.

— Спасибо, хорошо, — отозвалась я спокойным тоном, научившись благодаря воспитанию в пансионе надевать маску равнодушия, хотя израненная душа рыдала и билась в истерику, умоляя меня вернуться на остров.

Десятилетний Ромер сильно вытянулся за последний год, впрочем, как и его сестра Омела, которой не так давно исполнилось пять. Дети, ни один не похожий на лэра Хотдженса, с интересом разглядывали меня, явно позабыв за долгое время, как я выгляжу.

Едва в обеденный зал вошел отчим, все заняли свои места за столом. Слуги подавали одно блюдо за другим, но из-за отсутствия аппетита я лишь ковырялась в тарелке. Хотя не одна я. Мое присутствие, бесспорно, тяготило супругов. Одной Омеле было не понять, отчего в помещении так тихо, и она решила побаловаться.

— А к нам на этой неделе приходил дедушка, — хвастливо проговорила девочка, взмахнув вилкой с поддетой на нее картофелиной. От резкого взмаха ребенка овощ перелетел в тарелку Ромера. Видимо, Хотдженсы пока не сильно преуспели в воспитании дочери.

— Омела! — прикрикнула Тэйлана.

— Твой дедушка? — любопытовала я, списав грозный вид мачехи на дирижерство дочери. Родители отчима давно скончались, а вот у его жены и мать, и отец были живы.

— Нет! Чужой: — ответила девочка с набитым ртом.

— Омела! — в очередной раз женщина пресекла высказывания своего дитя. — Не слушай ее, Айрис. Ей даже молодой мужчина кажется старым.

Отчим шикнул на Тэйлану, и она резко замолчала, осознав, что сболтнула лишнего.

— Нет! Он... — захныкала девочка, а когда мачеха вновь на нее прикрикнула, зарыдала горячими слезами. К ней подбежала Мелани, схватила плаксу и спешно унесла.

После небольшого семейного концерта ужин продолжился в полном молчании. Мне не терпелось поскорее очутиться в отведенных покоях и насладиться одиночеством. Присутствие четы Хотдженсов нервировало меня так же, как и мое их.

Глава 4

В комнату для гостей я не шла, а бежала, позабыв обо всех правилах приличия, что вкладывались в мою голову не один год. Общество отчима и мачехи давило, будто тяжелая плита. Лишь переступив порог просторного помещения, служившего моим временным убежищем, смогла вдохнуть полной грудью. Спустя несколько мгновений я успокоилась и снова взяла себя в руки. Мне предстояло написать письмо лучшей подруге в пансион о том, что в ближайшее время мы не увидимся или же и вовсе никогда больше не встретимся. Я взяла лист бумаги, заточила перо, обмакнула его в чернила и вывела всего пару строк, а потом закрыла лицо руками и расплакалась, дала, наконец, волю слезам, которые с трудом сдерживала на протяжении всего ужина. Когда рыдания перешли в единичные всхлипы, я встала со стула и направилась к распахнутому окну. Полная серебристая луна высоко плыла по чернильному небосводу. Ее далекий свет манил к себе, успокаивал. Обхватив плечи руками, словно защищалась от всего внешнего мира, погрузилась в раздумья.

Где я могла встретиться с женихом? На балу? Корабле? Острове? В редкие визиты домой я сидела взаперти в выделенной мне комнате, старалась не показываться никому на глаза, наслаждалась тишиной и одиночеством. Следовательно, в Дельтауне будущий супруг вряд ли мог меня увидеть. Хотя какое это имело уже значение? Важнее всего теперь другое: кто станет моим мужем и где окажется мой новый дом?

Однако голову занимали не только эти вопросы, но и странное поведение четы Хотдженсов. Многим девушкам, несмотря на то, что решение о браке принималось родителями, обычно устраивались встречи с женихами. Мне же со своим доведется познакомиться лишь на свадьбе. К чему такая секретность? Почему отчим не назвал его имени, а Тэйлана не единожды заставляла дочь замолчать? Неужели мое внезапное возвращение как-то связано с таинственным визитером? И почему Омела назвала его дедушкой? Кто он? Поверенный моего будущего мужа, его отец или сам жених? Может, девочке он просто показался старым ввиду ее возраста? Не станет же отчим отдавать меня замуж за старика! Или станет?

В итоге я накрутила себя еще больше и, раздевшись без помощи служанки, улеглась в теплую постель, так и не дописав письмо. Завтра. Я непременно закончу его завтра. Возможно, с утра мое будущее не покажется мне столь мрачным, каким оно виделось этим поздним вечером. Я погасила магический светильник на прикроватной тумбочке, закрыла глаза и погрузилась в крепкий сон.

* * *

Весь следующий день, только чтобы не встречаться ни с отчимом, ни с мачехой, я просидела в комнате, словно это могло что-то изменить. Благо меня никто не тревожил. Возможно, они давали мне время смириться со своей участью или же попросту им было, как всегда, все равно. Но ведь к свадьбе надо как-то готовиться...

За ужином нас стало на одного человека меньше. Со слов мачехи, еще вчера совершенно здоровая малышка внезапно почувствовала себя плохо и осталась этим вечером в детской. Неужели девочка на самом деле заболела? Или же ее убрали подальше с моих глаз? А не проведать ли мне Омелу при случае?

В понедельник же с самого утра, едва несмелый солнечный луч коснулся моего лица, раздался стук в дверь. После позволения войти в комнату вплыла полная женщина в сопровождении Тэйланы, а следом за ними — двое мужчин с увесистым сундуком. Слуги поставили его на пол и спешно удалились.

Портниха под пристальным взглядом мачехи снимала мерки. Когда женщина взяла в руки отрез голубой ткани, я не сдержала удивления и спросила:

— Почему именно этот цвет? Разве невестам не положено быть в белом?

— Так пожелал твой будущий муж, — скупно бросила Тэйлана.

Скорее всего, желая избежать дальнейших вопросов, она встала с кушетки и вышла из комнаты, оставив меня на портниху.

И это тоже мне показалось странным. Что же за жених у меня такой? Неужели он не знает, что едва ли не каждая девушка мечтает оказаться у алтаря в роскошном белом платье с красивой диадемой на голове? А в моем случае, похоже, никто ни раскошелиться, ни утруждаться не собирался.

К среде мне наскучило сидеть в комнате, и я решила прогуляться по лужайке с аккуратно подстриженной травой. Осень уже раскрасила кроны деревьев. Одни радовали взор золотом, другие — пурпуром, а третьи — оттенками красного и оранжевого.

Я бродила по извилистым дорожкам в ухоженном парке и постоянно чувствовала на себе чей-то чужой взгляд. Обернувшись, заметила, что за мной следовал высокий мужчина, одетый во все темное. Видимо, отчим все же приставил ко мне человека. Неужели боится, что сбегу?

Ноги сами свернули по старой памяти на узкую тропинку. Каково же было мое удивление, когда увидела мачеху, сидящую в тени раскидистого дуба, того самого, под которым и я частенько проводила время со своей мамой. Тэйлана читала книгу, а у ее ног с большой и красивой куклой игралась Омела. На щеках малышки сиял румянец, и ничто в ней не выдавало следов тяжелой болезни, о которой вчера твердила ее мать. Стоило мне сделать к ним шаг, мачеха кивком указала Мелани, греющейся неподалеку на солнышке, на ребенка. Та, подхватив Омелу на руки, спешно направилась к дому.

Проводив служанку взглядом, я устроилась рядом с Тэйланой на скамейке. Она усиленно делала вид, что не замечает моего присутствия, продолжая перелистывать страницу за страницей.

— Что вы от меня скрываете? — я решила не искать обходных путей и прямо спросить. Эти игры были не для меня. Хитрости и изворотливости нас в пансионе не учили, лишь кротости и покорности. Наверняка мало кто из родителей, отправлявших туда своих детей, знал, какими

методами эти качества прививались. Я передернула плечами, а по коже прошел озноб, едва вспомнила все, через что мне пришлось пройти.

— О чем ты: Айрис? — она закрыла потрепанный томик и наконец-то соизволила на меня посмотреть.

— Зачем гувернантке понадобилось немедленно уносить Омелу?

— Я ведь тебе уже говорила, дочка болеет Солнце сегодня нещадно припекает, а она и так уже давно на улице, — ее голос ни разу не дрогнул, словно она и сама прошла обучение в том же пансионе, что и я.

— Считай, поверила, — прошептала себе под нос.

— Айрис, я прекрасно тебя понимаю, — она накрыла мою руку своей, но, заметив мой озадаченный взгляд, убрала ее. — Всех невест преследует предсвадебное волнение.

— Лира Тэйлана, вы видели жениха? — я пропустила ее слова мимо ушей.

— Нет, — без промедления ответила мачеха, однако выражение ее лица говорило совсем о другом.

— Что с ним не так?

— Айрис, все с твоим женихом в порядке. Не стоит так переживать. Поверь, едва ли не каждая лира в этой империи хотела бы оказаться на твоем месте. Даже я тебе немножечко завидую, — Тэйлана тяжело вздохнула, недовольно покачала головой, а затем, погладив живот, встала со скамейки и неторопливо двинулась к особняку.

Я тоже поднялась, подошла к величавому дереву и провела пальцами по шершавой коре. Мне не сразу удалось почувствовать надпись, сделанную мамой много лет назад. Мои губы тронула легкая улыбка, когда я все же ее нащупала. Стоило закрыть глаза, как мне показалось, что я слышу ее звонкий смех, приятный голос... Воспоминания о матери придали сил, и я решила во что бы то ни стало докопаться до истины. Если Тэйлана подумала, что провела меня, то ошиблась.

За час до ужина мачеха обычно закрывалась в своей комнате и появлялась в столовой за пять минут до назначенного времени. Этим моментом я и собиралась воспользоваться.

Как и предполагала, в детской никого, кроме самой Омелы и ее гувернантки, не было. Однако стоило мне войти в комнату, встретилась с воинственно настроенной Мелани.

— Лира Айрис, вам нельзя сюда! — вымолвила женщина, преграждая мне путь.

— Кто такое сказал? — я изобразила удивление, хотя догадывалась, что все окажется не так просто, как хотелось бы.

— Пожалуйста, покиньте немедленно комнату! Или...

— Или что?

— Я позову лиру Тэйлану! — она, наверное, думала, что я испугаюсь и немедленно уйду, но это не входило в мои планы.

— Как вам будет угодно.

Если она оставит меня наедине с девочкой, это будет мне лишь на руку. Так и случилось.

Мелани, осознав, что уходить я не собираюсь, вылетела из детской, впопыхах забыв закрыть дверь. Первой мыслью было ее запереть, наложив магическое заклинание, но подумала, что могу тем самым напугать ребенка. Я подобрала длинную юбку и опустилась перед девочкой на колени. Она с интересом посмотрела на меня.

— Омела, помнишь, ты рассказывала о дедушке, который приходил к вам в гости? — несмотря на беспокойство, я старалась говорить мягко и с улыбкой на губах. Малышка кивнула, и моя улыбка стала шире. — Скажи, почему ты назвала его дедушкой?

— Потому что... Потому что он дедушка! — воскликнула разволновавшаяся Омела и крепко прижала к себе все ту же игрушку, с которой была в парке.

— Хм... У него такие же белые волосы, как и у твоей куклы?

— Нет! Да! — ее противоречивые ответы поставили меня в тупик.

— Думаю, тебе стоит немедленно уйти отсюда и привести себя в порядок перед ужином! — влетела в комнату Тэйлана, а следом за ней и Мелани.

В серых глазах мачехи полыхали недобрые огоньки. Мне пришлось покинуть детскую, так и не подобравшись к разгадке тайны. Ничего не оставалось, как отдаться во власть судьбы. Надеюсь, что в этот раз она будет ко мне благосклонна.

— Повернитесь, лира Айрис, — попросила портниха, подгоняя платье. — Вы выглядите в нем просто превосходно!

Женщина со всей душой подошла к работе. За пару дней она сшила изумительное платье нежно-голубого цвета с пышной юбкой. Лиф украшало множество стразов, переливающихся на свету всеми цветами радуги, а широкий пояс темно-синего цвета подчеркивал тонкую талию. Мне и самой нравилось то, что я видела в отражении. Осталось совсем немного. Уже завтра я узнаю имя своего будущего мужа. Но почему так колотится сердце от одной лишь мысли о нем?

Внезапно дверь открылась, и в комнату вошел отчим с незнакомым мужчиной, которому на вид было лет сорок. Его виски заметно тронула седина. Может, это он?

— Оставьте нас! — холодным тоном скомандовал портнихе лэр Хотдженс, и та спешно удалилась.

Я растерянно переводила взгляд с одного на другого, даже не представляя, о чем сейчас пойдет речь.

Глава 5

Отчим окинул меня с головы до ног неприятным оценивающим взглядом, от которого появилось нехорошее предчувствие.

— Это лэр Колиста — наш семейный целитель. Он тебя осмотрит, — сказал мой опекун тоном, не терпящим возражений.

По спине мгновенно пробежался неприятный озноб, а кожа стала гусиной.

— Зачем? — почти шепотом осведомилась я и попятилась, прижав руки к груди.

— Завтра ты выходишь замуж, и мне нужно подтверждение, что ты невинна.

— На осмотре настоял мой будущий супруг? Это прописано в брачном договоре? — я сжала пальцами мягкую ткань платья и ощутила удушающую волну страха.

— Нет. Но я не собираюсь наживать себе проблемы от такого человека, если вдруг окажется, что ты нечиста.

Он говорил обо мне словно о дорогом товаре, ценность которого следовало подтвердить. А может, так и было?

— Вы прекрасно знаете, что это не так, — моя выдержка в очередной раз подвела меня. — Вам каждый месяц приходит отчет из пансиона как о моих оценках, так и о здоровье! Подобный факт от вас никто бы не скрыл!

«Как он мог так обо мне подумать?!»

— Но новый ведь еще не пришел, — недобро ухмыльнулся отчим.

— Я не позволю! — мой голос предательски дрогнул.

— Кто тебя будет спрашивать? — сказал он уже сурово и нахмурил брови.

— Тогда приведите женщину! — я вздрогнула, когда уперлась спиной в холодную стену.

— Никаких женщин не будет! Я доверяю только своему человеку. И прекрати уже эту истерику! Или тебе есть чего бояться? — его лицо покраснело, глаза налились кровью. Лэр Хотдженс шумно втягивал воздух.

— Мне нечего бояться! Я чиста! — я смотрела на него с неприкрытой ненавистью, затолкав страх на задворки сознания, но отчиму было все равно.

— Тогда вопрос закрыт! С минуты на минуту придет лира Тэйлана. Как только появится, приступайте, лэр Колиста. О результатах доложите незамедлительно. Я буду в своем кабинете, — отрывисто распорядился отчим и тяжелой поступью, переваливаясь с ноги на ногу, вышел из комнаты, оставив дверь распахнутой.

— Прошу вас, не надо, — с мольбой посмотрела на целителя, когда он сделал несколько шагов ко мне.

— Юная лира, я не причиню вам вреда, всего лишь удостоверюсь в вашей невинности, — заговорил он со мной слащаво-приторным голосом, от которого меня передернуло.

— Это унижительно! — мои глаза были полны слез. В какой-то момент я почувствовала, как они потекли по щекам.

— Я — целитель.

— В первую очередь вы — мужчина!

— Независимо от вашего или моего желания мне придется вас осмотреть. И советую вам не сопротивляться. Заклинания, конечно, хороши, но после них все тело кажется чужим, — он приблизился ко мне и вытер мокрые дорожки от слез сперва с одной щеки, а после и с другой, как маленькому ребенку. От его прикосновений в груди все содрогнулось.

— Уж лучше бы я ничего не чувствовала, — проговорила я надломившимся голосом.

— Ну что вы. Не стоит так убиваться. Вы все равно ничего не измените, а сделаете себе только хуже.

— Вы можете солгать ему, — я схватилась за очередную возможность изменить свою участь.

— Чтобы меня лишили диплома, если все окажется не так, как вы говорите? Да и лира Тэйлана будет свидетелем. Думаете, она не заметит, что я пренебрег указаниями лэра Хотдженса?

— Вы боитесь гнева моего будущего мужа или моего отчима?

— И того и другого. Это не займет много времени. Думаю, столь красивое платье лучше снять. Я позову служанку, чтобы она помогла вам переодеться.

— Скажите, вы знаете, кто мой жених? — бросила целителю вслед, когда он взялся за дверную ручку.

— Нет. Можете верить, можете не верить, но я правда не знаю, — в его голосе послышалось сочувствие, и мужчина вышел.

Эту процедуру в пансионе я проходила не единожды. Конечно же, она не была смертельной, но под пристальным взглядом Тэйланы, запретившей даже поставить ширму, да еще и проводившаяся мужчиной, оказалась весьма унижительной. Я искусала все губы в кровь. Едва они ушли, уткнулась лицом в подушку и заплакала. Я не позволила себе этого в присутствии мачехи, даже когда она неторопливо покидала комнату, мерзко и ехидно улыбаясь.

На улице уже смеркалось, когда впервые после столь ужасного поступка отчима ко мне постучалась служанка, чтобы уложить в саквояж мои скромные пожитки. А что у меня было? Всего-то дорожное платье, несколько великодушно предоставленных Тэйланой нарядов, ридикюль, пара ботиночек, любимый потрепанный томик любовного романа да кулон, переданный мне мамой за несколько дней до своей смерти.

Ужин принесли прямо в покои. Видимо, никто не желал лицезреть меня за столом. Скорее всего, думали, что я устрою скандал. Неужели Хотдженсы и впрямь решили, что я опущусь столь низко, как они?

Я лежала в постели и перелистывала страницу за страницей так понравившегося мне романа. Едва дошла до момента побега героини из родительского дома, когда ее решили выдать замуж за нелюбимого, закрыла книгу и призадумалась. Пусть я никого и не любила, но ситуация с замужеством слишком нервировала. Да и в добродетель отчима, по воле которого мне довелось испытать столько горя, уже не верила. Так не пойти ли и мне на отчаянный шаг, подобно героине этого романа? Ну и что, что у меня всего пара медяков за душой. Мир ведь не без добрых людей, кто-нибудь да поможет. А мой титул — лишь приставка к имени, не более. Он никак не облегчал мою жизнь, а, наоборот, усложнял ее, накладывая на меня определенные обязательства.

Воодушевленная идеей, я выскользнула из кровати, быстро надела дорожное платье, ботиночки и тихонько приоткрыла дверь в коридор, погруженный в полумрак. Она открылась со скрипом, привлекая внимание того, кто стоял по ту сторону.

— Лира Айрис, что-то случилось? Позвать горничную? — раздался незнакомый грубый голос, и из темноты выплыл мужчина, который следовал за мной на протяжении последних двух дней.

— Нет-нет, все в порядке, — ответила с невозмутимым видом, сумев скрыть разочарование и горечь из-за сорвавшегося побега. — Мне послышались какие-то странные звуки, вот и решила посмотреть.

— Все в порядке. Можете спокойно отдыхать и ни о чем не волноваться. Я буду охранять ваш покой до утра.

Мужчина ясно дал понять, что шансов незаметно уйти по коридору у меня нет. Поблагодарив за заботу, заперла дверь и подошла к окну. До земли расстояние было приличным, но раз решилась, надо идти до конца.

Я разорвала на несколько кусков простыню, пододеяльник и связала их между собой, а вот с покрывалом справиться не смогла, уж слишком плотной оказалась ткань. Закрепив подобие веревки на одном из столбиков кровати, налегла на нее всем своим весом, проверив тем самым на прочность. Результатом я осталась довольна.

Перебросив «веревку» через окно, начала спуск. Я уже добралась до первого этажа, когда заметила внизу странные тени. Пришлось замереть и понаблюдать за ситуацией. Их было четверо. Они о чем-то перешептывались, разглядывая особняк. И тут случилось то, чего я так боялась: раздался треск ткани. Сперва еле слышный, но в ночи он показался оглушающим.

«Только не это!» — пронеслось в голове. Однако мои мольбы не были услышаны. «Веревка» была не столь прочна: как хотелось бы; и разорвалась на две части. Я с криком, взмахивая руками, словно могла взлететь, приземлилась на клумбу с цветами. Мой вопль спугнул странных визитеров. Они в мгновение перескочили через высокий забор, будто их никогда тут и не было. В окнах повсюду начал загораться свет.

Не теряя ни секунды, стараясь не думать о боли, я побежала за ними. Едва добежала до изгороди, ухватилась за каменный выступ и подтянулась вверх. Мои пальцы и носки обуви лихорадочно нащупывали мельчайшие зазоры в заборе. Карабкаясь по выступам и неровностям, я поднималась все выше. Оставалось совсем чуть-чуть до заветной свободы, когда пальцы соскользнули с очередного камня, оказавшегося слишком гладким. Я приготовилась к еще одной порции боли, однако вновь повстречаться с землей мне не довелось. Чьи-то сильные ладони схватили меня за талию и, словно пушинку, поставили на ноги.

Руки принадлежали все тому же охраннику, следовавшему за мной по пятам. Он покачал головой, крепко сжал мое запястье и, ничего не сказав, потащил в дом. Вырываться было бесполезно, поэтому проводила печальным взглядом деревья, росшие по ту сторону забора. А ведь мне оставалось совсем чуть-чуть...

Глава 6

Этот день все же настал! Я стояла перед зеркалом и с грустью смотрела на свое отражение. На мне было тончайшее кружевное белье, красивое голубое платье, под цвет моих глаз, и ярко-синий каплевидный кулон. Горничная сделала мне пышную прическу и нанесла легкий макияж, который скрыл следы бессонной ночи. Вместо фаты мою голову украшал венок из кремовых роз. Колочие шипы впивались в кожу и приносили много боли, внося дополнительные капли в море моих страданий.

Ровно в одиннадцать раздался стук в дверь и в комнату ворвался лэр Хотдженс в нарядном костюме, который едва ли не трещал по швам. Он безмолвно указал на выход. Я присела в реверансе, расправила плечи, гордо подняла голову и грациозной походкой прошла мимо него. Его тяжелый взгляд прожигал мне спину, когда он следовал за мной. Это пытка закончилась, стоило нам сесть в карету. Тэйлана чудом поместилась рядом со своим немаленьким мужем, а возле меня устроился все тот же надсмотрщик, и кучер тронул лошадей. Я смотрела в окошко, пока родительский дом не скрылся из виду. Смахнув одинокую слезу, попрощалась с местом, с которым было связано много светлых воспоминаний. Плохие же хотелось позабыть, выбросить из головы, как ненужный мусор. На протяжении всей дороги никто не проронил ни слова. К полудню мы прибыли в храм. Солнце стояло в зените и, невзирая на середину осени, нещадно припекало. Пот градом лился по раскрасневшемуся лицу отчима. Казалось, еще немного — и у него случится приступ.

Едва моя нога ступила на землю, лэр Хотдженс подал мне руку, которую пришлось принять. От страха сердце колотилось с бешеной скоростью, а ладони взмокли. Я нервно поглядывала то на вход в храм, то на черный роскошный экипаж с четверкой вороных жеребцов. Вероятнее всего, жених уже дожидается меня внутри. Как бы мне ни хотелось этого избежать, я здесь... и с минуты на минуту выйду замуж. Много раз за ночь после неудавшегося побега я представляла себе свое будущее, если бы не убили отца, если бы не умерла моя мама... Вот только это «если бы» очень сильно повлияло на мою судьбу.

Тэйлана вручила мне букет из пяти кремовых роз. На грани отчаяния, в сопровождении четы Хотдженсов и охранника я поднялась по широким мраморным ступеням и оказалась перед резными дверями, которые спешно распахнули лакеи в золотистых ливреях.

Я медлила, но отчим перешагнул через невысокий порог и увлек меня за собой. Двое мужчин о чем-то переговаривались у алтаря. Один из них повернулся, едва раздался скрип петель, а

другой, тот, что повыше, продолжал стоять к нам спиной, опираясь обеими руками на трость. Меня распирало от любопытства, а он все оттягивал момент истины. У него явно была военная выправка, а темно-каштановые волосы лишь незначительно выбелены сединой, поблескивающей в свете магических светильников. Я облегченно выдохнула, обрадовавшись, что Омеле все привиделось. Но в этот момент мужчина обернулся. Я резко остановилась и сдержала крик лишь благодаря оцепенению, мгновенно охватившему все тело. Только теперь я поняла, почему отчим все это время скрывал имя жениха. Этого человека, как и его нрав, знала вся империя. Белая прядь начиналась у макушки и тянулась к правому виску — отличительная черта рода Тонли, но это был не Лами́р. Ему я бы точно обрадовалась.

Глава 7

Синие глаза, так и не потерявшие яркости в силу возраста их владельца, казалось, заглядывали в самую душу, вытягивая на свет все ее темные стороны. От такого цепкого и холодного взгляда хотелось укрыться, спрятаться и больше никогда не вылезать из своего укрытия.

Бывший советник императора, лэр Аарон Тонли, стоял у алтаря и с нескрываемым интересом рассматривал меня, словно и вовсе видел впервые. Я же с трудом держалась на ногах, вымаливая у судьбы, чтобы это все обернулось дурным сном. А может, мне несказанно повезло и он выступает поверенным сына? Но почему тот сам не приехал? Вспыхнувшую на миг крохотную надежду почти сразу отобрал отчим.

— Пойдем, Айрис, твой жених и так тебя уже заждался, — судя по интонации и произношению, лэр Хотдженс говорил, широко улыбаясь.

— Умоляю, нет. Только не он, — тихонько проговорила себе под нос. Возможно, если бы не музыка, доносившаяся со всех сторон, эти слова непременно бы эхом разлетелись по всему храму. Жених, которому на вид было около шестидесяти, нахмурил темные брови, и черты некогда красивого лица заострились, словно он услышал сказанные мной фразы.

Лэр Хотдженс сделал шаг вперед, а вот я — назад, пытаюсь вырвать свою руку, но отчим вцепился в нее мертвой хваткой.

— Прекрати! — прошипел мой опекун и с силой дернул за локоть.

— Что вы делаете? Прошу вас, пощадите, — с мольбой в голосе обратилась к отчиму, едва ли не тащившему меня по украшенному цветами проходу.

— Выдаю замуж любимую падчерицу, — с придыханием отозвался лэр Хотдженс, которому явно было нехорошо. Эта свадьба и невыносимо жаркий день могли довести отчима до гроба, однако, даже если так произошло бы, мне было бы его не жаль.

— Выберите кого-нибудь другого, умоляю.

— Возьми себя в руки и не позорь нас, — процедил он сквозь зубы. — Эта церемония — лишь формальность для храмовника.

Невзирая на мое сопротивление, лэр Хотдженс подвел меня, слегка подтолкнув, к будущему супругу, наблюдавшему все это время за моими жалкими попытками избежать нежеланного брака. Отчим вложил мою руку в ладонь жениха, оказавшуюся на удивление теплой и шершавой, и встал рядом со своей женой и моим охранником. Позади меня выросла преграда из трех человек. Видимо, на тот случай, если я все же брошусь в бега. Правда, скрип дверей и лязг засовов ясно дали мне понять, что деваться больше некуда.

Лэр Тонли-старший передал трость своему помощнику или же слуге и снова сосредоточил на мне свой пристальный взор. За каменным выражением лица невозможно было понять, о чем он думает. Правда, из-за нахлынувших слез перед глазами начало все расплываться и я не могла тщательно рассмотреть будущего супруга.

Музыка смолкла, и на минуту воцарилась тишина. Она давила и отдаляла неизбежное. Наконец, раздался громкий мужской голос, призывающий всех к вниманию и положивший начало свадебной церемонии.

— Мы собрались здесь, чтобы связать узами брака этого мужчину и эту... — заговорил храмовник, но его слова доносились до меня смутно.

Я пыталась собраться с мыслями, взять себя в руки. Зачастую мне это удавалось, но стоило взглянуть на жениха, как мое спокойствие и смелость куда-то улетучивались.

Прошло несколько мучительных минут, прежде чем служитель храма подал знак аристократу. — Я, лэр Аарон Тонли, в присутствии собравшихся здесь свидетелей беру в законные супруги лиру Айрис Контана. Обещаю любить ее и оберегать от всех бед. Пусть это кольцо станет знаком моей любви и верности, — он говорил так, словно зачитывал очередное указание императора, которому прослужил не одно десятилетие.

Жених взял протянутую ему драгоценность и покрепче ухватился за мое запястье. Кольцо, оказавшееся не по размеру, мгновенно обвило палец после произнесенного лэром Тонли короткого заклинания. Помимо красоты, богатства и влияния в обществе этот древний род обладал огромной магической силой, которая являлась предметом зависти многих мужчин. Настал мой черед давать клятву. Однако я боялась, что не справлюсь — в горле пересохло, пальцы дрожали, а сердце замерло от страха. Сколько раз в мечтах я видела день собственной свадьбы? Наверное, их не счесть. Но даже в самом кошмарном сне я не могла представить, что стану женой такого человека. Можно было промолчать, отказаться произносить слова, что я собиралась сказать однажды любимому. Но что это бы изменило? По сути, ничего. Лишь вызвало бы гнев и недовольство супруга.

На миг закрыв глаза, сделала несколько глубоких вдохов и заговорила на удивление ровно и спокойно:

— Я, лира Айрис Контана, в присутствии собравшихся здесь свидетелей беру в законные мужья лэра Аарона Тонли. Обещаю...

— Хватит! — резко сказал он, отчего я вздрогнула и едва не выронила зажатое в правой ладони кольцо, врученное свидетелем со стороны жениха. — Заканчиваем со всем этим. Нам пора в путь.

У меня тотчас пропал дар речи. Я гулко сглотнула, стараясь избавиться от кома, появившегося в горле, едва заметно кивнула, спешно надела ему на палец драгоценность и убрала руки за спину.

— Как же так?! — изумленно воскликнул отчим. — Церемония ведь еще не закончилась!

— Все и так знают что я вдовец. Лира Айрис по документам уже является моей женой. К чему этот спектакль? Только время попусту тратим! — с раздражением отозвался... муж. Внезапно он схватил меня за запястье, отчего я вздрогнула, и повернул лицом к мачехе и отчиму. — Лира и лэр Хотдженс, позвольте вам представить мою супругу, лиру Айрис Тонли. Прошу поприветствовать ее, как того требуют правила.

Тэйлана растерянно глянула на мужа, пришедшего в такое же недоумение, как и его жена. Однако тон, которым были произнесены слова бывшего советника императора, свидетельствовал, что он не потерпит неповиновения. Чета Хотдженсов, сопя и кряхтя от негодования, склонилась передо мной, как и остальные присутствующие в храме. От меня не укрылся полный ненависти и презрения взгляд мачехи, не ожидавшей такого поворота. Видимо, она надеялась, что мое замужество за таким человеком обернется выгодой для ее семьи, откроет новые двери в высшее общество, а на деле все оказалось совсем иначе.

Как только они выпрямились, лэр Тонли обратился ко мне, продолжая смотреть перед собой: — Пойдем, дорогая. Мы и так здесь задержались, — в его голосе послышалась толика тепла, которое никогда не было присуще моему отчиму или мачехе.

Не проронив больше ни слова, он забрал у своего помощника трость и решительным шагом, увлекая меня за собой, двинулся к массивным резным дверям. Их спешно распахнули перед нами все те же лакеи в золотистых ливреях.

Глава 8

Я чувствовала на себе ненавидящие взгляды тех, кто должен был стать мне семьей, заменить родителей, так рано покинувших этот мир. Отчим же мало того, что отнял у меня счастливое детство, юность, отправив в пансион, так еще и выдал замуж за далеко не молодого человека, леденящий взор которого наводил ужас.

Лэр Тонли-старший несомненно внес большой вклад в развитие нашего государства: с его помощью четверть века назад император подавил кровопролитное восстание, нацеленное на свержение монарха. Каждый год именно по совету лэра Тонли-старшего в столице вот уже

последнее десятилетие с целью демонстрации врагам силы и мощи нашей страны проводились военные парады. И они вселяли страх в сердца недругов. Ряд важнейших реформ, прошедших не так давно в империи, был отчасти его заслугой. Но бывший советник помимо ума славился и грозным характером. Лэр Тонли-старший не терпел неповиновения. Поговаривали, что он всего одним движением руки мог вырвать у человека сердце или же заморозить его взглядом. Так ли это на самом деле, я не знала, но личность могущественного мага давно окружали жуткие легенды. И этот мужчина, о котором столько была наслышана, чьим именем в пансионе пугали девушек по ночам, стал моим мужем. По сути, я перешла из-под опеки одного тирана к другому. Однако если от отца уже знала, чего ожидать, то с бывшим советником мне еще предстояло познакомиться.

Едва мы оказались на улице, лэр Тонли повернулся ко мне.

— Сними ты наконец этот дурацкий венок, — и, не дожидаясь, пока я сделаю это сама, выдернул «украшение» из волос и выбросил его в урну, куда вдобавок отправился и свадебный букет из пяти кремовых роз.

Я вздрогнула от неожиданности, что, конечно же, не укрылось от моего супруга. Но он сосредоточил внимание на вышедшем вслед за нами помощнике.

— Генри, проследи, чтобы в книгу была внесена запись о браке, и пусть храмовник немедленно выпишет свидетельство. Не хочу потом лишних проблем.

— Сейчас все будет сделано, лэр Тонли.

Мужчина поклонился и снова скрылся в храме, а я, потупив взгляд, дожидаясь указаний мужа. Только теперь, под лучами солнца, чувствуя приятное тепло, осознала, насколько замерзла. А может, это все из-за нервов?

— Ты уже собрала вещи? — обратился ко мне маг. В его голосе не было той холодности, с которой он разговаривал с четой Хотдженсов, однако рядом с ним мое сердце заходило от стука. Быстро кивнув, продолжила разглядывать туфельки.

— Айрис, когда я с тобой разговариваю, изволь смотреть мне в глаза. Я не император, который дает на то разрешение, а твой муж, — я подняла голову и несмело посмотрела на мага. — И где они?

— В карете, лэр Тонли.

— Лэр Тонли? — беззлобно усмехнулся мужчина, которого, видимо, рассмешили мои слова, и я залилась румянцем. — Айрис, для тебя я больше не лэр Тонли, а Аарон. Независимо от твоего желания, тебе придется привыкнуть так называть меня. Скажи, не покажется ли другим странным то, что жена называет своего мужа не по имени, когда они разговаривают между собой? Мы должны выглядеть счастливой семейной парой в глазах людей, даже если будет совсем иначе.

— Да, лэр... — я осеклась и сжалась внутренне, приготовившись к гневу с его стороны, но он лишь спокойно произнес:

— Придется нам потренироваться.

Не проронив больше ни слова, супруг спустился к роскошной карете, на дверце которой красовался фамильный герб известного всем рода Тонли. Он дал короткое указание кучеру, и тот направился к экипажу четы Хотдженсов. Как оказалось, за моими вещами. От меня не укрылось недовольство бывшего советника, когда он увидел мои скромные пожитки, поместившиеся в небольшой саквояж. Его плечи напряглись, костяшки пальцев, сжимающих трость, побелели, а на скулах заиграли желваки. Однако продлилось это недолго. Пара мгновений — и на его лице появилась привычная маска равнодушия.

— Все готово, лэр Тонли, — проговорил вернувшийся слуга моего мужа и передал ему лист бумаги, перевязанный красной лентой.

— Отлично, тогда выдвигаемся, — это было сказано громко, чтобы услышала не только я, но и чета Хотдженсов, стоявших у входа в храм.

Они спешно подошли к нам, чтобы с заискивающими улыбками попрощаться с молодоженами и пожелать им долгих лет счастливой семейной жизни и много красивых и умных детишек. Несомненно, Тэйлана заговорила о них неспроста. Она пыталась уколоть меня, да побольнее. И ей это удалось. Стоило подумать о предстоящей брачной ночи, как все тело охватила дрожь. Я в панике начала покусывать губы и коситься на своего супруга. Он словно почувствовал мое состояние и подал знак кучеру, который торопливо распахнул перед нами тяжелую дверцу

кареты. Бывший советник подал мне руку, помог взобраться в богатый экипаж, а сам устроился на противоположной скамейке, обитой красным бархатом.

Несмотря на возраст, лэр Тонли находился в прекрасной физической форме. Ему не понадобилась помощь слуги, чтобы подняться по узким ступенькам. В то время как отчима едва ли не заталкивали в карету, хотя он был на десять лет моложе моего супруга.

Едва за нами закрылась дверца, раздался выкрик кучера и лошади тронулись с места. Я отодвинула шторку, чтобы посмотреть на отчима и мачеху, махавших нам вслед. На их лицах была такая безграничная печаль, словно они расставались с собственной дочерью, а не с неудобной падчерицей. Тэйлана так еще и напускные слезы платочком вытирала. Хороша актриса, ничего не скажешь. Прощальный взгляд — и экипаж завернул за угол. В душе теплилась надежда, что мне никогда больше не доведется с ними увидеться. Меня ждала новая жизнь. Вот только какой она окажется, я не могла пока даже предположить.

Глава 9

Мы ехали в полной тишине не один час. Супруг сидел с задумчивым видом и лишь изредка бросал на меня мимолетные взгляды. Я же была благодарна ему за царившее в карете молчание. Мне требовалось время, чтобы привыкнуть к его обществу, силе, исходящей от мужа, голосу... Внутренний тугой узел, завязавшийся еще в начале поездки, потихоньку стал расплетаться. Пока лэр Тонли усердно о чем-то размышлял, я рассматривала то фамильный герб, висевший над головой мужчины, то его самого, конечно же, из-под полуопущенных ресниц. В свои шестьдесят бывший советник выглядел очень даже неплохо, если вспомнить известных мне мужчин его возраста. Однако то, что мой муж немолод, выдавала не только седина, появившаяся в волосах и широких бровях, но и сеть пока еще не очень глубоких морщин на лбу, щеках, вокруг глаз и уголков рта. Нет, лэр Тонли не был безобразен, но и не вызывал симпатии. В голове не укладывалось, как я смогу его полюбить. Видимо, придется жить по принципу «стерпится — слюбится».

Поздним вечером, когда солнце уже село за горизонт, а луна лишь несмело решила показаться на глаза, мы остановились у небольшой гостиницы. Мой муж подозвал Генри, который всю дорогу ехал на козлах, и распорядился, чтобы он позаботился об ужине. Вскоре лэр Тонли и сам вышел на улицу. Мне же было велено сидеть в карете и дожидаться дальнейших указаний. Едва я осталась одна, начала разминать затекшее тело. В присутствии бывшего советника я боялась даже заговорить, не то что пошевелиться.

Спустя полчаса дверца экипажа открылась и муж подал мне знак, что можно выходить. Опираясь на его крепкую руку, я спустилась на землю и вдохнула прохладный вечерний воздух. Осень с каждым днем все больше давала о себе знать. Еще немного — и первые кристаллики льда начнут появляться поутру на пожухлой траве. Я не любила зиму, ведь на каникулах приходилось возвращаться в родительский дом, где меня никто никогда не ждал. Однако, едва заканчивались праздничные дни, я уезжала в пансион, чтобы на целый год позабыть о существовании Хотдженсов. Куда же бежать теперь?

Еду нам подали не в общий зал, а в небольшую комнатку, снятую лэром Тонли.

Умопомрачительные запахи вмиг напомнили, что я со вчерашнего вечера ничего не ела.

Отбросив боязнь и стеснение, с аппетитом начала поедать куриную ножку с румяной и хрустящей корочкой.

Я чувствовала на себе заинтересованный взгляд женщины, обслуживавшей нас. Однако к этому следовало привыкать. Рядом с таким мужчиной отныне я всегда буду удостоена не только внимания, но и грязных шуточек, которые никто не осмелится сказать мне в лицо, ибо побоятся гнева моего супруга, по-прежнему имевшего огромное влияние в обществе.

Утолив голод, я переоделась в дорожное платье, переобулась в поношенные ботиночки, достала любимый потрепанный томик и аккуратно уложила в саквояж свадебный наряд. Теперь снова можно было отправляться в дорогу. Лэр Тонли тем временем учтиво дожидался меня на улице. Вскоре мы продолжили путь. От ощущения полного желудка и тепла пледа, которым укутал муж, меня быстро сморило. Этот сон стал спасением от тревожных мыслей, неустанно роившихся в голове. Поведение супруга сильно беспокоило. На ослепленного любовью он не

похож, наследник у него уже имеется. Тогда что им движет? Зачем настолько влиятельному человеку жениться на никому не угодной сиротке? Интересно, что меня ждет по приезду в его владения?

* * *

Я проснулась, когда солнце только начинало неторопливое восхождение на свое законное место на небосводе, прогоняя прочь холодную луну. В карете было темно, и лишь тихое и размеренное сопение напомнило мне, что я не одна. Вскоре лэр Тонли зашевелился, лишив меня возможности понаблюдать за ним во сне.

Когда в экипаже стало достаточно светло, я погрузилась в чтение, хотя эти строчки уже давным-давно были мне знакомы.

— Айрис, расскажи о своих родителях, — внезапно заговорил лэр Тонли. К этому времени я уже дошла до середины любимой книги.

Глубоко вздохнув, закрыла томик и подняла глаза на супруга.

— Что именно вам хотелось бы узнать? — мой голос на удивление не дрогнул. Когда-то зародившийся страх перед ним медленно начал отступать.

— Все, — он слегка склонил голову набок, приготовившись к моему рассказу.

— К сожалению, я мало что о них помню. Родители достаточно рано умерли: папу убили в пьяной разборке, когда мне было четыре года, а мама скончалась от сердечного приступа, едва я отпраздновала восьмой день рождения.

— Что было дальше?

— А дальше отчим подыскал мне пансион и отправил учиться, — я не смогла выдержать пристального взгляда супруга и стала разглаживать складки на изрядно помятом платье.

— В учреждение, где готовят безвольных кукол для богатых аристократов? — он вопросительно приподнял бровь, и я еле слышно прошептала:

— Да.

Это было именно так. С первого дня в пансионе нам вкладывали в головы, что мы должны безропотно принять любого, кого выберут в мужья родители или опекуны, всячески почитать его и уважать.

— Тебе ведь есть уже восемнадцать, — пусть это было утверждение, а не вопрос, я кивнула. — Почему ты не вступила в права наследования? Неужели твоя мать не позаботилась о завещании?

Воспоминание об одном из злополучных дней мгновенно всплыло в сознании, и я часто заморгала, чтобы не полились подступающие слезы. Лэр Тонли напряженно смотрел на меня, ожидая ответа.

— Я долгое время не задавалась этим вопросом. Мне ведь было всего восемь, когда осталась круглой сиротой. Но однажды, приехав с очередным визитом в родительский дом, я решилась спросить об этом у отчима, — с каждой секундой мои слова звучали все тише. В какой-то момент крупные слезы все же покатались по щекам. Я торопливо вытирала их платком, но они все текли и текли.

— Что произошло тогда, Айрис? — мягкость лэра Тонли лишь усугубила ситуацию, и тишину в карете взорвали звучные рыдания. — Айрис!

Я не хотела признаваться, но устоять под напором его голоса и магии, которую бывший советник влил в мое тело одним касанием руки, не смогла.

— Отчим ударил меня по лицу с такой силой, что я упала... Хотела подняться... но он не позволил... продолжил бить ногами. Кричал, что я неблагодарная дрянь... моя мать не оставила мне ни медяка... и вместо того, чтобы благодарить его за обучение, которое ему обходилось в приличную сумму... за то, что не выбросил меня на улицу, я посмела заикнуться о каких-то деньгах.

— Вот же тварь!

— С тех пор я больше не упоминала про завещание, — ответила, перестав громко всхлипывать. — А у его поверенного тоже не имело смысла спрашивать. Он бы ни за что не признался, как обстоят дела на самом деле. Денег же на разбирательства у меня нет, да и никогда и не было.

— А другие родственники? Почему они за тебя не заступились?

— У меня нет других родственников, — без промедления отозвалась я.

— Ни двоюродных братьев, ни сестер, ни дяди, ни тети? — его брови сошлись на переносице от удивления. Но это озадачило и меня. Неужели такой влиятельный и дальновидный человек не соизволил узнать о моем происхождении?

— Отец был последним мужчиной из рода Контана. Какая-то болезнь выкосила всю их небольшую семью. Мама говорила, что папа часто упрекал ее в том, что она оказалась не в состоянии подарить ему наследника. Но после меня она не могла больше иметь детей. Что-то пошло не так во время моего рождения...

— И твой отчим знал об этом?

— Думаю, да. Мама была открытым человеком, она не стала бы от него такое скрывать.

— Но он на ней женился... — озадаченно произнес лэр Тонли. — Сколько ей было, когда она умерла?

— Тридцать.

— Тридцать?! Сердечный приступ у столь молодой женщины — редкость в нашей империи. Она жаловалась на боли в груди?

Глава 10

— Да. За несколько месяцев до смерти мама начала все реже выходить со мной в парк, все чаще оставалась в комнате, говорила, что плохо себя чувствует.

— Ты уверена, что она скончалась от сердечного приступа? — немного подумав, спросил лэр Тонли, заинтересовавшийся смертью моей матери.

— Так говорил отчим, — я пожала плечами. Мысль о причастности опекуна к ее смерти не раз приходила в голову. Однако по прошествии стольких лет разве что-нибудь докажешь?

— А что сказал целитель? — бывший советник прищурил один глаз и снова склонил голову набок.

— Мне не известно. Отчим беседовал с ним в кабинете.

— Ясно. Думаю, Ламиру следует заняться этим делом. Но сперва стоит пережить бурю.

Большую бурю... — супруг тяжело вздохнул и уставился в окошко. Только я собралась задать вопрос, о какой буре лэр Тонли ведет речь, как он вновь сосредоточил свое внимание на мне: — А что насчет родственников со стороны матери?

— Она никогда о них ничего не рассказывала. Или же я просто позабыла. Честно говоря, не могу вспомнить даже ее девичью фамилию, хотя она пару раз называла. Тера... Тора... — я сделала несколько попыток, только ничего не вышло. — Нет, не вспомню. Однако у нас никогда не гостили ее родные. Даже писем от них не приходило. Я просила как-то отчима рассказать что-нибудь о маме, но он лишь отмахнулся и сказал, что его не интересовало ее прошлое.

— А что за книгу ты читаешь? — он резко сменил тему. Видимо, та ему наскучила.

— Любовный роман, — я густо покраснела, потупила взгляд, но резко спохватилась. — Прошу вас, только не подумайте ничего плохого, я не ветреная! Просто эта книга очень дорога мне.

— Чем же? — уголки его губ слегка приподнялись вверх.

— Мама любила эту книгу. Когда же я беру ее в руки, листаю страницы, к которым и она когда-то прикасалась, мне кажется, что я по-прежнему чувствую ее тепло. На душе в такие моменты становится намного легче, — из-за воспоминаний о матери, которой много лет уже нет в живых, вновь нахлынули слезы. Я быстро промокнула платочком предательскую влагу в глазах, не желая лишний раз показывать слабость.

— Не плачь, моя дорогая! Верь, скоро все наладится, — супруг пересел ко мне и приобнял за плечи. Я напряглась. Мне потребовалась не одна минута, чтобы расслабиться рядом с ним. Однако лэр Тонли не предпринял больше никаких попыток ни заговорить со мной, ни проявить еще хоть толику нежности.

А я и так что-то слишком разболталась, хотя никогда не считала себя любительницей говорить без умолку, как Молли. Подруг, конечно же, не хватало, но в жизни произошли серьезные изменения. Отныне я была не Айрис Контана, а Айрис Тонли. И следовало соответствовать новой фамилии, раз мне довелось стать частью этого древнего рода.

* * *

Мы сделали пару остановок в небольших городах, чтобы дать отдых лошадям, а заодно и самим подкрепиться. Около восьми вечера карета свернула с накатанной дороги и понеслась по более ухабистой. Под колесами захрустел гравий. Я поняла, что осталось совсем немного — и мы прибудем в фамильный замок рода Тонли. Сердце замерло от страха, однако открывшийся из окошек вид завораживал, заставив позабыть обо всем на свете.

Я неустанно любовалась могучими деревьями, красивыми ухоженными полями, ровно подстриженными лугами. И пусть пыль залетала в карету, муж так и не попросил задернуть шторы.

Вскоре начали вырисовываться светло-серые стены и башни замка, возвышающегося на пригорке. Три темно-синих флага с таким же гербом, что и на дверцах экипажа, трепыхались на ветру. Полотно едва ли не сливалось с небом, оставляя лишь золотые и серебряные нити на нем сиять в лучах закатного солнца.

Почуввав знакомый запах моря, я списала все на игры разума, однако с каждой минутой он ощущался более отчетливо. Воздух был пропитан солью, и я, закрыв глаза, с наслаждением вдохнула его полной грудью. Тело в один миг будто наполнилось живительной силой. И это привело меня в неописуемый восторг. Захотелось высунуть голову из окна, подставить лицо приятному ветерку, но нельзя было забывать о правилах приличия.

Карета быстро взбиралась вверх по склону. Она пронеслась мимо чудесного парка, въехала в величественные ворота и остановилась у широкой лестницы. Кучер отворил дверцу, и лэр Тонли первым спустился на землю, а следом за ним и я. Супруг подставил мне локоть, за который я без колебаний взялась, и неторопливо двинулся к парадному входу. Двое слуг в темно-синих ливреях, стоявшие у массивных дверей парадного входа, распахнули их, едва мы ступили на мраморную с черными и белыми вкраплениями ступеньку.

Стоило перешагнуть порог и оказаться в светлом холле с высоким потолком, как неизвестно откуда появился дворецкий в черно-золотой ливрее. Это был статный мужчина приблизительно того же возраста, что и супруг. Он почтительно поклонился и громкогласно заговорил:

— С возвращением, господин!

— Спасибо, Дилар. Хочу представить тебе мою супругу, лиру Айрис. Прошу любить ее и почитать. Отныне она хозяйка в этом доме.

На миг слуга опешил, в его глазах читалось смущение, но вскоре он снова поклонился и заговорил лживым голосом:

— Позвольте выразить мои поздравления по такому знаменательному событию, как свадьба.

— Благодарю. Мой сын еще не приезжал?

— Нет, господин.

— Чудесно... — задумчиво протянул бывший советник. — Значит, у нас еще есть время. Но, чувствую мое сердце, завтра он примчится, — лэр Тонли усмехнулся, окинул меня взглядом и обратился к дворецкому: — Дилар, я и моя супруга очень устали с дороги. Позаботься, чтобы подготовили комнату для лиры Айрис рядом с моей. Ту, что в сиреневых тонах.

От этого указания у меня по спине пробежал холодок, и я начала нервно крутить на пальце обручальное кольцо.

— Сейчас все будет сделано, господин! — дворецкий поклонился и уже собирался нас покинуть, как супруг отдал ему еще несколько распоряжений, одним из которых, несмотря на позднее время, было подать через час ужин.

— Остальной прислуге я представлю тебя завтра. Заодно и горничных себе выберешь. Сейчас же, пока у нас есть время, пойдем, дорогая, прогуляемся по замку. Осмотришь свои владения. Несмотря на усталость в ногах, желание принять ванну и поскорее прилечь, я кивнула.

Лэр Тонли снова подал мне руку, и мы направились по длинному коридору с анфиладой комнат. Повсюду царила роскошь. Изобилие позолоты, хрустальных люстр, лепнины и фресок на потолках, дорогой мебели из красного дерева заставляло меня ходить, едва ли не разинув рот. Мы прошли по первому этажу, затем поднялись на второй, на котором и располагались комнаты хозяев, а еще один, третий, решили оставить на завтра, так как к тому времени были подготовлены мои покои.

Выделенная мне комната оказалась, наверное, самой восхитительной из тех, что я успела увидеть. Она была выполнена в любимых сиренево-фиолетовых тонах. Не думаю, что лэр Тонли знал о моих вкусовых предпочтениях. Вероятнее, случайное совпадение, но мой глаз радовался, глядя на эту непередаваемую красоту: большую кровать с балдахином и

бледносиреневым покрывалом, кресла с резными ножками, кушетку, туалетный столик с банкеткой, огромный камин. За одной из дверей обнаружилась гардеробная, состоящая из платяного шкафа, встроенного в стену, огромного зеркала в полный мой рост; за другой — ванная комната. Здесь имелись все удобства, о которых только можно мечтать. Но восхищение быстро сменила тревога. То, что соседние покои занимал супруг, было вполне естественным, но этот факт заставлял меня сильно нервничать.

Я приняла ванну, которая также была наполнена к моему приходу, надела одно из платьев, выделенных мне Тэйланой, заплела по привычке волосы в тугую косу и спустилась в обеденный зал. Там меня уже дожидался лэр Тонли. Он прошелся по мне оценивающим взглядом, однако ничего не сказал относительно моего внешнего вида.

Ужин закончился довольно-таки скоро. Я старалась сосредоточиться на еде, но все мои мысли занимала предстоящая брачная ночь. Даже нежнейшая говяжья вырезка сейчас казалась безвкусной.

Вернувшись в покои, надела тонкую сорочку, потушила магические светильники и забралась в теплую кровать. Я не успела сомкнуть глаз, как раздался скрип двери и тонкая полоска света из коридора проложила дорожку к кровати. Мои резко похолодевшие пальцы судорожно вцепились в край одеяла и подтянули его до подбородка. Я боялась лишний раз вздохнуть. По всему телу прошелся озноб. Казалось, от тепла в постели не осталось и следа. Он все же пришел... Видимо, лэр Тонли решил получить то, что отныне ему принадлежало по праву, — мою невинность.

Глава 11

Раздался звонкий щелчок пальцев, и зажегся неяркий свет. Супруг, одетый в черный шелковый халат длиной чуть ниже колена и с золотой вышивкой на груди, обутый в мягкие тапочки, смотрелся весьма непривычно. От одного взгляда на мужчину сердце с такой силой заколотилось о ребра, что оглушительный стук, казалось, был слышен даже в коридоре. Липкий холодный пот проступил вдоль позвоночника. Я с трудом сдерживалась, чтобы не сбежать в ванную комнату и не остаться там до рассвета.

Лэр Тонли молча обошел кровать, откинул одеяло с противоположной от меня стороны, и спустя мгновение матрас прогнулся под его весом. В комнате повисла звенящая тишина. Мужчина лежал, не двигаясь, а я боялась даже посмотреть на него.

— Айрис, послушай меня очень внимательно. Никто, слышишь, никто не должен знать о том, что сейчас произойдет! Тем более мой сын. Как бы Ламир на тебя ни давил — а это он, поверь, очень хорошо умеет делать, — ты должна до последнего стоять на своем. Все, что я ни делаю, — для твоего же блага, — последняя фраза прозвучала так мягко и вкрадчиво, что захотелось ему поверить. Но пока не могла — слишком много людей уже успело причинить мне боль.

Я повернула голову и в недоумении взглянула на мужа. Однако вместо того, чтобы объяснить что-либо, он протянул руку к моим пальцам, которыми я по-прежнему крепко сжимала край одеяла, медленно и аккуратно разжал их один за другим и отнял у меня спасительную соломинку.

— Тшш... Ничего не бойся, Айрис, я не причиню тебе вреда. Вспомни, дорогая, я ведь уже говорил: все должны верить в истинность нашего брака. И слуги входят в их число. Ни у кого даже на мгновение не должно возникнуть сомнений, что этот союз ненастоящий.

От напряжения во всем теле мышцы ныли от боли. Мне с трудом удалось перевести дыхание и немного расслабиться. Однако полностью не смогла — я все еще не понимала, что он собирается предпринять.

Внезапно лэр Тонли отбросил одеяло в сторону. Оставшись без укрытия, я тотчас приподнялась на локтях и быстро начала отползать назад. Едва уперлась спиной в изголовье кровати, прижала ноги к груди, поправила задрвшуюся ночную рубашку и обхватила колени руками. Уже через секунду я поняла глупость своих действий, но тогда мной руководили лишь эмоции, а не здравый смысл. Бывший советник же, казалось, не обратил на меня никакого внимания. Он снял висевший у него на шее черный заостренный книзу кристалл и, даже не поморщившись,

разрезал им ладонь. Кровь мгновенно выступила из раны. Лэр Тонли сжал руку в кулак и поднес ее к тому месту, где еще мгновение назад я лежала. Алые капли падали на белоснежную простыню и расплывались по ней, превращаясь в небольшое пятно. Я озадаченно смотрела то на него, то на супруга. До моего возбужденного разума медленно дошло, что он вознамерился создать видимость консумации. Но зачем?

Вскоре маг разжал пальцы и зашептал какое-то заклинание. Края раны начали постепенно затягиваться, и через минуту от пореза не осталось и следа. Это стало для меня очередным потрясением. Раньше такого мне встречать не доводилось. Хотя что я знала о магах, к тому же таких могущественных, как лэр Тонли? Практически ничего.

— Ложись, моя дорогая, — голос супруга, прежде наполненный силой, теперь звучал непривычно глухо. Его лицо побледнело, а морщины, казалось, залегли гораздо глубже. Немного помедлив, я последовала его совету, и бывший советник укрыл меня одеялом, но сам никуда не ушел. Он лежал рядом, на спине, уставившись в потолок. Что-то явно не давало ему покоя.

— Почему вы не дали мне договорить брачную клятву? — осмелилась спросить, хоть голос и дрогнул.

— Тебе восемнадцать, а я скоро отпраздную шестьдесят второй день рождения. Какая может быть клятва в любви и верности до гроба? — лэр Тонли горько усмехнулся. — Всему свое время, Айрис...

— Зачем тогда мне помогаете? Вы знали моего отца?

— Нет, Айрис, не знал.

— А может быть, ма... — договорить я не смогла.

— Спи, дорогая, нас завтра ждет очень тяжелый день.

Он щелкнул пальцами, и комната погрузилась в полумрак.

Похоже, ответов лэр Тонли давать пока не собирался. Потребность бывшего советника в браке, являвшемся отчасти фарсом, так и осталась для меня загадкой.

Я устроилась на краешке кровати, положила под щеку обе руки и закрыла глаза. Моя интуиция подсказывала, что как минимум этой ночью я могу спать спокойно и супруг, дарованный мне судьбой, сдержит данное им слово.

Глава 12

Проснулась я по привычке рано. Годы, проведенные в пансионе, давали о себе знать. Но так сладко мне уже давно не спалось. Матрас был мягким, одеяло теплым, а от подушки исходил приятный запах лаванды. Он успокаивал, окутывал тонким ароматом, от которого сознание быстро погружалось в дрему.

Потянувшись, перевернулась на левый бок. С другой стороны кровати никого не оказалось. Лишь примятая подушка напомнила, что лэр Тонли находился в этой комнате, когда сон забирал меня в свои объятия.

Я легла на спину и долго смотрела невидящим взором на лепнину, украшающую потолок, вновь и вновь прокручивая в памяти события прошлой ночи, анализировала сложившуюся ситуацию, но так и не смогла найти ответ на тревоживший меня вопрос. Пока все казалось какой-то бессмыслицей. Однако я дала себе зарок докопаться до истины, ведь не мог такой человек делать что-то безвозмездно... У всего в этом мире есть своя цена.

Едва встала с кровати, умылась и попыталась сама справиться со шнуровкой на платье, но она не собиралась мне поддаваться. Благо в это время пришла служанка, которая и вчера помогала со сборами к ужину. Она мило улыбалась, но в темно-карих глазах читалось истинное отношение их владелицы к новоиспеченной лире Тонли.

Пока я укладывала волосы, доходившие до пояса, женщина взялась приводить в порядок кровать. Я заметила, как служанка застыла с одеялом в руках, успела уловить брошенный на меня растерянный взгляд. Мои щеки вмиг запылали от смущения. Несомненно, она подумала о том, чего так добивался лэр Тонли. Не пройдет и часа, как об этом будет известно и остальной прислуге. Тактика моего супруга сработала, и теперь никто не посмеет усомниться в законности нашего брака.

Быстро справившись с прической, покинула комнату и отправилась на поиски мужа. Он сидел в столовой и пил воскресный кофе.

— Доброе утро, дорогая! — как только я приблизилась к нему, мужчина встал из-за стола и поцеловал меня в щеку. — Как спалось?

— Спасибо, просто чудесно, — я выдавила из себя улыбку и заняла место по правую руку от него.

В тот момент, когда слуга потянулся за заварником, чтобы налить мне кружку чая, я расслышала стук каблуков о мраморный пол. С каждой секундой он становился все громче. Кто-то явно торопился. Я бросила вопросительный взгляд на лэра Тонли, но на его лице уже появилась знакомая маска отчужденности, а на скулах заиграли желваки. Пара мгновений — и перед нами появился покоритель женских сердец.

Ламир Тонли был немного выше своего и без того немаленького отца. Ярко-синие глаза в обрамлении черных ресниц оказались такими же выразительными, как их рисовали на миниатюрах. Вот только взгляд, который дознаватель переводил с меня на своего отца, был холодным и пронизывающим и разительно отличался от изображенного на портрете, за который так боролась Молли. Слегка выющиеся волосы были взъерошены, словно он не раз запускать в них пальцы. Черная рубашка и узкие штаны, заправленные в высокие сапоги из мягкой кожи, подчеркивали стройность его тела. Элегантная едва заметная борода и усики придавали ему мужественности. В действительности Ламир Тонли оказался еще красивее, чем о нем рассказывали.

— Отец! Как же я по тебе соскучился! — разлетелся по столовой звучный низкий голос главного дознавателя империи. Однако разница между словами и взглядом была очевидна. Он подошел к столу и устроился по левую руку от лэра Тонли, сохраняющего прежнюю невозмутимость.

— Вижу, сын мой. Поди, так торопился меня увидеть, что все лошади в мыле, — усмехнулся супруг, отрезал ложкой яблочный пудинг и подал свободной рукой слугам знак удалиться. — Что привело тебя в столь ранний воскресный час? Ты же никогда не делаешь ничего просто так.

— Знаешь, эта черта характера у меня от тебя, — проговорил Ламир с улыбкой на губах упрек и налил себе чашку кофе. — Какие новости?

— Какие тебя интересуют? Последние? Или все за те восемь месяцев, что ты не приезжал и даже не отвечал на письма? — муж отправил десерт в рот, продолжая впитаться взглядом в сына.

За обычными словами обоих Тонли отчетливо слышался сарказм и... воинственный настрой. Похоже, зарождалась гроза... Ведь никто из них не собирался уступать.

— Не познакомишь меня со столь прелестной юной лирой, которая скрашивает тебе это чудесное утро?

— Лира Айрис Тонли, — невозмутимым тоном проговорил супруг.

— Хм... — дознаватель подпер подбородок рукой и посмотрел на меня прямо своими ледяными душу синими глазами. Вмиг захотелось сжаться, стать маленькой и незаметной, раствориться в воздухе. Мне едва удавалось держать осанку и маску, которую научилась надевать благодаря пансиону. — Тонли? Двоюродная сестра? Тетушка? Что-то не припоминаю такого имени в нашем роду.

— Не ломай комедию, Ламир! Ты прекрасно знаешь, кем она мне приходится. Уж твои псы наверняка давно все донесли.

— И кем же? — широкая черная бровь дознавателя вопросительно взлетела вверх, но ее обладатель не переставал буравить меня цепким взглядом.

— Женой!

— Так мне ее мамой теперь называть, что ли? — ухмылка в один миг превратилась в звериный оскал.

— Не говори ерунды, — костяшки пальцев на руке, которой лэр Тонли держал ложку, побелели. Он прилагал немало усилий, чтобы сдержаться.

— Скажи, как ты посмел? — Ламир отбросил в сторону показную доброжелательность и значительно повысил и без того громкий голос. — Ты даже не дождался окончания траура! Хотя о чем это я... Ты ведь и на ее похоронах не удосужился появиться!

— Ты прекрасно знаешь, что я не мог! — выдержка лэра Тонли-старшего пала, как замок при осаде.

— И где ты был в это время? — очередная ехидная ухмылка появилась на губах дознавателя.
— Я был за тысячи километров отсюда и решал государственные дела!
— А тебя никогда не было рядом, когда был ей так нужен! Про себя я и вовсе молчу. Это ты должен был вложить ей в руку золотник, а не я! Ты должен был проводить ее в последний путь! Хоть бы постыдился, сделал вид, что тебе не все равно, что с ней стало.
— Я уважал твою мать.
— Но никогда не хранил ей верность.
— Какое право ты имеешь так со мной разговаривать? Упрекать? Вмешиваться в мою личную жизнь? — бывший советник резко встал из-за стола, отчего тяжелый стул опрокинулся и отлетел на добрый метр.
— Ты прав, никакого! Как и ты в мою! Однако я все равно это так просто не оставлю: буду придирается к каждой буквке в записи храмовников, проверю достоверность свидетельства. Я сделаю все, что в моих силах, но добьюсь аннулирования брака. Приятного всем аппетита! Хотя и не прощаюсь. Я непременно вернусь!

Глава 13

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем лэр Тонли-старший отдышался, поднял стул и продолжил пить кофе как ни в чем не бывало. Мне же так и не удалось совладать с волнением до конца завтрака, который дальше проходил в полной тишине. Видимо, мои десять лет обучения в пансионе были ничто по сравнению с его многочисленными годами службы в империи. В итоге я проглотила маленький кусочек свежей булочки с черничным вареньем и выпила чашку остывшего чая.

Ближе к часу дня супруг представил меня прислуге, которая разглядывала новую хозяйку замка из-под полуопущенных ресниц. Я выбрала себе только одну горничную. Девушка была приблизительно моего возраста, робкая, без заискивающей улыбки на губах и недовольства в глазах. Именно такую служанку я и хотела видеть возле себя.

После обеденной трапезы лэр Тонли-старший продолжил показывать мне дом. Самую удивительную комнату, вызвавшую неподдельный восторг, он решил оставить, видимо, напоследок.

Когда супруг открывал очередную ничем не примечательную дверь, я ожидала увидеть еще одну спальню для гостей. Однако стоило мне войти в просторное светлое помещение, заполненное бесчисленными стеллажами, усталость, вызванную длительным походом по замку, как рукой сняло. Я шумно выдохнула и быстрым шагом подошла к ближайшей полке с книгами. Затем к другой... третьей... Такого количества фолиантов мне еще не доводилось видеть. Остановившись у стеллажа с увесистыми томами по магии, с трепетом потянулась к корешкам.

— Тебе нравится? — раздался за спиной голос мужа, бесшумно следовавшего за мной все это время.

— Очень! — с придыханием ответила ему, не в силах сдержать в себе радость.

— Я был уверен, что тебе понравится библиотека. Читай на здоровье. И не вздумай приходить каждый раз за разрешением, когда захочешь взять какую-нибудь книгу.

— Спасибо! — от всего сердца поблагодарила мужа и вновь повернулась к заинтересовавшему меня стеллажу.

— Прости моего сына за бестактность. Он порой горяч. Весь в Элен, — слова ему давались нелегко.

— Вам не нужно просить прощения за то, в чем вы не виноваты, — я снова оторвалась от любования кожаными переплетами с золотыми буквами на корешках.

— Виноват, Айрис. Еще как виноват. Я упустил нужный момент в его воспитании. Памир рос без отца, сам по себе, и он во многом прав. Меня вечно не было дома. Почти всю свою жизнь я отдал на благо империи, а не семьи. И знаешь, я осознал эту огромнейшую ошибку лишь после смерти жены. И очень надеюсь, что Памир не пойдет по моим стопам. Правда, именно это он сейчас и делает. Но вдруг ему удастся понять все гораздо раньше, чем мне? Ты умеешь играть в шахматы? — из-за резкой смены темы разговора я даже не сразу ответила.

— Нет.

— Тогда тебе непременно стоит научиться, — лэр Тонли-старший подошел к огромному окну, занимающему едва ли не полстены. Он стоял, заложив руки за спину, и молчал, но спустя несколько мгновений как-то отрешенно заговорил: — Жизнь — это игра. Сегодня ты играешь белыми фигурами, завтра — черными, сегодня — пешка, а завтра можешь стать ферзем. И только от тебя зачастую зависит, выиграешь ты очередную партию или проиграешь. Шахматы заставляют думать, анализировать ситуацию, планировать шаги наперед. Так всегда говорил мой отец. Именно он научил меня этой игре, а я в свою очередь — Памира. Сейчас же хочу, чтобы и ты постигла ее. Тебе еще не раз придется сразиться с трудностями, уж такова, видимо, твоя судьба.

Мне сразу же захотелось уточнить, о каких трудностях идет речь, однако, как только монолог мужа закончился, в библиотеку вошел дворецкий, доложивший о прибытии поверенного лэра Тонли. И муж покинул меня, собираясь заняться делами. Немного постояв посреди комнаты в растерянности, я вспомнила о книгах и долго не могла определиться с выбором. Как ни странно, он пал на магию кристаллов.

Вечером, после ужина, едва приняла ванну, поразившую меня еще вчера огромными львиными лапами, на которых она стояла, забралась в кровать и открыла фолиант. Я настолько увлеклась, что не заметила, как за окном стало светать. Этой ночью лэр Тонли-старший не появился. Когда я с улыбкой закрывала увесистую книгу, собираясь продолжить чтение завтра, была абсолютно уверена, что моя жизнь определенно стала лучше. Вот только у судьбы на меня имелись свои планы.

Утро добрым не бывает, особенно утро понедельника. Это я выучила еще по пансиону, когда после единственного выходного начиналась очередная учебная неделя. Казалось бы, чего волноваться, будучи замужем? Отдыхай, занимайся домашними делами. Однако едва я спустилась в холл, почувствовала на себе уже знакомый замораживающий душу взгляд. Стоило обернуться, встретила глазами с двумя ярко-синими кристалликами льда. Земля тут же начала уходить из-под ног, а кровь схлынула с лица. Не знаю, та ли это рубашка, те ли это штаны, что были на Памире вчера, но он по-прежнему был одет во все черное. А может, это его любимый цвет?

Главный дознаватель империи сделал несколько шагов в мою сторону, облокотился на красивые кованые перила, склонил голову набок, подобно его отцу, и словно загипнотизировал меня взглядом. Я могла смотреть лишь на него. Хотелось отвернуться, быстро подняться по лестнице и скрыться в своей комнате, но тело не слушалось, будто я превратилась в безвольную куклу.

— Памир?! Что ты здесь делаешь? — раздался грозный голос супруга, спасшего меня от оцепенения.

— Отец! Как же... — губы дознавателя изогнулись в улыбке. Правда, теперь она не напоминала звериный оскал.

— Как же ты рад меня видеть! Мы уже это слышали, — бывший советник неторопливо спустился по мраморным ступеням и вскоре встал возле меня. — Памир, если ты приехал, чтобы продолжить высказывать беспочвенные обвинения, тебе лучше покинуть этот дом, — сегодня лэр Тонли-старший был суров со своим сыном. Видимо, вчера пресытился его выходкой.

— Приношу извинения за свое дурацкое поведение и прошу простить мне эту вспышку. Последние недели выдалась очень трудными...

— Почему не на службе? — спросил муж все тем же грозным голосом. Похоже, слова Памира его ни капли не тронули.

— Я посчитал, что империя как-нибудь обойдется без меня ближайший месяц, и решил его провести с вами, если, конечно, позволите. Понимаю, медовый месяц и все такое... Но я очень хотел бы познакомиться поближе с прекрасной юной лирой. Да и с тобой, отец, нам не мешало бы наверстать упущенное время. Узнать друг друга получше.

— Отпуск?! — маска отчужденности лэра Тонли-старшего слетела в мгновение ока. Его широкие брови поползли вверх. Бывший советник явно пребывал в растерянности. — Что это еще за новости? Ты никогда не брал отпуск!

— Да, а вот теперь надумал. Ты не рад? — Памир на мгновение нахмурился. Играл он выбранную роль просто великолепно.

— Почему же? Просто все так неожиданно, — супруг повел плечом.
— Вот и отлично! — главный дознаватель оттолкнулся от перил и довольно потер ладоши. — С минуты на минуту должна подъехать карета с моими вещами.
— Прости, но отныне я не вправе принимать решение сам. Думаю, следует спросить мнение и моей жены, — супруг приобнял меня за талию. — Дорогая, ты не будешь против, если мой сын поживет с нами какое-то время?
Я прочистила горло, прежде чем ответить:
— Конечно же нет, дорогой! Как я могу быть против, если это и его дом тоже?
— Спасибо, Айрис, — муж склонился и поцеловал меня в щеку. В его голосе слышалась показная веселость, а в глазах застыла тревога.
От стука приближающихся каблуков мое дыхание сбилось. Памир Тонли напомнил чем-то хищника, ходившего кругами возле своей жертвы и выжидавшего удобного момента для смертельного прыжка. Едва обернувшись, он протянул ко мне руку, и я вложила свою в его раскрытую ладонь. Она оказалась горячей. Это тепло передалось мне и понеслось по телу со стремительной скоростью, останавливаясь в области сердца и заставляя его работать с удвоенной силой.
— Вы так великодушны... мама... — язвительная улыбка и легкое прикосновение мягких губ к тыльной стороне ладони вызвали на моих щеках предательский румянец.
Похоже, этот месяц запомнится мне надолго, ведь Памир Тонли явно затеял недобрую игру.

Глава 14

— Давай без шуточек. Какая она тебе мама? — с раздражением проговорил супруг и подставил мне локоть; который я с благодарностью приняла. Тем самым он заставил молодого мужчину выпустить мои пальцы, попавшие к нему в плен.
— Как скажешь, отец, — слишком быстро и легко сдался дознаватель. — Вы уже завтракали?
— Нет. Мы как раз направлялись в столовую, — лэр Тонли-старший не сводил глаз с сына, словно пытался разгадать суть затеянной игры.
— Вы не против, если я присоединюсь? — Памир на мгновение посмотрел на отца и снова перевел холодный цепкий взгляд на меня, будто пытался проникнуть в сознание и что-то там выведать.
Голос молодого мужчины был настолько приятным, чарующим, что, казалось, задевал какие-то доселе неведомые струны в моей душе. Однако на чары дознавателя я поддаваться не собиралась. А Молли наверняка растеклась бы перед ним лужицей, напрочь забыв о воспитании.
— Что за глупый вопрос? — произнес бывший советник с толикой недовольства.
Он повернулся и, увлекая меня за собой, проследовал в столовую, где уже вовсю суетились слуги. Однако желание полакомиться вкуснейшими заварными пирожными, с которым я проснулась и спускалась по лестнице еще пять минут назад, испарилось с появлением дознавателя. В воздухе витали приятные ароматы, но даже они не разбудили аппетит. Казалось, в присутствии Памира мне и кусок в горло не полезет. А вот он чувствовал себя вполне раскованно, будто и не раскаивался больше в неэтичном поведении. Видимо, молодой мужчина решил, что принесенные им извинения его полностью реабилитировали.
Я заняла место рядом с лэром Тонли-старшим, который сидел во главе стола, а Памир — вчерашнее. В комнате воцарилась тишина, вскоре нарушенная дознавателем:
— Простите, лира... — он нахмурил брови, делая вид, будто пытается вспомнить мое имя, — Аквин, если мне не изменяет память?
— Айрис, — голос супруга разнесся по столовой раньше, чем я успела открыть рот.
— О! Лира Айрин...
— Айрис, — поправил во второй раз лэр Тонли-старший своего сына, и тот изобразил сожаление.
Дознаватель чудесно играл. Можно было бы поверить в искренность его чувств, если бы он не вертел в это время, как бы невзначай, нож в руке и смотрел в какую-нибудь другую сторону, а не прямо на меня. В его действиях крылась угроза. И адресована она была, похоже, мне.

«А я здесь при чем?» — лихорадочно забились в голове мысли, однако я удержала маску отчужденности. Наверное, на меня благотворно влияло присутствие мужа.

— Ох, видно, что-то не только с памятью моей стало, но и со слухом. Откуда вы родом, лира Айрис, если не секрет?

— Какой в этом секрет? Из Дельтауна.

Дознаватель собирался еще о чем-то спросить, но, к счастью, разговор на этом закончился — в столовую вошел дворецкий и сообщил о прибытии кареты с вещами. Памир откланялся и удалился вслед за главным слугой.

— Дорогая, не переживай так, — лэр Тонли-старший накрыл мою руку своей. — Не давай ему лишний раз повода уколоть тебя. Он успокоится, едва поймет, что не сможет ничего изменить. Я молча кивнула, представив, что меня ожидает в ближайшие дни. Супруг не успел убрать руку, как дознаватель вернулся в обеденный зал. Но не один, а с прелестным щенком с поразительно голубыми глазами и черной шерсткой. Мои губы невольно расплылись в улыбке.

— Памир, это еще что?! — лэр Тонли-старший вновь поразился выходке сына.

— Как что, отец? И правильнее, не что, а кто. Собака. Разве не видишь? Хотя... Я ведь давно мечтал завести ее, а тут представилась такая возможность. Лира Айрис, мне так понравилось ваше имя, что я решил назвать им эту красотку, — и снова на его лице появилась невинная улыбка.

Я едва не поперхнулась, услышав такое заявление. Молодой мужчина собирался продолжить завтракать с нами, но щенок жалобно закулил и Ламиру пришлось уйти из просторного помещения, чтобы передать его слугам. Муж не нашелся что сказать и прикрыл лицо ладонью, видимо уже пожалев, что согласился на просьбу сына пожить в этом доме. Мне же ничего не оставалось, как отсчитывать дни до момента, когда дознаватель вновь приступит к своим обязанностям, покинув замок.

Сидеть после завтрака в комнате не хотелось, и я решила прогуляться по парку, раскинувшемуся позади замка. Побродив по извилистым дорожкам, вдоволь налюбовавшись цветочными клумбами, затейливо подстриженными кустами и деревьями, выбрала неприметное место и уселась в тени, надеясь хотя бы час побыть одной. Я положила на колени свой потрепанный томик, не осмелившись взять на улицу книгу из библиотеки, и, прикрыв глаза, наслаждалась приятным влажным воздухом. Ветер, шелестя листьями, напевал еле слышимую мелодию. А те отрывались от веток и, кружась в танце, медленно падали на землю. Мои губы тронула легкая улыбка.

Внезапно тело охватила мелкая дрожь. Я приподняла веки и чуть не вскрикнула от неожиданности. Передо мной стоял Памир, сложив руки на груди. Он смотрел на меня, не отводя глаз. Его голова была слегка наклонена, а взгляд — все такой же пронизывающий. Надежда на уединение растаяла, как туман с первыми лучами солнца, едва молодой мужчина сделал пару шагов в мою сторону. Он сел рядом, даже не спросив разрешения. Я прижала к себе книгу, словно она могла спасти меня от нападков дознавателя.

— Туго вам, лира Айрис, придется в ближайшее время, — заговорил лэр Тонли-младший после затянувшегося молчания.

— Отчего же? — спросила я, посчитав сперва в уме до десяти. Как правило, это помогало совладать с волнением.

— Разве не знаете, что месяц после свадьбы вы не имеете права принимать гостей и куда — либо выезжать, кроме как со своим супругом?

— Конечно знаю. Это общепринятые нормы, — я озадаченно взглянула на Памира, а вот он смотрел куда-то вдаль, заложив ногу на ногу.

— Балы для вас тоже пока закрыты, да и вряд ли мой отец вообще будет ходить на них, — его голос сейчас звучал тихо и спокойно.

— Меня они не прельщают, — я оставила книгу в покое, а вот дознаватель не собирался уходить.

— И вы согласны прозябать в этой глуши, вдаль от шумных городов и множества лавок? — Памир повернулся и окинул меня задумчивым взглядом, будто оценивал мои слова на правдивость. — Не скучаете по своему любовнику?

— Кому?

— Думаете, поверю, что у вас нет пособника и вам в одиночку удалось обвести моего отца вокруг пальца?

— Что вы такое говорите?! — мне понадобилось много сил, чтобы совладать с негодованием и не вскочить со скамьи. Если мужчина хотел вывести меня из равновесия, то ему это прекрасно удалось. Зато он был спокоен, как тихая речная заводь. — Ваш отец сам на мне захотел жениться.

— С чего бы вдруг? — Памир сидел настолько близко, что я без труда рассмотрела черные крапинки на радужке глаз.

— Вот об этом вам лучше спросить у него самого.

— Может, он помутился разумом? Мне уже начинает казаться, что отец не сам покинул должность советника, а его об этом попросили.

— Ваш отец находится в здравом рассудке и прекрасной физической форме!

— Да что вы говорите, — усмехнулся Памир. — Как минимум он слеп. Допустим, мне не понятно, что отец в вас нашел. Глаза тусклые, как у дохлой рыбы, рот маленький, нос вздернутый... — лэр Тонли-младший скользил взглядом по моему лицу и говорил гадости, заставляя меня задыхаться от злости. — Если начистоту, он мог жениться едва ли не на любой женщине в этой империи. Но выбрал почему-то именно вас... Влюбился? Что-то непохоже... Наверняка вы его чем-то опоили или одурманили.

— Можете мне не верить, лэр Тонли, но впервые вашего отца я встретила в храме. Между прочим, очень благодарна и ему, и судьбе, что стала женой такого человека.

— Вы строите из себя такую невинную овечку, что мне и правда хочется вам поверить, и поверил бы, если бы не годы работы дознавателем. Чаще всего за таким фасадом скрывается алчная душонка самой обычной охотницы на богатеньких мужчин. Но ничего... И не таких раскалывал. Мои люди уже собирают на вас досье. Поверьте, я выведу вас, маменька, на чистую воду. А пока позвольте вас покинуть. Наслаждайтесь последними теплыми и беззаботными днями. Думаю, через неделю-две могут грянуть первые морозы.

Памир встал и, поклонившись, направился широким шагом к замку. Я же смотрела вслед молодому мужчине и поражалась его красоте, холодной и губительной. Видимо, дознаватель завел этот разговор, надеясь запугать меня, но тут он просчитался. Мне не о чем было волноваться. Душой и помыслами я была чиста.

Глава 15

Вернувшись из парка, я села за столик в своих покоях и начала писать письмо лучшей подруге. Хотелось поделиться с ней произошедшими в жизни событиями, попросив утаить от Молли и других девушек имя супруга. Правда, такую новость сложно удержать в тайне долго. Едва я заклеила конверт и положила его в ящик стола, пришла портниха, и мы не один час провели с ней за обсуждением фасонов платьев, нижнего белья и выбором тканей.

Обед и ужин прошли в мирной обстановке. Памир не явился. Наверное, высказавшись, решил дать мне временную передышку, и я позволила себе немного расслабиться. Ведь что он мог мне сделать?

Вечером из столовой мы переместились в гостиную. Мужчины играли в шахматы, а я читала книгу — на этот раз приключенческий роман. Вернее, делала вид. Хотя в комнате стояла тишина, поскольку оба Тонли порой не одну минуту обдумывали ходы, сосредоточиться на книге у меня не получалось. Я частенько исподтишка подглядывала за сыном и отцом, сравнивая их между собой. Внешне они были схожи, но по характеру казались такими разными. А может, лишь казалось? Все же у Аарона Тонли за плечами немаленькая жизнь. Наверняка он набил не одну шишку, в то время как Памир еще только получал по лбу, но уроков вынести не успел.

Я видела, как главный дознаватель, скорее неосознанно, копировал жесты моего мужа, пытался во всем ему подражать. Хотя в молодом мужчине пока и говорила обида, несомненно, он любил отца. Да и я подловила себя на том, что то и дело останавливаю взгляд на красивом профиле дознавателя. Мысленно отругав себя, вернулась к книге.

— Памир, какие планы у тебя на завтра? — прозвучал голос супруга, и я вновь отвлеклась от чтения.

— Пока никаких, — отозвался дознаватель, в очередной раз взяв фигуру противника.

— Вот и замечательно, — задумчиво протянул лэр Тонли-старший.

— Почему интересуешься? — Памир запустил пальцы в волосы и провел по ним, слегка взъерошив.

— Айрис не мешало бы съездить завтра за покупками, а у меня назначена встреча с Генри.

— С Генри? Что-то важное?

— Да, — коротко ответил муж, не собираясь, по всей видимости, вдаваться в подробности, и сделал ход конем. Однако молодой мужчина сразу же взял еще одну фигуру лэра Тонли-старшего.

— Теряешь сноровку — довольно проговорил Памир, скрыв тем самым удивление и озадаченность, появившиеся при упоминании поверенного. — Ты можешь перенести встречу с Генри либо съездить с женой в город послезавтра.

— Тебе в тягость? — однако очередной разгорающейся перепалке не дал вспыхнуть сам Памир, ни с того ни с сего сказав:

— Нет. Не в тягость. Я с удовольствием сопровожу лиру Айрис в город.

При этих словах я нервно сглотнула, окончательно потеряв интерес к тексту. Похоже, на горизонте маячила очередная пытка. А разве нет? Провести едва ли не целый день в компании дознавателя — это не пытка? Неужели он упустит возможность кольнуть лишний раз, да побольнее?

Сославшись на усталость, пожелала мужчинам спокойной ночи и ушла к себе. Когда раздался скрип двери и уже знакомое шлепанье тапочек, я уже лежала в теплой постели и смотрела в потолок. Сердце мгновенно заколотилось с удвоенной силой, а пальцы неприятно закололо.

Супруг устроился на свободной стороне широкой кровати, так и не сняв халат.

— Сожалею, Айрис, однако нам иногда придется спать в одной кровати. Я не думал, что Памиру взбредет в голову взять отпуск и поселиться в замке. Но не буду лгать — мне это отчасти нравится. Не часто мы проводили вместе столько времени. Он тебя хоть не донимает?

— Нет, — я понадеялась, что ответ прозвучал достаточно убедительно. Сталкивать их вновь лбами было ни к чему. Это еще больше настроило бы Памира против меня.

Лэр Тонли-старший облегченно вздохнул. Мы молча лежали в темноте. Я старалась не шевелиться, чтобы ненароком не разбудить бывшего советника, но, судя по его дыханию, сон этой ночью не торопился и к нему.

— Айрис, ты владеешь магией? — внезапно спросил он.

— Скорее нет, чем да. В пансионе нам преподали всего пару уроков по бытовой магии.

— А хочешь развить ее и научиться управлять энергетическими потоками?

— Конечно хочу! — я спешно приподнялась на локтях. — Но...

— Что «но»?

— Вы правда не будете против? — недоуменно посмотрела на мужа, который выглядел очень бледным в свете холодной луны.

— Если сам предложил, явно не буду, — тихонько рассмеялся бывший советник. — Чем ты так озадачена?

— Лиры в высшем обществе, как правило, не владеют магией. Это считается дурным тоном.

— Ох уж эти женщины... — по спальне разнесся тяжелый вздох. — Сами придумали какие-то нелепые правила, а потом им и следуют. — Нет так нет! — мужчина повернулся на бок.

— Стойте-стойте! Хочу! Еще как хочу! — упустить такой шанс я не могла. — Это когда-то было маминой мечтой. И моей тоже... — мой голос предательски зашелестел, подобно сухому осеннему листу, гонимому ветром по земле. — Мы часто сидели в тени большого раскидистого дерева и представляли, как однажды я закончу академию магии, стану магистром... В эти минуты она давала мне ветку и я взмахивала ей, словно волшебной палочкой... — воспоминания из детства вызвали у меня улыбку на губах. — Чуть позже я узнала, что она не нужна магам.

— Тогда купи завтра тренировочный костюм. Но постарайся это сделать так, чтобы не увидел Памир. Он явно не одобрит мое решение. Хоть меня и не волнует его мнение, не хочу лишний раз вступать в спор.

— Хорошо, — ответила я с замиранием сердца. Хоть в голове и вертелось много вопросов о магии, я их оставила на потом, когда начнутся занятия.

— Но тебе придется учиться. Много учиться. И учитель я строгий — не жди похвалы или побряжек.

Эта новость настолько меня обрадовала, что даже завтрашняя поездка в компании Памира не казалась уже столь ужасной. Я еще раз пожелала мужу спокойной ночи, снова поблагодарила судьбу за такой подарок, закрыла глаза и провалилась в крепкий сон.

* * *

Я старалась сдерживать улыбку за завтраком, но у меня не всегда получалось. Она сама появлялась на губах и отказывалась прятаться. Конечно же, дознаватель заметил мое странное поведение и лишь бросал в мою сторону задумчивые взгляды. Однако они не преуменьшили моего счастья.

К одиннадцати я была готова отправиться в путь и дожидалась Памира в холле, а вот он, как назло, задерживался. Прошло не менее получаса, когда дознаватель с мрачным видом соизволил спуститься в сопровождении немолодого мужчины. У незнакомца был не менее цепкий взор, чем у Тонли-младшего. Гость откланялся и покинул нас. Памир бросил на меня мимолетный взгляд, и мы рука об руку направились к закрытому экипажу, что стоял у парадного входа.

Памир дождался, пока кучер поможет мне взобраться по узким ступенькам, и сел на противоположную скамейку. Лошади тронулись, звонко стуча копытами, а колеса зашуршали по подъездной дорожке. Я специально захватила с собой книгу, но тряска была такой силы, что буквы постоянно прыгали. Сосредоточиться на строчках оказалось невозможно.

— Вот вы, лира Айрис, утверждаете, что увидели моего отца впервые в храме, — нарушил мужчина тягостное молчание.

— Да, это так, — я убрала потрепанный томик в ридикюль, желая хоть на миг отвести взгляд от дознавателя и отложить допрос, который он собирался мне устроить.

— Тогда, может, вам удастся объяснить: зачем моему отцу оплачивать долги вашего опекуна? Если он хотел в очередной раз вывести меня из себя, то у него это великолепно получилось.

— Пэру Томасу Хотдженсу?

— У вас есть еще один опекун? — его бровь насмешливо изогнулась.

— Нет но... Это какая-то бессмыслица, — я ему не поверила. Возможно, приданое отчим и спустил, но какой толк бывшему советнику платить ему? И как велик был долг?

— Вот и я так думаю. Ваши мысли?

— Я... не имею понятия, — отозвалась глухим голосом. В мыслях воцарился хаос.

Глава 16

— Так, может, Хотдженс и есть ваш поделльник? — он закинул ногу на ногу и откинулся на спинку скамьи. Его обвинение вызвало в душе бурю негодования.

— Я уже говорила: нет у меня никакого поделльника. Но даже если бы он и был, отчим — последний человек в империи, с которым я имела бы хоть какое-то дело.

— Не знаю, какая между вами пробежала кошка, но вам обоим на руку этот брак: вы стали женой богатого и влиятельного человека, а он — со спокойной душой может влезать в новые долги, — Памир, в отличие от меня, сохранял завидное спокойствие.

— Не сомневаюсь, вам известно, лэр Тонли, что последние десять лет я училась в пансионе и приезжала в гости к Хотдженсам лишь один раз в год на зимние каникулы. Не могу сказать, что не замечала, как в доме постоянно появлялась новая мебель, один экипаж сменялся другим, при этом более роскошным. И отчим, и мачеха любят пожить на широкую ногу, но я не подозревала о таких масштабных проблемах.

— И даже о том, что они могли в любой момент лишиться дома?

— Лишиться дома? — пораженно повторила я за Памиром. Хотелось упрекнуть его во лжи, но сдержалась, едва заглянула в синие как море глаза. По всей видимости, он говорил правду. — Нет...

— Думали, я вам поверю? — усмехнулся дознаватель, продолжая следить за моим выражением.

— Зачем мне помогать человеку сославшему на долгие годы подальше от родного дома?

— За обучение надо платить, а у Хотдженса такой возможности больше не было.

Только теперь я поняла: независимо от того, вышла бы я замуж за лэра Тонли-старшего или нет, пансион пришлось бы в скором времени покинуть. И следовало в который раз уже возблагодарить судьбу, что в моей жизни сложилось все именно таким образом.

В карете повисло давящее молчание, нарушаемое изредка выкриками лакея и стуком копыт по каменистой дороге. Памир, вероятно, анализировал услышанное, а я пребывала в шоковом состоянии, не представляя, как отчиму удалось спустить столько денег. Однако больше всего не давала покоя странная потребность Тонли-старшего в столь скоропалительном браке. Глупые мысли сами собой стали закрадываться в голову.

Вскоре мы все же приехали. Едва экипаж остановился, дознаватель, не дожидаясь помощи кучера, спрыгнул на землю и любезно помог мне выйти. Мужская ладонь вновь оказалась такой же горячей, как и в тот единственный раз, когда наши руки соприкоснулись. Тепло и ощущение силы, надежной опоры вызвали приятный трепет в груди, а щеки предательски запылали. Желая скрыть охватившие меня эмоции, стала разглаживать складки на дорожном платье и успокоилась, когда он устремил взор на оживленный город. Однако вскоре Памир подставил локоть, за который я взялась, и мы направились к множеству лавок, выстроенных в ряд.

На меня тут же устремились изумленные и завистливые взгляды представительниц прекрасного пола. Памир Тонли был лакомым куском торта даже у замужних лир, но этим чудесным солнечным днем именно мне выпала возможность пройтись по широким мощенным брусчаткой улицам в его сопровождении. Однако никто не представлял, чего мне это стоило. Рядом с ним тело охватывали дрожь и волнение, и унять их было не так просто.

Спустя три часа хождений Памиру все же надоело и он остался у входа в очередную лавку, сказав, чтобы я позвала его в случае надобности. И это было весьма кстати: у меня появился шанс незаметно купить тренировочный костюм. Мой выбор пал на коричневые кожаные брюки и черную тунику. Я попросила продавца лучше упаковать одежду в бумагу, чтобы Тонли — младшему не удалось рассмотреть содержимое свертка. Рассчитавшись и забрав покупку, уже собиралась покинуть лавку, когда позади раздался приятный бархатный голос:

— Юная лира, это не вы ненароком обронули?

Я обернулась и увидела светловолосого мужчину лет сорока-сорока пяти, протягивающего мне золотой браслет. Он был среднего роста, но из-за худощавого телосложения казался гораздо выше. Глаза незнакомца завораживали своей зеленью, такой же яркой и насыщенной, как первые листья по весне.

— Такой ваш?

— Нет, лэр. Это не моя вещь, — я с трудом нашла в себе силы, чтобы ответить, однако отвести взгляд от красивого мужчины не смогла. Мои губы расплылись в глупой улыбке, дыхание слегка участилось, а на щеках заиграл румянец. Мне стало невыносимо душно.

— А вы еще прекраснее, чем я предполагал, — он сделал ко мне шаг, но я не сдвинулась с места, будто мои ноги приросли к полу.

— Лира Айрис, вы выбрали здесь что-нибудь? Если нет — идемте дальше, — голос Памира, холодный и отрезвляющий, мгновенно привел меня в чувства.

Я обогнула незнакомца, на лице которого появилось недовольство, едва в лавку вошел дознаватель, и быстрым шагом вылетела на улицу.

— Кто это был? — спустя некоторое время решила спросить у изменившегося в лице Тонли-младшего. Станный интерес к незнакомцу никак меня не отпускал.

— Рэнли Росман, — нехотя отозвался он, продолжая смотреть вдаль.

— Кто?

— Неужели вам не доводилось ранее слышать это имя? — дознаватель резко остановился и повернулся ко мне, пронзив взглядом как шпагой. Я нервно сглотнула и отрицательно покачала головой. — Или вы на самом деле столь невинны, как выглядите, или же великолепная актриса. К сожалению, пока не могу разобраться. Рэнли Росман известен всем своими бесчисленными любовными связями. Правда, мне не понятно, что в нем находят женщины, — я не ценитель мужской красоты. Но вижу, и вы не смогли остаться равнодушными к его чарам, — Памир уже собирался продолжить путь к карете, как вновь заговорил: — Поторопились вы, лира Айрис, с замужеством, а то могли бы стать его шестой или седьмой по счету супругой. Он как раз свободен.

После небольшого, не лишённого эмоций монолога дознаватель все же устремился к экипажу. Я столько всего купила, что часть вещей пришлось разместить на сиденьях рядом с собой и Памиром. Сердце переполнял детский восторг. Стараясь не реагировать на мимолетные хмурые взгляды молодого мужчины, которые зачастую ощущала на себе, смотрела в окно и пыталась ни о чем не думать. Однако в памяти порой всплывали зеленые глаза незнакомца, сумевшего каким-то образом ненадолго завладеть моим вниманием. Вот только теперь мое сердце не заходило от стука и его внешность не казалась такой уж привлекательной, как тогда в лавке. Видимо, в ту минуту на меня нашло какое-то наваждение, и оно постепенно рассеивалось.

Глава 17

Около шести вечера карета остановилась у парадного входа фамильного замка рода Тонли. Памир спешно выпрыгнул из нее и скрылся в доме, решив не церемониться со мной вдали от чужих глаз. Или он был зол на меня? Но за что?

Окинув свертки довольным взглядом, я ступила на землю и неторопливым шагом вошла в холл, где супруг отдавал Генри последние указания. Дознаватель же сидел в кресле и с интересом наблюдал за ними со стороны, подперев рукой подбородок. Вскоре поверенный мужа отклонялся и покинул нас.

— Как прогулялась, дорогая? — Тонли-старший подошел ко мне, едва ощутимо поцеловал в щеку и положил руку на талию. — Все купила, что хотела?

— Если бы она купила все, что хотела, мы бы не выехали из Сельтауна, — Памир произнес это негромко, но так, чтобы отец слышал его слова.

— Дорогая, я же просил, чтобы ты ни в чем себе не отказывала, — с легким упреком вымолвил супруг.

— Тогда посылай в следующий раз еще одну карету... за покупками, — проворчал дознаватель, откинувшись на спинку кресла. Похоже, многочасовые походы по лавкам все же утомили молодого мужчину. Однако можно было заметить озадаченность в синих кристалликах льда. Что же ему не давало покоя?

— Памир, кто бы говорил! Приехал на месяц, а вещей привез, словно переезжать надумал. В глазах мужа плясали смешинки. Он находился в отличном расположении духа, в отличие от сына. Я тихонько хихикнула, прикрыв рот рукой.

— Мне просто не хватило времени их собрать, — беззлобно ответил Памир и поднялся.

— Да-да, считай, мы с Айрис тебе поверили, — поддел бывший советник сына. Казалось, молодой мужчина непременно скажет колкость в ответ, но он на мгновение широко улыбнулся, и на его щеках появились восхитительные ямочки.

— Если надумаю переехать, одной каретой я вряд ли обойдусь, — он окинул нас мимолетным взглядом и двинулся к лестнице.

Вслед за ним на второй этаж поднялась и я. Следовало быстро принять ванну и облачиться в новое голубое платье, которое, не удержавшись, купила сегодня. Не ходить же вечность в нарядах мачехи, не шедших мне совершенно.

Я попросила горничную сделать мне красивую высокую прическу, открывающую тонкую шею, и ровно к семи спустилась в обеденный зал.

— Дорогая, ты прелестна в этом платье, — с восхищением в голосе проговорил супруг, стоило войти в просторное помещение, освещенное множеством хрустальных люстр. И снова лишь едва ощутимое касание губ к моей щеке.

Памир, как и бывший советник, был одет в черный костюм и белую рубашку, в манжетах которой сияли золотые запонки с драгоценными камнями. Чуть влажные волосы дознавателя казались нынче и вовсе черными. Я спохватилась и тотчас перевела взгляд на супруга, когда поняла, что непозволительно долго рассматривала молодого мужчину.

— Встретили кого-нибудь знакомого в городе? — любопытствовал Тонли-старший, когда слуги сменили одно блюдо вторым.

— Да! — спешно ответил Памир.

— И кого же? — широкая бровь бывшего советника вопросительно изогнулась, и он сосредоточил внимание на сыне.

— Рэнли Росмана, — произнес дознаватель, намеренно выдержав паузу.

— А он что забыл в наших краях? — лицо супруга мгновенно стало серьезным, а глаза потемнели. Видимо, это имя у многих мужчин вызывает подобную реакцию. Или с зеленоглазым лэрром было что-то не так?

— Не знаю. Может очередную жену подыскивает, — молодой мужчина только теперь посмотрел на меня, и я выдержала его пронзительный взгляд. Он тактично умолчал о нашем разговоре в Сельтауне. Но почему? Чем не повод насолить мне лишний раз?

— Памир, займись им уже.

— Мне делать больше нечего, как заниматься дамским угодником? — удивленно уставился он на отца.

— Тебе не кажется подозрительным, что его молодые и полные сил жены так быстро умирают одна за другой?

— И сколько уже умерло? — встряла я в их разговор, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Восемь, — нахмурившись, коротко отозвался муж.

— Уже восемь? — изумленно воскликнул Памир. Вилка с кусочком говядины застыла у его рта. — Разве лира Нариза, скончавшаяся год назад, была не пятой супругой Росмана?

— Седьмой, но после нее он еще раз женился, и та умерла спустя четыре месяца.

— И отчего?

— Не помню уже. То ли с лошади упала, то ли под карету попала... Так что, возьмешься за него? Или подождешь, пока еще одна скончается?

— Хорошо. Займусь им, как выйду на службу, — с тяжелым вздохом вымолвил дознаватель и сделал глоток воды.

— Почему не теперь? — супруг продолжал давить на него. Тонли-старшим внезапно овладело странное стремление разобраться поскорее с Росманом.

— Потому что я в отпуске впервые за неизвестно сколько лет и у меня есть более важные дела. Не хватало еще тратить на бабника все свое свободное время.

— Какие у тебя дела?

— Важные, отец, важные... Кстати, завтра с самого утра я буду вынужден вас покинуть.

— Ты же только приехал.

— Я вернусь в конце недели. Думаю, в компании молодой супруги ты не успеешь соскучиться. Лира Айрис, вы не могли бы на время моего отсутствия присмотреть за своей одноименницей? — в голосе дознавателя я не расслышала и толики насмешки или сарказма, но Тонли-старший все же разозлился.

— Ламир!

— Буду рада, — отозвалась я, невзирая на грозный вид супруга, и накрыла ладонью его руку.

— Всегда мечтала о домашнем питомце. Но сперва отец был против, потом — отчим. Мне будет в радость поводить со щенком.

— Спасибо! — дознаватель улыбнулся, и снова у него на щеках появились ямочки, приковывающие к себе взгляд. Зарождавшаяся в столовой буря мгновенно улеглась.

— Если встретишься со своим секретарем, все же попроси собрать побольше информации на Росмана, — вернулся муж к позабытой теме разговора.

— Вот дался тебе он, — в голосе молодого мужчины появилась нотка раздражения.

— С ним определенно что-то не так, Ламир. Женщины теряют головы только от одного его взгляда, готовы исполнять едва ли не любую прихоть.

«Летят, как мотыльки в ночи на пламя свечи, хоть и знают, что могут сгореть в беспощадном огне...» — мысленно продолжила я, вновь вспомнив странное состояние, охватившее меня, когда смотрела Росману в глаза.

— Ладно-ладно, я тебя услышал, — уступил дознаватель отцу, и ужин снова продолжился в мирной обстановке.

Из столовой все разошлись по своим покоям. Ни я, ни Ламир не поддержали предложение Тонли-старшего перейти из обеденного зала в гостиную. Молодой мужчина сослался на привезенные секретарем бумаги, которые срочно требовалось изучить, мне же хотелось побыть одной и немного почитать. Книга настолько увлекла, что я оторвалась от нее, лишь когда еле слышно заскрипела дверь и в комнату вошел супруг.

— Прости, думал, ты уже легла, — он пересек комнату, откинул край одеяла и забрался в постель. — Купила тренировочный костюм?

— Да, — я закрыла энциклопедию по кристаллам, положила ее на столик и встала с кресла. Страх перед этим мужчиной полностью испарился, и мне было невдомек: за что его многие так боялись?

— Замечательно, тогда после завтрака приступим к занятиям.

— Лэр Тонли, — обратилась я к мужу и тут же была остановлена.

— Айрис, ты меня еще при сыне так назови, — с упреком вымолвил он, сведя на переносице брови. — Если этот уцепится, проблем не оберемся.

— Аарон, — сделала еще одну попытку поговорить с бывшим советником, решив рассказать ему о том, что произошло в лавке.

— Слушаю, моя дорогая, — мягко проговорил Тонли-старший, заметив мою робость.

— Этот Росман и вправду какой-то странный, — начала я несмело, потупив взгляд.

— Почему ты так решила?

— Не знаю, как объяснить, но я стала сама не своя, когда он на меня посмотрел.

— В чем это выражалось?

— Мой разум словно затуманился, ноги окаменели, и... и...

— Смелее, Айрис, — подтолкнул меня супруг закончить фразу.

— В тот момент он казался мне самым красивым мужчиной на свете, — выпалила на одном дыхании, чувствуя, как запылала мои щеки.

— А теперь уже не кажется? — озадаченно спросил Тонли-старший, и я отрицательно покачала головой. — Думаю, он пользуется запрещенной магией. И почему-то его выбор пал на тебя... Айрис, если увидишь Росмана еще хоть раз, забудь про этикет и беги от него со всех ног, да подальше.

Я кивнула и улыбнулась, довольная тем, что освободилась от камня на сердце. Захватив ночную сорочку и халат, направилась в ванную, где неторопливо переоделась, а когда вернулась в спальню, лишь тонкая полоска света, проложенная луной, освещала мне путь к кровати. Мягкий запах лаванды, исходящий от подушки, и накопившаяся за день усталость быстро сморили меня. На смену дневным волнениям и тревогам пришли покой и умиротворение.

Проснувшись я поутру от тихого постукивания, доносившегося из коридора. Солнце еще только вставало над горизонтом. Потерев глаза, свесила ноги с кровати и пошла проверить, что происходит. Едва открыла дверь, увидела у порога плетеную корзину с жалобно повизгивающим щенком.

— Ну что, Айрис, твой хозяин уже покинул нас? — я взяла на руки пузатого детеныша, и тот доверчиво прижался к моей груди. — Без него в этом замке определенно станет спокойнее...

Глава 18

Сон с теплым комком под боком оказался настолько сладким, что просыпаться и вовсе не хотелось, не говоря уже про то, чтобы выбраться из уютной постели и куда-то идти. Однако ровно в восемь пришла горничная и передала распоряжение супруга: появиться через полчаса в столовой. Девушка заплела мне тугую косу, хоть с этим я и сама великолепно справилась бы, и помогла со шнуровкой на бледно-сиреновом платье, которое я намеревалась снять сразу после завтрака и надеть вместо него тренировочный костюм.

За пять минут до оговоренного Тонли-старшим времени я уже спускалась по мраморным ступеням, оставив щенка под присмотром служанки. Этим утром на моих губах сияла улыбка, ведь ждать подвоха было неоткуда — Памир Тонли уехал из замка. Несложно было догадаться, что под важными делами значился брак его отца. Кто бы сомневался, что он продолжит копать в моем прошлом. Однако чего мне бояться?

Едва была выпита чашка кофе и съеден кусочек яблочного пирога, я торопливым шагом поднялась в свои покои, сменила платье на непривычные брюки и тунику и пришла в балльный зал, где меня уже дожидался муж.

Он не стал читать вводных лекций, как это делали в пансионе, а сразу приступил к делу:

— Сперва нужно определить, какая стихия тебе больше подвластна. Ту и будем развивать, — звучный голос бывшего советника разносился по просторному помещению, отбивался от стен, увешанных зеркалами, и эхом возвращался ко мне.

— Только одну? — растерянно посмотрела на серьезного Тонли-старшего.

— Маги могут пользоваться всеми стихиями, но лишь одна расходует мало сил. У меня это воздух, у Памира — огонь.

— А разве отец и сын не должны владеть одинаковыми стихиями?

— Необязательно, хотя чаще всего они схожи. Но Памиру, как дознавателю, это только на руку. Давай сперва ты покажешь свои умения, а потом будем действовать по ситуации. Но не забывай, Айрис, я не алхимик, не целитель, а боевой маг. Следовательно, тебе многое придется осваивать самой. Я покажу не только некоторые основы, но и научу защищаться и атаковать.

— А вам приходилось убивать? — мое сердце замерло в ожидании ответа.

— Да, Айрис, приходилось. Я ведь до советника тоже долгое время работал главным дознавателем, а там с разными людьми приходится сталкиваться: чаще всего с убийцами, ворами, шпионами... — в зале повисла тишина, но вскоре супруг ее нарушил более бодрым голосом: — Ну что, за дело!

Мои навыки были ничтожны. Хотя я и стыдилась их, все же смогла оторвать от начищенного до блеска пола несколько листов бумаги, создав небольшой вихрь, сделать снежок из воды, заранее приготовленной в кувшине. Супруг, заложив руки за спину, молча наблюдал за моими потугами. За маской отчужденности, которую он нацепил еще в начале занятия, сложно было понять его настроение. Спустя полчаса, когда моя спина покрылась испариной, словно я пробежала не одну сотню метров, лэр Тонли-старший вынес вердикт:

— Похоже, вода и воздух — не твои стихии. Или же силы столь малы, что опять же странно...

— говорил он себе под нос. — Ты мучаешься, а не работаешь с магическими потоками. Давай попробуем огонь. Хотя для девушек — это редкость.

— Почему? — озадаченно посмотрела на бывшего советника, вытирая платком пот со лба.

— Требуется большой резерв магии, чтобы управлять этой стихией, а его наследуют, как правило, мужчины. Твой отец был магом?

— Если да, то очень слабым. По крайней мере я не помню, чтобы он когда-либо ею пользовался дома.

— Ладно, сперва попробуем, потом продолжим разговор.

— Что мне делать? — я не смогла скрыть горечи, которая мной овладела, едва подумала об окончании занятия, не успевшего толком начаться.

— Повторяй за мной, — безэмоционально отозвался бывший советник и стал проговаривать заклинание.

Я смотрела ему в глаза и шептала за ним странные слова, не замечая, как сперва на указательных, а затем и на всех остальных пальцах появились едва заметные огоньки. Лишь когда муж замолчал, я проследила за его взглядом и вскрикнула, сильно испугавшись. Мои руки полыхали в голубоватом, слегка подрагивающем пламени. Однако я не ощущала ни жара, ни боли.

— Ты не чувствуешь ничего, да? — озадаченно проговорил Тонли-старший, и я замотала головой, словно тряпичная кукла. — Значит огонь... На сегодня все! Мне нужно подумать! — он развернулся и быстрым шагом двинулся к выходу.

— А... — я со страхом смотрела на пальцы, не зная, что теперь делать. — А как же?... — бросилась вдогонку за мужем, но тот, казалось, не слышал меня и едва ли не перед самым носом хлопнул дверью. Оставшись одна, тряхнула руками, и пламя исчезло, позволив мне вздохнуть с облегчением.

Вечером, когда часы показывали уже начало десятого, супруг принес стопку книг и дал задание: выучить к завтрашнему утру с десяток заклинаний. Понимая, что это только в моих интересах, молча кивнула, взяла перо и стала выписывать их в тетрадь, купленную на всякий случай в Сельтауне. Мужчина понаблюдал за мной пару минут, а затем ушел. К сожалению, к разговору о подвластной мне стихии маг так и не вернулся, а меня тем временем неустанно снедало любопытство.

С того момента многое изменилось: после ужина бывший советник объяснял правила игры в шахматы, затем указывал на новые заклинания, которые к утру следовало выучить наизусть, чтобы уже завтра испытать их на практике. Тонли-старший нещадно гонял меня по

пройденному материалу и, проверив знания, переходил к новой теме. Правда, невзирая на старания, пока мне не очень-то удалось продвинуться в освоении огня. Хотя и делать какие-то выводы было слишком рано.

Компанию мне по вечерам помимо книг составляла моя одноименница. Она лежала на коленях, как кошка, и сладко спала, иногда поскуливала или забавно причмокивала, видимо, когда ей снилось что-то приятное.

В таком бешеном темпе незаметно пролетело два дня. Неожиданно настала пятница.

Понежиться в кровати снова не удалось. Еще не было и семи, как горничная постучала в дверь и передала очередной наказ супруга. Все началось по уже налаженной схеме, однако, к моему удивлению, в пять вечера бывший советник отпустил меня, позволив отдохнуть.

Я не захотела сидеть в душевой комнате и решила немного прогуляться по парку. Едва почувствовала слабость в ногах, спряталась подальше от посторонних глаз, усевшись на той же скамейке, на которой в понедельник состоялся непростой разговор между мной и Памиром. Прихватив с собой книгу, погрузилась в любимый роман. Одна страница сменилась второй... десятой... двадцатой... Я по привычке увлеклась чтением и не заметила, что в какой-то момент мое уединение было нарушено.

— Айрис, моя прекрасная Айрис, — манящий голос был подобен ветру, шелесту трав и листьев, а стоило заглянуть в глаза его обладателя, осень для меня отступила и ей на смену пришла весна.

Чарующая улыбка Росмана вновь стала самой прекрасной. Я сопротивлялась изо всех сил паутине лжи: которой он стремительно оплетал мое сознание, но с каждой секундой все быстрее вязла, словно в топком болоте. К моему несчастью, вокруг не было ни единой живой души, которая могла бы протянуть мне палку и вытянуть из этой грязи.

— Пойдем со мной, моя дорогая... Ты моя и только моя, — он протянул руку и улыбнулся еще шире. Я поднялась со скамейки и вложила пальцы в раскрытую мужскую ладонь, не обратив внимания на упавшую с колен книгу, что развалилась на части, едва ударилась о землю. — Я никому не позволю тебя отнять у меня! Ты моя...

Мужчина без остановки что-то шептал. Он не замолкал ни на секунду, и его слова все сильнее проникали в кровь, заставляя сердце с бешеной скоростью колотиться о ребра. Медленно накатывала обреченность.

Мы неторопливым шагом удалялись от замка к высокому ограждению, оплетенному в нескольких местах виноградной лозой. Незатуманенная часть разума усиленно пыталась бороться, но ей не удавалось зацепиться за какие-нибудь, отрезвляющие воспоминания и она все сильнее вязла в сетях коварного паука. Когда я мысленно распрощалась с надеждой на спасение, на глаза попался флаг Тонли. Такой же синий, как глаза у моего мужа... как две льдинки у Памира. Воспоминание о дознавателе, о его пронизывающем и замораживающем душу взгляде сняло пелену смирения, подобно холодному душу, смывающему остатки сна. Я резко вырвала руку, подобрала длинные юбки до колен и бросилась прочь со всей мочи. Однако внезапно тысяча болезненных игл разом впились в голову — Росман догнал меня, схватил за косу и с силой дернул на себя, добавив при этом несколько крепких ругательств. Я громко закричала и рухнула на землю. Очередная волна боли пронеслась по телу. Из глаз брызнули слезы.

— Ну что ты, дорогая, — мужчина снова заговорил приторно-сладким голосом, от которого на этот раз затошнило. Он небрежно схватил меня за локоть и вынудил подняться, а другой, свободной рукой намотал волосы на кулак, лишая возможности сбежать.

— Пустите! — я ни на секунду не оставляла попыток вырваться, вертела головой, невзирая на мучения, лишь бы не слушать Росмана, — боялась, что он снова одурманит разум. Мужчина, отбросив в сторону все церемонии, куда-то меня волок, не обращая внимания на мои сопротивления.

— Немедленно отпусти ее! — раздалось где-то недалеко от нас. Сейчас, как никогда, я была рада тому, кто сказал эти слова. Негодяй так резко развернулся, что мне едва удалось удержаться на ногах.

— Памир, — облегченно прошептала я, едва увидела дознавателя. Как же он вовремя!

— Это моя жена! — закричал мужчина, будто раненый зверь. — И я ее забираю!

— Неправда. Эта юная лира — супруга лэра Аарона Тонли, — Памир сохранял невозмутимое спокойствие.

— Нет-нет-нет... — казалось, Росман был не в себе.

— Я сам видел брачный договор и свидетельство. Как бы тебя это ни возмущало... или меня... следует смириться с текущим положением дел.

— Ошибаешься, ищейка. Твой папаша украл ее у меня.

— Каким это образом? — правая бровь Памира вопросительно изогнулась.

— Перекупил ее у жирдяя Хотдженса! Он мне первому пообещал девицу, мы и о цене договорились. Я даже задаток внес! Представь мое удивление, когда пришел через два дня оформить бумаги, а тот резко все переиграл. Денег ему, видите ли, мало показалось. Но я был первым! Я! — Росман дернул рукой, и новая волна боли прокатилась по голове, заставив меня вскрикнуть. — Тонли, если девчонка тебе не угодна, отдай ее мне. Скажешь папаше, что не нашел, и по рукам. В итоге оба останемся в выигрыше.

— Предложение, конечно, заманчивое... — протянул Памир, чем вызвал мой судорожный вздох. — Прозвучи оно еще в воскресенье или понедельник, возможно, так бы и поступил. Хотя тоже маловероятно. Это идет вразрез с моими принципами. Так что мой ответ — нет.

В это время из-за спины раздалась едва различимые шаги, однако Росман настолько был поглощен разговором, что не расслышал их, иначе бы непременно обернулся. Но мимолетный взгляд Памира, брошенный куда-то в сторону, подтвердил мои предположения, хоть дознаватель и сохранял при этом каменное выражение лица.

Хруст ветки под чьей-то неосторожной ногой стал решающим. Мой похититель резко развернулся на каблуках, и черные прозрачные нити, сорвавшиеся с его левой руки, разом устремились к стражникам. Те выставили магические щиты, что мерцали серебристым светом, и отразили атаку спятившего Росмана. Они замахнулись для удара, но негодяй прикрылся мной, потянув на себя за волосы.

— Не подходите, иначе убью ее! — завопил зеленоглазый мужчина, продолжая дирижировать рукой, на которую была намотана моя коса, и стражники остановились. — Дайте нам уйти! — грозно прокричал Росман у меня над ухом, вызывая очередной приступ боли. Голова и так раскалывалась то ли от переживаний, то ли от его нескончаемых подергиваний, то ли от одного и другого, а он словно решил усугубить мое состояние.

— Или ты уходишь отсюда один, или не уходишь совсем, — голос Памира был тверд и холоден как камень. Он не давал возможности негодяю выставлять требования.

— И вы мне это позволите? — после недолгих размышлений поинтересовался злодей.

— Разве тебя кто-то держит? — сколько увернулся от ответа дознаватель.

Росман медлил. Я почувствовала легкое шевеление на затылке. В какой-то момент натяжение кожи на голове пропало: словно моя коса обрела свободу. Негодяй резко толкнул меня в спину и рванул с места. От неожиданности я едва успела подставить ладони, чтобы не впечататься лицом в землю. Почти сразу же на помощь пришла крепкая мужская рука, ухватившая меня под локоть.

— С вами все в порядке, лира Айрис? — проговорил Памир, быстро пробегая по мне оценивающим взглядом. Я лишь кивнула.

— Нет! Пустите меня! Марвел, сын мой! Его смерть будет на ваших руках! — разлетались по парку вопли Росмана, которого удерживали стражники.

Видимо, никто не собирался позволить ему уйти безнаказанным после содеянного. Со всех сторон, как по сигналу, стали появляться охранники, служившие у Тонли. Сложилось впечатление, что все это было подстроено. Неужели Росмана ловили на живца? В сердце закралась обида... Интересно, мой муж догадывался о готовящейся операции? Знал... Уверена, знал, иначе бы не закончил так рано занятие. От осознания этого на душе стало еще более скверно.

Я отряхнула ладони, на которых остались зеленые следы от травы, поправила платье, пришедшее в ужасный вид, и нетвердым шагом двинулась к замку, изо всех сил сдерживая

подступившие слезы. Памир не стал меня удерживать, не предложил сопроводить, а направился к своим людям.

— Грузите его в карету и поезжайте немедленно в Голдтаун. Я последую за вами, — донесся до меня звучный голос дознавателя, забравший у меня остатки самообладания, и соленые ручейки стремительно потекли по щекам. Я их вытирала, но они никак не заканчивались, все бежали и бежали. Казалось, им не будет конца.

«Неужели Памиру ни капли не жаль меня? Неужели не понимал, какой страх охватил незатуманенную часть разума, когда тело не подчинялось ему, а Росман тащил меня тем временем к забору? И почему именно туда?» — мысли одна за другой быстро сменялись в голове.

Стоило войти в холл, ко мне сразу же устремился бывший советник, видимо, дожидавшийся, когда все закончится.

— Дорогая моя, как ты? — его голос, в отличие от Памира, был полон тревоги и переживаний. Муж взялся за мои запястья и стал всматриваться в лицо. Я не смогла произнести ни слова, а громко разрыдалась. Он заключил меня в объятия и начал успокаивающе гладить по спине, пока я всхлипывала.

— Прости, Айрис, что все так сложилось. Однако более удачный шанс схватить этого мерзавца вряд ли бы представился. Я долго не соглашался на эту операцию, но, как бывший главный дознаватель, прекрасно понимаю, что лучше было сделать все именно так, а не дожидаться момента, когда Росман неожиданно нападет на тебя и увезет в неизвестном направлении. Если ты ему так понадобилась, он бы все равно уже не отступился. А вдруг мы бы опоздали, что тогда?

— Я уезжаю, правда, сперва все же переоденусь, — послышались из-за спины слова Памира. Следовало немедленно отпрянуть от супруга, но показаться в таком виде молодому мужчине мне не хватило смелости. Да и слишком сильна еще была обида на него.

— Решил лично заняться Росманом? — деловым тоном спросил Тонли-старший, продолжая удерживать руку на моей спине.

— Не прошу себе, если мои что-нибудь напортачат.

— Я, конечно, понимаю всю степень важности и ответственности, но такими темпами твоему заместителю скоро будет нечем заняться. Не даешь Деклифу проявить себя.

— Такое дело не доверю. Так что, отец, покой мне пока только снится. Вернее, уже даже не снится, — горько усмехнулся дознаватель. Его голос был уставшим, словно он не спал уже много дней. Мужчину стало даже жаль. Но лишь на мгновение.

— Задержишься на минуту! Нам нужно поговорить, — окликнул сына Тонли-старший. — Айрис, поднимись к себе, я скоро приду, и мы непременно обо всем поговорим. Хорошо, дорогая? — мягко проговорил супруг и поцеловал в висок.

Я вытерла влажные дорожки на щеках и, не глядя на Памира, спешно взлетела по ступенькам на второй этаж.

Глава 20

Прошло не менее получаса: прежде чем в комнату вошел бывший советник. К тому времени мне удалось причесать взлохмаченные волосы, ополоснуть лицо, отмыть ладони и переодеться. Я стояла у окна и смотрела перед собой невидящим взором, вновь и вновь прокручивая в памяти случившееся. Едва представила, что могла стать женой этого безумца, содрогнулась от накатившего ужаса.

А сколько у меня еще подобных «мужей», о которых никто не догадывается, кроме Хотдженса, решившего на мне заработать? Тонли-старший спас меня не только от отчима, но и от сумасшедшего Росмана. Вдобавок учит пользоваться магией, но при этом ничего не просит взамен. Разве такое бывает? Я решила, что настало время во всем разобраться.

Мужчина подошел ко мне и положил руки на плечи.

— Ты как? — взволнованно спросил он и заставил повернуться к нему лицом.

— Уже нормально. Горничная принесла успокоительный отвар, стало намного легче, — ответила, немного помедлив.

— Еще раз прости. Представляю, что ты пережила, но предупреждать тебя было рискованно. Росман мог сорваться с крючка и залечь на дно или же найти новую жертву.

— И вы решили использовать меня в качестве наживки, — вымолвила с толикой обиды, смело посмотрев в глаза бывшему советнику.

— Да. Возможно, не следовало соглашаться на план Памира, но этот мерзавец стал и днем и ночью ошиваться у нашего ограждения в поисках возможности пробраться незаметно на территорию замка. Тогда-то я и позволил сыну действовать на свое усмотрение. Ведь рано или поздно Росман все равно бы попытался осуществить затеянное.

— Это правда, что вы перекупили меня у отчима? — мои пальцы впились в мягкую ткань платья.

— Да, — ответил Тонли-старший. — Ты этим опечалена?

— Зачем я вам? — спросила, набрав побольше воздуха в легкие, однако мой голос все равно дрогнул.

— Айрис, разве тебе здесь плохо? — он сощурил синие глаза и пристально всмотрелся в мое лицо.

— Нет, но...

— Памир скоро успокоится. Пройдет месяц, и он вернется к государственным обязанностям, и будет лишь изредка появляться в замке. Наслаждайся пока жизнью.

— Но... — я в очередной раз попыталась вернуться к теме нашего загадочного брака, однако была остановлена мужем.

— Всему свое время, Айрис! — проговорил бывший советник с нажимом, затем тяжело вздохнул и убрал руки. — Нам следует воспользоваться отсутствием Памира и немного потренироваться с утра. Советую не засиживаться за чтением и лечь пораньше.

— Я еще не бралась за заклинания.

— С ними как-нибудь позже разберешься. Тебе и так сегодня досталось. Если не захочешь ужинать в обеденном зале, я все пойму. Отдать распоряжение принести еду в комнату? — его голос вновь наполнился заботой и нежностью. Я лишь кивнула, не сумев произнести ни слова из-за спазма в горле. — Тогда отдыхай, моя дорогая, — супруг поцеловал меня едва ощутимо в висок и вышел.

Вскоре служанка принесла мой ужин: ароматного жареного цыпленка с дольками картофеля и веточками тимьяна и очередной стакан успокоительного отвара, после которого меня быстро сморило.

* * *

Едва открыла утром глаза; вспомнила о книге, оставленной вчера в парке. Остатки сна мгновенно развеялись в воздухе. Я вскочила с кровати, заплела на скорую руку косу, надела платье, с которым меньше всего было мороки, и быстрым шагом, порой переходя на бег, направилась к заветному месту. Мое сердце так колотилось от волнения, что, казалось, выскочит из груди.

Однако ни на траве, ни на скамье, покрытой росой, потрепанный томик так и не нашелся. Настроение стало хуже некуда, но мой супруг быстро заставил обо всем позабыть, гоняя по пройденным темам. Этим утром мне впервые удалось сформировать небольшой шарик огня и метнуть им в Тонли-старшего. К обеду тренировка закончилась — в любую минуту мог появиться Памир.

Хоть и не хотелось сидеть в четырех стенах, события прошлого вечера подтолкнули меня остаться в комнате. Усевшись в удобное кресло, положила на колени фолиант по кристаллам и углубилась в чтение. Когда спустя некоторое время раздался короткий стук в дверь, я крикнула: «Войдите!», уверенная, что это горничная, и вновь уставилась в книгу. Однако пронизывающий голод, змейкой заструившийся по спине, и залиvistое тьяканье тезки поведали, что у меня гость.

— Не помешаю вам, лира Айрис? — наконец заговорил Памир после затянувшейся паузы, в течение которой мы неотрывно смотрели друг другу в глаза, а щенок вился у его высоких сапог.

— Нет. Проходите, лэр Тонли, — мой голос, к собственному удивлению, прозвучал ровно и без надрывов, хотя в душе царил хаос. Мне еще ни разу не доводилось оказаться с этим молодым мужчиной наедине в закрытой комнате.

Памир устроился в свободном кресле у окна, откинувшись на спинку и закинув ногу на ногу. В отличие от меня, он чувствовал себя расслабленно. Усталость залегла на красивом лице: синева

глаз слегка потускнела, под ними появились тени, а всегда коротко постриженные борода и усики заметно отросли.

— Я хотел бы извиниться за те переживания, что вам довелось испытать в процессе операции по задержанию Росмана. Однако иначе мы не могли бы упечь его в темницу: все смерти жен выглядели настолько естественными, что к нему невозможно было подкопаться.

— Он их убивал? — спросила с замиранием сердца.

— Можно и, так сказать. Эта история началась двенадцать лет назад, когда его сын Марвел, единственный наследник рода Росманов, заболел какой-то странной болезнью и вскоре умер. Убитая горем мать не разрешала хоронить мальчика, раздобыла где-то два парных амулета, один из которых мог вернуть к жизни мертвеца, правда, отнимая при этом ее у другого человека. Она провела запрещенный ритуал и надела на себя амулет надеясь, что ее собственных сил хватит, чтобы воскресить сына. Впрочем, так и случилось, вот только Марвел не мог больше жить самостоятельно. Ему требовалось постоянно черпать откуда-то силы. Женщина без колебаний отдала ради мальчишки свою жизнь, но после ее смерти Марвел вновь стал стремительно чахнуть. И тогда Росман нашел ему новую маму. Конечно же, не для заботы, которой она должна была окружить ребенка. По мере того как мальчик рос, ему требовалось все больше сил. Поэтому и женщины стали погибать гораздо быстрее. Росману же приписали роль черного вдовца, хотя по факту он — убийца.

— Неужели девушки не чувствовали странной усталости, не понимали, что с ними что-то не так? Почему не бежали, не просили никого о помощи? — озадаченно посмотрела на Памира, который начал бороться с зевотой.

— Они же едва ли не день и ночь находились под чарами. Когда дурман спадал с несчастных, злодей снова вводил их в подобие транса.

— Они же едва ли не день и ночь находились под чарами. Когда дурман спадал с несчастных, злодей снова вводил их в подобие транса.

— Не проще ли было перестать мучить Марвела, дать ему спокойно умереть и позволить появиться на свет другим детям?

— Как оказалось, Росман не мог больше иметь наследников. Возможно, именно это отчасти толкнуло его на столь гнусный шаг. Он признался, что в какой-то момент захотел покончить со всем этим, но тогда за него взялся Марвел, в котором проснулось стремление к жизни, если ее таковой можно назвать. Мальчишка стал донимать отца, упрекал его в том, что тот не любит единственного сына, желает ему смерти, и Росман, поддавшись умелому манипулятору, отправлялся на поиски очередной жены. В итоге оба получали что хотели: Марвел — новые силы, а Росман — приданое. Когда женщина умирала, они находили бродяг, женщин легкого поведения, нуждавшихся в деньгах. Порой не гнушались даже гостями, ведь потребность в жизненной энергии постоянно росла.

— Почему их выбор пал на меня? Легкая добыча? — этот вопрос мне не давал покоя, и хотелось получить ответ.

— Не совсем, хотя отчасти так и было, — Ламир заговорил не сразу. — Поскольку тело Марвела уже охладело к тому моменту, как женщина раздобыла парные амулеты, только магия, наполненная теплом, могла воскресить его и поддерживать в нем жизнь. А ею обладает лишь огонь.

— Но как он мог узнать? Я и сама только недавно... — прикусила язык, едва не выболтав о тренировках.

— Вот тут очередная загадка, лира Айрис, — Ламир постукивал длинными пальцами по подлокотнику, отбивая какой-то ритм. — Ему указали на вас.

— Кто? — я нервно сглотнула.

— Росман не знает. Он не помнит ни его лица, ни голоса. Ничего. Самое странное, что незнакомец даже денег дал ему на ваш выкуп у Хотдженса.

— Но зачем? — по спине от его слов заструился холод.

— Я же сказал: загадка, — Памир пожал плечами. — Ах да! Ваш опекун просил передать вам наилучшие пожелания.

— Позвольте узнать: где же вы встретились с ним?

— В Дельтауне, — он говорил открыто, не намереваясь юлить.

Хотелось произнести колкость в ответ, но мне удалось сдержать рвущиеся наружу слова, изобразить изумление и переспросить:

— В Дельтауне?

Памир молчал, не торопился отвечать, словно обдумывал что-то важное, но вскоре все же заговорил:

— Есть сведения, которые я хотел бы рассказать сперва вам, а не отцу.

— Чем я так внезапно заслужила ваше доверие? — теперь он и вправду меня удивил.

— Вы знали, что брак ваших родителей был заключен не в ноябре, как записано в книге храмовников, а в феврале?

— Нет. Но зачем?

— Вы ведь родились в июле? — черная бровь Памира вопросительно изогнулась. Хотя я не сомневалась, что ему и так уже это известно, все же кивнула. — Не находите несовпадений?

— Думаете, они пытались таким образом скрыть беременность матери? — пунцовый румянец вспыхнул на моих щеках.

Эта новость выбила у меня почву из-под ног. Я никак не могла понять, как такое случилось. Неужели отец не хотел жениться на матери и решил ее тем самым опозорить? Почему тогда позже передумал? А как мама осмелилась пойти на такой шаг? Настолько любила отца?

— У вас есть другие мысли?

— Нет, — я потупила взгляд и покачала головой.

— Если пожелаете, эта информация может остаться в тайне от моего отца, — голос Памира впервые прозвучал не так холодно и резко, как ранее. Или мне показалось?

— Буду премного благодарна вам.

— Я передал Хотдженсу от вас пожелания крепкого здоровья. Думаю, они ему сейчас весьма пригодятся, а то что-то у него сердечко сильно прихватило, едва меня увидел. К счастью, тем временем в доме был целитель. Мне не хотелось бы стать причиной его столь ранней кончины. Еще не на все вопросы он успел дать ответы. Кстати, вы тоже заметили, как ваши названные брат и сестра похожи на того докторишку? Может, Хотдженсу стоит на это намекнуть? Хотя еще рано, очень рано... — задумчиво проговорил Памир и поднялся с кресла. — Лана, к ногам! — отдал дознаватель команду шенку, и я недоуменно посмотрела на молодого мужчину.

— Лана? — не удержалась от вопроса, чувствуя, как мои брови сошлись на переносице.

— Вам не нравится это имя? — уголки его губ слегка приподнялись вверх. Памир тщательно пытался сдержать улыбку.

— Но...

— Прошу простить меня, но я вынужден откланяться, поскольку едва стою на ногах, — он отвесил легкий поклон и направился к двери. Щенок следовал за ним, позабыв в одно мгновение, кто заботился о нем, пока не было его хозяина. — Но я так и не понял, лира Айрис, почему мой отец ввязался в ход этих событий. И пока не найду тому объяснение, буду считать вас причастной к ним. Как-то прохладно у вас в комнате, — Памир передернул плечами, и в его правой руке мгновенно появился большой огненный шар, который мужчина бросил в камин. Раздался хаотичный треск поленьев, ставший музыкой для моих ушей.

— Лэр Тонли? — спохватилась я, когда дознаватель нажал на ручку. Он обернулся с застывшим на лице вопросом. — А Марвела тоже взяли?

— Нет. Он сбежал к тому времени, как стражники пришли за ним. Да еще и парные амулеты исчезли. Опять одни проблемы, — Памир тяжело вздохнул и отворил дверь. — Приятного вечера!

Он ушел, а я еще долго смотрела на разгоревшееся в камине пламя. Теперь сбежавшему Росману-младшему ничто не мешало самому заняться поиском очередной жертвы. Оставалось лишь надеяться, что его схватят раньше, чем он наденет на кого-то смертоносный кулон.

Глава 21

Дознаватель не показывался никому на глаза вплоть до ужина следующего дня. Видимо, мужчина вдоволь отсыпался, восстанавливая истраченные силы. Хоть супруг и говорил, что многого не знает о своем сыне, такой расклад предполагал и разбудил меня спозаранку, невзирая на воскресенье. Даже не позавтракав, мы спустились в балльный зал, где и тренировались около часа. Темой занятия Тонли-старший выбрал самооборону — муж учил

ставить охранные щиты наподобие тех, что я видела у стражников. Пусть они у меня получались пока слабенькими, все же успехами осталась довольна.

Маленькая изменщица по кличке Лана, устав от одиночества и желая поиграть, около полудня вновь заскулила у моего порога. Стоило открыть дверь, она вихрем влетела в комнату и так преданно посмотрела в глаза, что вернуть ее хозяину мне не хватило совести. Да и сама была не прочь побаловаться с ней.

Вечером мужчины продолжили партию в шахматы, которую так и не доиграли в прошлый раз, а я снова сидела с книгой в руках и наблюдала за ними. Они не так много времени проводили вместе, однако невозможно было не заметить, как оба Тонли тянулись друг к другу. На лице супруга все чаще появлялась улыбка, но отчего-то грустная, а вот у Памира — беззаботная, словно рядом с отцом он вновь становился маленьким мальчиком.

Разошлись мы далеко за полночь. Стоило мне надеть ночную сорочку и улечься в кровать, как раздался привычный скрип дверных петель. Я его больше не боялась, не вздрагивала теперь, как прежде. Бывший советник всячески поддерживал видимость счастливого брака и любви к молодой жене. Все бы ничего, но его «пока» в фразе «наслаждайся пока жизнью» не давало покоя.

А вот понедельник мне преподнес сюрприз. Мы завтракали своей небольшой компанией в обеденном зале, обменивались короткими репликами, когда Памир сообщил, что собирается через час отправиться в Лидлтаун.

— Возьми с собой Айрис, — внезапно сказал супруг, отчего я едва не поперхнулась душистым чаем.

— Я еду по делам, а не развлекаться, — голос дознавателя заметно посуровел.

— Ничего. Она найдет, чем заняться, пока ты будешь их решать. Погода сегодня отличная, как раз для прогулок. Айрис молода и полна сил. Ей не стоит все время сидеть взаперти.

— Отец, сам подумай, что начнут говорить люди, если я во второй раз покажусь с ней на глаза.

— Тебя же это никогда не заботило, — бывший советник медленно потягивал кофе, усердно делая вид, будто не замечает недовольства сына.

— Да, но... — Памир предпринял еще одну попытку отвязаться от меня, но и она оказалась тщетной.

— Вот и чудесно! Дорогая, часа хватит на сборы? — муж накрыл мою руку своей, и я почувствовала легкое покалывание на тыльной стороне ладони. Его магия заставила меня кивнуть, хоть собиралась ответить совсем иначе.

Молодой мужчина тут же плотно сжал губы и больше не произнес ни слова до конца завтрака, а вот Тонли-старший был рад своей выходке, чего не скажешь обо мне.

В назначенное время я спустилась в холл. На этот раз Памир не заставил себя ждать — он в модном костюме уже сидел в уютном кресле и встал, едва моя нога ступила на мраморный пол просторного помещения. Дознаватель любезно подставил мне локоть, и мы вышли на улицу, будто настоящая семейная пара. Карета, отъехав от замка всего несколько сот метров, сперва замедлила ход, а потом и вовсе остановилась. Я вопросительно посмотрела на Памира, выглянувшего в окошко, однако он не успел сказать и слова, как в маленьком проеме показалась голова его секретаря. Они обменялись парой коротких фраз, после чего служащий передал дознавателю черную кожаную папку и откланялся.

Весь оставшийся путь Тонли-младший перебирал бумаги, полученные от немолодого мужчины. Он внимательно вчитывался в каждый исписанный лист и укладывал его то в конец, то в начало стопки по какому-то только ему известному принципу. Памир, занимаясь делом, всецело сосредоточился на нем, но в какой-то момент его брови взлетели вверх, затем он нахмурился и впился в меня пронзительным взглядом, от которого мне стало не по себе. Мужчина не произнес ни слова, снова уткнулся в пожелтевшую бумагу и долго на нее смотрел невидящим взором. Лишь когда колесо попало в яму и карету сильно качнуло, дознаватель взял в руки новый лист, а тот, что вызвал у него столь странную реакцию, сложил вчетверо и убрал во внутренний карман сюртука. Это заставило меня разволноваться. Со дня нашего разговора я стала бояться, что его ищейки смогут найти нечто такое, о чем сама не подозревала.

В Лидлтауне Памир разобрался с делами гораздо быстрее, чем мы до него добирались. Несмотря на возмущение и нежелание брать меня в поездку, освободившись, мужчина смиловался надо мной и позволил немного прогуляться по городу. Погода и вправду стояла чудесная. Высоко в небе светило солнце, согревая всех своим теплом. Казалось, заново

началось лето, вот только не хватало пения птиц. Они улетели в теплые края, скрываясь от морозов, что могли ударить со дня на день.

Памир ни на минуту не сводил с меня глаз, словно чего-то боялся, и повсюду сопровождал. Когда мы вышли из кондитерской и направились к карете, нам навстречу, широко расставив руки, двинулся молодой светловолосый мужчина приблизительно того же возраста, что и дознаватель.

— Памир! Сколько лет, сколько зим! — проговорил он, едва приблизился к Тонли-младшему. Мужчины крепко обнялись и по-братски похлопали друг друга по спине. — Неужто позабыл дорогу в мой дом?

— Это ты вечно где-то пропадаешь, — сложилось впечатление, что Памир был не очень-то рад встрече со старым другом.

— Тоже верно. Что поделаешь, служба на благо империи — она такая, — в голосе незнакомца послышалась грусть. — Ты все в дознавателях ходишь?

— А куда деваться, если пост советника занят? — на лице моего спутника появилась маска отчужденности, за которой он скрыл истинные чувства.

— Памир, не таи на меня обиду, я и сам не понимаю, как так вышло. Никто, слышишь, никто даже и не предполагал, что на эту должность назначат кого-то другого, а не тебя.

— Что нового? — дознаватель пропустил слова друга мимо ушей. Видимо, это тема для него была болезненной.

— Много всего. Так сразу, наверное, и не вспомнишь. Три месяца назад скончался отец...

— Прими мои соболезнования. Я направлял их в твой адрес, — скованно вымолвил Памир.

— Спасибо, с опозданием, но получил. Правда, есть и радостная новость — я и сам впервые стал отцом.

— Поздравляю! Замечательное событие! — губы Тонли-младшего тронула улыбка.

— Да, мы с Аннет столько ждали его. Только, знаешь, Памир, я впервые увидел сына, когда ему было уже два месяца. Как-то жизнь стала проходить мимо меня после назначения на новую должность, — видимо, мужчина хотел вызвать к себе хоть толику сочувствия, но дознаватель снова превратился в камень, и тогда советник переключил свое внимание на меня. — Не познакомишь со своей очаровательной спутницей?

— Лира Айрис Тонли, — отозвался Ламир, немного помедлив.

— Тонли? — мужчина не смог скрыть удивления и значительно повысил голос. — Неужто ты женился? А как же Элоиза?

Глава 22

— Лира Айрис — супруга моего отца, — с ноткой раздражения ответил дознаватель.

— Твоего отца? — у советника вырвался нервный смешок, но потом его лицо стало серьезным. — Ты шутишь.

— Не шучу. Он женился пару недель назад на этой юной лире.

— Вот так новость! Фух... — он облегченно вздохнул, словно не представлял Ламира женатым ни на ком другом, кроме упомянутой особы. — Хотя что это я. Элоиза бы подобного не допустила. Она такая ревнивица, что даже моя Аннет с ней не срав...

— Мы расстались, — Ламир перебил друга, не позволяя ему и дальше говорить о некой лире. Чувство такта у советника напрочь отсутствовало, что казалось мне весьма странным с учетом его должности. Или он себя вел так только с Тонли-младшим?

— Как так? — брови молодого мужчины в очередной раз взлетели вверх. Похоже, для него этот день был полон открытий. — Почему?

— Она сказала, что ее надежды рухнули с твоим назначением на пост советника, а женой ищейки, пусть и главной в империи, становиться не собирается, — Тонли-младший внезапно подставил мне локоть, чем подал другу знак, что хочет закончить неприятную ему беседу и распрощаться.

— Ламир, я не знаю, что сказать, — однако мужчина сделал вид, будто ничего не понял.

— И не надо. Тут нечего говорить.

— Ох, простите мою бестактность, — советник театрально приложил руку к груди, когда переключил внимание на меня. — Позвольте представиться, Патрик Чеквел, — мужчина склонил голову в поклоне, а я присела в легком реверансе. — Откуда вы, прелестная юная лира?

— Из Дельтауна.

— Так мы с вами почти земляки. Я из Грэйтауна.

— Я бывала пару раз в этом тихом городке, правда, уже очень давно, — улыбка тронула мои губы, едва я вспомнила о счастливом детстве.

— А как ваша девичья фамилия? — сложилось ощущение, что я попала на допрос, пусть и завуалированный под любопытство.

— Контана.

— Контана... — протянул мужчина, словно копался тем временем на задворках памяти. — А нынче в этих владениях не лэр Томас Хотдженс живет?

— Да, он самый, — имя опекуна вызвало оскмину.

— И кем же вам приходится столь достопочтимый лэр?

— Отчимом.

— Вот как! Так вы, может, еще не в курсе последних новостей. Я как раз вчера вернулся из тех краев.

— Каких? — выпалила на одном дыхании. Сердце же стало заходиться в учащенном ритме от дурного предчувствия.

— На особняк совершено разбойное нападение. Разве тебе, Ламир, еще не доложили об этом?

— Я в отпуске. Да и если мне будут докладывать о каждой мелочи, меня не хватит на все дела, — сухо бросил Тонли-младший.

— Все же какие-никакие, но родственники.

— С ними хоть все в порядке? — пусть Хотдженсы и принесли мне много горя и переживаний, я не желала им зла.

— Вот этого не могу сказать, не знаю.

— Прошу извинить нас, Патрик, но мы торопимся, — мой спутник, беспардонно вклинившийся в разговор, открыто заявил о своем намерении распрощаться.

— Ламир, может, посидим как-нибудь вечером за бокалом вина, — было видно, что советник всячески хотел вернуть былые теплые отношения.

— Может, как-нибудь и посидим, — уже более дружелюбно отозвался дознаватель. — Буду в столице, сообщу.

На этом мы откланялись и направились к ожидавшему нас в начале улицы экипажу.

— Почему ваш отец не оказал вам протекцию? — я осмелилась нарушить установившееся между нами молчание.

— Протекцию? — хмыкнул дознаватель. — Да он сделал все, лишь бы мое прошение на пост советника было отклонено.

— Но зачем? — растерянно посмотрела на Ламира, черты лица которого сильно заострились.

— Вот этот вопрос, лира Айрис, вам лучше задать своему супругу.

Мужчина значительно ускорил шаг, однако вскоре замедлил его, видимо опомнившись.

— Лэр Тонли, я могу обратиться к вам с просьбой? — снова заговорила первой, едва мы устроились на удобных скамьях в карете.

— Если в моих силах ее выполнить, — с готовностью отозвался он.

— Узнайте, пожалуйста, все ли в порядке с Хотдженсами.

Ламир кивнул, прежде немного помолчав.

— Лира Айрис, есть новые сведения, которые я получил только сегодня от своего секретаря и также хотел бы сперва рассказать их вам. Человек, записанный в вашем свидетельстве о рождении как отец, думаю, им не является, — Ламир замолчал, едва это произнес.

От его слов по спине мгновенно пробежался холод, в горле пересохло, а кончики пальцев неприятно закололо. Я хотела бы, чтобы это оказалось глупой шуткой, но не в принципах дознавателя шутить подобными вещами. Наверняка у молодого мужчины имелись весомые основания так говорить. Возможно, именно тот пожелтевший лист, вызвавший у Памира столько эмоций, и стал причиной этих рассуждений.

— Почему вы так решили? — мой голос прозвучал так тихо, что едва не утонул в цокоте копыт по мостовой.

— Ваша мать была адепткой Высшей академии магии и училась на факультете алхимиков. В начале учебного года она по неизвестной причине написала заявление об отчислении и больше никогда там не появлялась.

— Мама?! — изумленно воскликнула, не поверив ему. Мы ведь столько раз предавались с ней мечтам о моем будущем, в котором я непременно должна была стать магистром. Что же ее заставило молчать о годах, проведенных в академии? Стыд? Страх? Или нечто другое?

— Как думаете, почему она внезапно ушла с четвертого курса? Обучение, сами знаете, не из дешевых в таких заведениях, — синие глаза Памира стали темными как ночное небо.

Проницательный взгляд дознавателя исследовал мое лицо. Я впервые не смогла его выдержать и понуро опустила голову. Ответ был очевиден. Мама к тому моменту ждала ребенка. — А если учесть, что территория академии закрыта, а она ее не покидала, то и повстречать вашего отца никак не могла. Он же вряд ли уезжал в то время из Дельтауна. Ему было не до этого... Так, может, вы мне вовсе не маменька, а сестрица? — Памир так резко подался вперед и схватил меня за оба запястья, что я вскрикнула от неожиданности. — Консумация была?

Я чувствовала, как по венам разливается магия; его магия, обжигающая и пленительная, но голос Тонли-старшего, ворвавшийся в быстро затуманивающееся сознание, не позволил молодому мужчине завладеть им полностью. «Никто, слышишь, никто не должен знать о том, что сейчас произойдет! Тем более мой сын. Как бы Памир на тебя ни давил — а это он, поверь, очень хорошо умеет делать...»

— Была! — я с силой дернула руки на себя и высвободилась из хватки, оказавшейся не такой уж и крепкой. На коже не осталось даже следов от его длинных пальцев. Внутри все кипело от негодования, перемежающегося со страхом. — Что вы себе позволяете?! Лэр Тонли, сегодня вы перешли все границы! Я не стану рассказывать о произошедшем мужу, но впредь прошу не приближаться ко мне.

На лице Памира появилось удивление. Он смотрел на меня так, словно видел впервые. Похоже, дознаватель не ожидал получить отпор. Что ж, пусть знает, что не на ту напал.

Больше никто из нас до конца пути не произнес ни слова. А что говорить, когда и так столько всего сказано? Я закрыла глаза и погрузилась в размышления об услышанном, стараясь не замечать блуждающего по мне оценивающего взгляда дознавателя.

От ужина я отказалась, сославшись на головную боль. Видеть Памира после его выходки было выше моих сил. Мужчина так и не соизволил попросить прощения за свое поведение.

Слова, брошенные дознавателем, никак не выходили из головы. Странные совпадения лишь подогревали мои убеждения. Наверное, так, как этим вечером, я никогда не ждала мужа, который в итоге мог оказаться моим отцом. Мне казалось это полным бредом, ведь легче было признать меня своей дочерью, чем жениться, но иного объяснения поведению Тонли-старшего не находила.

Беспокойство с каждым часом становилось все сильнее. Я то резко вскакивала с насиженного места и нервно мерила комнату широкими шагами, то подходила к окну и смотрела перед собой невидящим взором, то снова опускалась в удобное кресло и барабанила пальцами по подлокотнику.

Наконец раздался скрип петель и в комнату вошел бывший советник. Я порывисто встала и двинулась ему навстречу.

— Айрис, что случилось? — взволнованно спросил Тонли-старший, спешно пересекая комнату. — На тебе лица нет Памир? Это его рук дело? Что он натворил?

Я судорожно вцепилась пальцами в ткань платья и гулко сглотнула, чтобы избавиться от подкатившего к горлу кома, иначе не смогла бы произнести:

— Скажите, вы мой отец?

Глава 23

— Да что же за вечер сегодня такой? — бывший советник провел рукой по волосам, отвернулся от меня и подошел к окну, у которого я и сама недавно стояла. — Почему ты решила, что я твой отец?

— Вы относитесь ко мне не как к супруге. Мужчина, записанный моим отцом в свидетельстве о рождении, вероятнее, им не является, да и с вашим сыном у нас одинаковые магические стихии, — озвучила все мысли, забредшие в голову.

— Думаешь, мне не хватило бы смелости признать тебя своей дочерью, будь ты ею на самом деле? — Тонли-старший развернулся на каблуках и впился в меня пронзительным взглядом, таким же тяжелым, как и у Ламира. — После рождения сына, который стал продолжением рода, я неустанно мечтал о дочери. Пусть мне и не часто доводилось бывать дома, всегда отдавал указания воспитывать Ламира в строгости, не потакать его желаниям и капризам. Хотелось, чтобы он вырос крепким духом мужчиной, которым будут в будущем гордиться его жена и дети. А вот девочки как розы. От безграничной заботы и нежности они распускаются и благоухают. Я хотел бы баловать дочь, дарить подарками и хоть раз в жизни услышать от нее слова любви, которые никогда не скажет Ламир. Нет, Айрис, как бы этого ни желало мое сердце, ты не моя дочь.

— И вы даже не знали мою маму? — нарушила я повисшую в комнате тишину после длинного монолога Тонли-старшего.

— Нет, не знал. Да, в курсе, что она училась в академии в то же время, когда и я порой читал там лекции по просьбе друга. Сегодня об этом мне уже поведал Ламир, устроив перед этим самый настоящий допрос. Однако, если и встречал ее в коридорах академии, не имел представления, кто она.

— Тогда зачем вы на мне женились? — озадаченно посмотрела на хмурого супруга.

— Айрис, я ведь уже говорил, что всему свое время. Настанет час, и я непременно обо всем расскажу, но сейчас своим откровением лишь усугублю ситуацию. Она и так часто обостряется благодаря моему сыну. Тебе же придется набраться терпения и ждать. Осталось не так-то уж и долго... А пока позволь любить тебя как родную дочь, — на его губах появилась грустная улыбка. Я кивнула, а глаза стала застилать набежавшая влага. Взвинченные нервы, не дававшие покоя весь вечер, все же сдали, и я не смогла сдержать предательских слез, хоть и старалась часто моргать. Они полились по щекам, прокладывая дорожки. — Ну что ты... Иди ко мне, — он раскрыл руки для объятий, и я не стала медлить, а спешно пересекла разделяющее нас расстояние и уткнулась лицом ему в грудь. — Все будет хорошо, Айрис. Я не дам тебя никому в обиду, будь то мой сын или кто-то чужой.

Этой ночью он не остался ночевать в моей комнате, а ушел, как только я немного затихла. По его указанию горничная принесла успокоительный отвар, после которого я тут же забралась в постель и забылась крепким сном. Этой ночью мне впервые за долгие-долгие годы приснилась мама. Она подхватывала меня на руки, кружила, целовала в обе щеки и неустанно говорила, что любит.

* * *

К завтраку Ламир так и не спустился, интересоваться же у мужа причиной его отсутствия не стала. Я выпила кружку ароматного чая с лимоном, съела пару вкусных блинчиков с медом и решила выйти в парк, но далеко заходить не собиралась. Слишком свежи были в памяти события прошлой недели.

Едва на глаза попала дорожка, по которой мне не доводилось гулять раньше, свернула на нее. Она все петляла и петляла, уводила куда-то вдаль. Я уже хотела вернуться, когда в тени деревьев увидела сооружение из стекла и металла, напоминавшее распустившийся цветок, который сиял и переливался разными бликами, отражая лучи яркого солнца. Увиденное настолько впечатлило меня, что я не удержалась от желания рассмотреть его поближе и ускорила шаг.

Дверь в странное сооружение удалось отыскать не с первого раза, однако любопытство взяло надо мной верх. Она поддалась со скрипом. Едва я переступила порог, влажный теплый воздух окутал тело, словно осязаемое облако. Повсюду было столько зелени и экзотических цветов, что, казалось, я попала в настоящую сказку. Где-то в глубине оранжереи журчала вода. Затаив дыхание, нерешительно зашагала по плитняку. В центре здания стоял небольшой фонтан в виде девушки с наклоненным кувшином. Ее окружало водное кольцо, поверх которого плавали разноцветные кувшинки: белые, розовые, сиреневые.

За одним из кустов шаровидной формы я увидела плетенный из лозы диванчик с множеством подушек. К моему удивлению, на нем с моей книжкой в руках и прикрытыми веками сидел дознаватель. Стараясь ступать как можно тише, направилась к выходу.

— Лира Айрис, не уходите, пожалуйста, — донесся в спину голос дознавателя, все-таки заметившего меня. Я судорожно вздохнула, стараясь унять вспыхнувшее волнение, и неторопливо повернулась к Ламиру, уже поднявшемуся на ноги. Под синими глазами снова залегли тени, словно ему этой ночью так и не удалось уснуть. — Я хотел принести вам свои извинения за вчерашнее. Можно попытаться переложить вину за случившееся на Патрика, отца, искать оправдание своему поведению, но его нет. Вы не могли бы составить мне компанию, если у вас не предвидится в ближайшее время срочных дел?

Я немного помедлила, прежде чем опустилась на край диванчика. Ламир тут же устроился рядом. Мы сидели и молчали. Никто из нас не решался произнести ни слова. Сперва тишина угнетала, но в какой-то момент она перестала казаться давящей.

— Эту оранжерею когда-то построили по указанию матери. В десять лет отец отправил меня в школу для военной подготовки, и она осталась совсем одна. Заботиться ей стало больше не о ком, а неиссякаемую энергию нужно было куда-то девать. Вот тогда она и направила свои силы на строительство, а потом и поиски редких растений. Только с ее смертью со временем все придет в запустение. Пусть многое и держится здесь на магии, без любви и ухода некоторые виды скоро погибнут. Весь ее труд пойдет прахом. Признаюсь, лира Айрис, когда я узнал, что отец повторно женился, даже не выждав положенного срока, мое негодование не знало предела. Казалось, причина этого странного поступка кроется именно в вас. «Осколки памяти», — Ламир протянул мне потрепанный томик, на котором не было и следа от падения. — Я даже эту книгу прочел, надеясь найти в ней разгадку, вы ведь почти не выпускали ее из рук. Но с каждым днем все отчетливее понимаю, что дело в моем отце, а не в вас. Его поступки уже давно стали вызывать у меня недоумение. Сперва он не приехал на похороны первой жены, хоть у него была на то возможность, потом внезапно заявляет об отставке и лишает при этом единственного сына возможности занять пост советника.

— Ваш отец любит вас: лэр Тонли. И если он так поступил, значит у него имелись на то весомые причины. Вы и сами слышали от своего друга, что жизнь стала проходить мимо него. Так, может, стоит посмотреть на поступок отца под другим углом, а не только со стороны тлеющей в вас обиды? — я заступилась за супруга, а затем и вовсе осмелилась намекнуть на некую Элоизу, бросившую мужчину, едва он не получил повышения. — Благодаря ему вам удалось избежать непоправимой ошибки.

— Я вчера послал срочное письмо секретарю с указаниями разобраться с разбойным нападением в Дельтауне. Мой заместитель возьмет это дело под личный контроль. Как только будут какие-либо новости, я непременно вам сообщу их. А теперь позвольте откланяться, — похоже, мои слова все же задели Памира за живое, хоть на его лице и не отразилось никаких эмоций.

Молодой мужчина быстрым шагом покинул оранжерею, а я еще долго сидела и любовалась окружающей меня зеленью и цветами, давая себе зарок, что сохраню труды умершей лиры Тонли, если это будет в моих силах.

Глава 24

По возвращении в покои меня ожидал сюрприз: у подножия кровати стоял небольшой сундук. Я подобрала юбки, присела возле него на корточки и с замиранием сердца приподняла крышку. В нем находились все мои учебники, конспекты, а также другие личные вещи из пансиона. Видимо, Тонли-старший отдал указание их забрать, предполагая, что среди этих вещей могло быть что-то ценное для меня. И он оказался прав. Помимо нескольких самодельных подарков Элании, в одной из книг я обнаружила письмо от лучшей подруги. Усевшись рядом с сундуком на сиреневый ковер с длинным ворсом, прислонилась спиной к кровати и быстро вскрыла конверт, предвкушая несколько счастливых минут.

«Дорогая Айрис.

Мне до сих пор не верится, что ты больше не вернешься в пансион. Без тебя здесь стало скучно, а в моем сердце — пусто, словно потеряла что-то очень важное и жизненно необходимое. Хотя нас и подготавливали к таким поворотам судьбы, видимо, я плохо усвоила урок. Скрыть твоё замужество от Молли оказалось невозможно. Весь пансион несколько дней только и обсуждал эту новость. Позволь от нас обоих передать поздравления и лично от меня — искреннее сожаление. Молли все так же продолжает по вечерам восхвалять красоту твоего пасынка, а теперь еще и мечтать, что ты позовешь ее в гости на зимние каникулы. Правда, подобная надежда с некоторых пор живет и в моем сердце... Хотелось еще многое написать, но больше не могу — слуги твоего мужа уже почти все упаковали.

Твоя лучшая подруга Элания»

Я вновь и вновь пробегала глазами по строчкам, вызвавшем в душе бурю эмоций. В очередной раз перечитав письмо, усмехнулась себе под нос. Как же они все ошибались в бывшем советнике, жалели меня, а ведь моя жизнь налаживалась! Конечно же, супруг не откажет в маленькой просьбе: разрешить обоим девушкам погостить в замке пару дней во время зимних каникул.

С легкостью поднявшись на ноги, я подошла к окну, выходящему в парк. Осень укрывала всю округу золотым ковром из листьев, деревья, казалось, полыхали в огне. На губах заиграла довольная улыбка. Я прошептала хорошенько заученное заклинание, и на моей руке появилось слегка подрагивающее пламя.

«Интересно, а какой стихией обладала мама? — проговорила про себя, поглядывая на пальцы, охваченные огнем. — И кто все-таки мой отец? Эх, мама-мама, какую же ты мне загадку подбросила... А есть ли на нее разгадка?»

Едва я произнесла очередное магическое заклинание, пламя передвинулось в центр ладони и превратилось в небольшой желтый клубок. Его температура разительно отличалась от того огня, которым пару мгновений назад была охвачена вся кисть. Я захотела повторить трюк Ламира — поджечь поленья в камине. Метнув в него шар, надеялась услышать приятное потрескивание, почувствовать обволакивающее тепло... Но этого так и не произошло: магический сгусток растаял, так и не долетев до цели. Это слегка омрачило веселье, но не настолько, чтобы померкла улыбка.

Маленький инцидент, произошедший в карете между мной и Ламиром, вскоре позабылся. Принесенные им извинения все же смогли унять в сердце обиду и заставили взглянуть на него немного иначе. Несмотря на горячность, ему хватило сил признать свою ошибку. Однако что-то в душе подсказывало: дознаватель не прекратит поиски моего настоящего отца, пока не узнает его имя. Такова была натура Тонли-младшего — идти до конца, если уже ступил на избранную тропу. С одной стороны, это радовало, а с другой — тревожило. Я боялась, что тайна, которую мама по каким-то причинам унесла с собой в могилу, могла наделать много шума и породить уйму проблем. Но мне стоило довериться интуиции дознавателя.

На следующий день за час до ужина раздался короткий предупредительный стук в дверь. Мои ладони тут же вспотели, и я спешно провела ими о мягкую ткань платья. Такая манера была присуща в этом доме лишь Ламиру. Зачем он пришел? Что ему от меня понадобилось? Я глубоко вздохнула и позволила дознавателю войти.

Раздался щелчок замка, и передо мной появился молодой мужчина, уже одетый в костюм. Тонкий аромат его парфюма с древесными нотками мгновенно разнесся по тепловому воздуху в просторном помещении. Он будто манил и дурманил, заставляя меня сделать глубокий вдох, наполняя собой мои легкие, проникая под кожу. Я слегка тряхнула головой, чтобы избавиться от странного опьяняющего чувства, и с немым вопросом взглянула на дознавателя.

— Лира Айрис, прошу прощения, но я принес вам не совсем радостные новости.

— Не томите, лэр Тонли, — проговорила с мольбой в голосе, желая поскорее услышать дурную весть.

— В результате разбойного нападения ваш отчим слег с сердечным приступом, а мачеха потеряла ребенка. Мне жаль... — он сочувственно поджал губы и не произнес больше ни слова.

Я почувствовала, что комната стала расплываться перед глазами, а твердая поверхность — уходить из-под ног. Ламир так стремительно пересек разделяющее нас расстояние, что на миг показалось, будто он его перелетел или же телепортировался. Мужчина придерживал меня за талию, не позволяя осесть на пол.

— Какой же я глупец! Простите, лира Айрис, я не учел, что вы можете находиться в положении. Позвать целителя?

— В положении? — недоуменно уставилась на Ламира. Я настолько перенервничала из-за услышанного, что не сразу поняла, о чем он ведет речь, однако, едва осознала, румянец мгновенно опалил щеки. — Думаю, пока рано строить такие предположения, — невнятно пробормотала я, чувствуя, как еще сильнее заливаюсь краской. А причиной тому был жар, исходящий от его тела. Испытываемые ощущения от объятий бывшего советника и Ламира разительно отличались. В сердце появился странный трепет, заставивший меня упереться рукой в крепкую грудь и отстраниться от мужчины.

— Тогда; может воды? Или открыть окно? — с толикой волнения спросил он, продолжая вливаться в меня пронзительным взглядом.

— Нет-нет! Все прошло. Не беспокойтесь. Это была лишь минутная слабость, — я постаралась придать своему голосу твердости.

— Мой заместитель в письме заверяет что их жизням ничего уже не угрожает. Я хотел направить пожелания скорейшего выздоровления чете Хотдженсов от всей нашей семьи, но не стал. Думаю, мое вмешательство в этом вопросе будет излишним.

— Зачем преступники пробрались в дом? — я опустила в кресло и расправила образовавшиеся складки на платье.

— Хотдженсы и сами толком не поняли, что те хотели от них. В докладе заместителя говорится, что бандиты перевернули весь особняк вверх дном, но почти ничего не украли, лишь пару перстней с камнями и ожерелье, не представляющих собой большой ценности.

— Неужто ради развлечения? Не верю. Они явно преследовали какую-то цель... — задумчиво протянула я, покручивая обручальное кольцо.

— Лира Айрис, не поймите меня неправильно, однако я хотел бы задать вам один щепетильный вопрос, — Ламир понизил голос на последних словах, заставив мое сердце замереть от тревоги. — Скажите, как ваша мать, которая несомненно любила вас, не позаботилась о вашем будущем? Ладно отец, с ним мы уже все выяснили. Правда, зачем он на ней женился, пока тоже загадка. Вряд ли мужчина не был осведомлен о положении невесты.

— Мамы не стало, едва мне исполнилось восемь. Отчим все десять лет утверждал, что именно он являлся моим опекуном и она не оставила мне ни медяка после своей смерти. Но завещания я никогда не видела. И не могу сказать даже, существовало ли оно когда-либо вообще.

— Хорошо, я займусь этим вопросом в ближайшее же время, если вы, конечно, не против.

— Не против! И буду вам крайне благодарна, — выпалила я на одном дыхании и вновь залилась краской. — Поймите меня правильно: дело не в деньгах, теперь их, думаю, уже не вернешь. Совсем в другом. — тяжело вздохнув, поднялась с кресла и подошла к камину в котором танцевало пламя. Пальцы нервно теребили каплеобразный кулон, с которым я почти не расставалась. — Наверное, просто хочу знать, что она не оставила меня на произвол судьбы даже после своей смерти.

Позади раздался шум шагов, и тяжелые руки легли мне на плечи. От них исходило приятное тепло, стремительно разливающееся по телу. Я стояла в растерянности: следовало сбросить его руки, отстраниться, но не успела...

— Ламир? Что ты здесь делаешь? — раздался грозный вопрос супруга.

Видимо, мы настолько увлеклись разговором, что не расслышали, как в какой-то момент перестали быть одни. Я молниеносно обернулась. В синих глазах Тонли-старшего плескалось негодование. Похоже, увиденное ему не понравилось.

— Лира Айрис просила незамедлительно поставить ее в известность, если появятся какие-либо новости касательно четы Хотдженсов, — дознаватель говорил абсолютно спокойно, а вот мне было неловко перед его отцом. Пусть наш брак — всего лишь фарс, правила приличия никто не отменял. Ламир же, создалось впечатление, не видел ничего предосудительного в ситуации, в которой нас застал Тонли-старший, или тщательно скрывал истинные чувства за своей любимой маской, надевая ее каждый раз в случае необходимости.

— Это правда, дорогая? — спросил супруг уже намного мягче. Он подошел ко мне вплотную, обмениваясь с Ламиром местами, и обнял за талию.

— Да... дорогой, — отозвалась я, слегка стушевавшись. Отчасти мои слова были правдой, отчасти — ложью, а врать мужу мне совсем не хотелось. Да и называть его подобным образом я не привыкла.

— Что тебя так опечалило, Айрис? — бывший советник пронзительным взглядом впился в мое лицо.

— Мачеха потеряла ребенка, отчим оправляется после сердечного приступа.

— Да уж... и вправду неприятные известия. Ламир, ты уже направил от нашей семьи в их адрес письмо с пожеланиями скорейшего выздоровления? — хоть Тонли-старший и говорил теперь без толики злости и с повседневной нежностью, от меня не укрылась его озабоченность.

— Нет. Подумал, что не вправе принимать за вас такое решение.

— Хорошо, я сам пошлю его... если пошлю... — задумчиво протянул супруг. Как нельзя кстати раздался предупредительный стук в дверь и в комнату вошла горничная, которая растерялась, едва увидела в моих покоях столько народа. Она-то меня и спасла от двух Тонли сразу. — Пойдем, Ламир, побеседуем в другом месте. Позволим моей жене, — на этом слове бывший советник сделал акцент, — без спешки и волнения собраться к ужину.

Едва они ушли, в памяти всплыла последняя ночь в особняке Хотдженсов и моя неудачная попытка побега, спугнувшая четырех мужчин, одетых во все черное. Это были те же бандиты или другие? Но даже если и они, мои крохи информации вряд ли могли поспособствовать их поимке.

Чуть позже я лежала в ванне, приготовленной молчаливой служанкой, и ощущала, как нервозность постепенно сходит на нет, уступая в душе место умиротворению. Теплая вода и приятный аромат, исходивший от жидкого мыла, помогли позабыть о случившемся. Правда, ненадолго... Не давали покоя чувства, охватившие меня, когда Ламир стоял так близко, что я ощущала его дыхание на своем лице. Хоть мой брак и нельзя было назвать настоящим, казалось, я предавала супруга. И чтобы впредь такого не повторилось, решила держаться от дознавателя подальше. Я надеялась, что соблюдение дистанции спасет меня от беды, так усиленно стучащейся в шаткие дверцы моего сердца.

* * *

Время неслось неумолимо быстро. Дни с такой скоростью сменяли друг друга, что незаметно пролетело две недели. С приходом первых крепких морозов Ламир покинул замок, вернувшись к службе на благо империи, так и не отбыв полностью взятый отпуск. С его отъездом в доме стало необычайно тихо. По коридору не разносился больше лай мелкой хулиганки, постоянно норовившей унести ботинок или тапочек из моей комнаты, едва она проникала в нее. Молодой мужчина забрал Лану с собой.

Стоило карете дознавателя отъехать от замка, супруг отдал мне указание одеться в тренировочный костюм и спуститься в бальный зал. Тонли-старший снова начал развивать во мне магические способности, которые стремительно росли. Я даже сама не ожидала от себя таких успехов. Теперь разжечь камин метанием огненного шара не вызывало у меня проблем. В такие минуты я подолгу стояла и смотрела на танцующее пламя, языки которого забавно перепрыгивали с полена на полено, подставляла ему руки и невольно вспоминала тепло, исходившее от крепкого мужского тела дознавателя. Испытав единожды то чувство, что подарили секундные объятия Ламира, я хотела вновь его ощутить. Но, невзирая на свои желания, с того дня, как дала себе зарок держаться подальше от дознавателя, свела наше общение к минимуму. Да и он сам больше не искал со мной встреч. Сказал ли ему что-либо тем вечером супруг, я не знала, но с той поры мужчина значительно отдалился от меня.

От Ламира не было никаких вестей, словно он канул в неизвестность. Лишь в начале ноября дознаватель прислал отцу письмо, в котором говорилось, что дело о разбойном нападении на чету Хотдженсов приостановлено из-за отсутствия сведений, способных помочь привлечь к

ответственности участвовавших в нем лиц. О завещании матери в письме не значилось ни слова. Мне оставалось только гадать: он забыл или по каким-то причинам не хотел за него браться?

С приходом зимы дни стали короче, а ночи длиннее. Вечер наступал так рано, что гулять одной в парке по усыпанным снегом дорожкам, пусть и освещенным магическими фонарями, я опасалась. Супруга же вытянуть на улицу было не так просто. После многочасовых занятий по магии он подолгу отдыхал. Видимо, они его сильно утомляли. Впрочем, как и меня первые дни, но постепенно я втянулась, а вот бывшему советнику с каждым днем требовалось все больше времени на восстановление. В такие моменты я была предоставлена сама себе: строчила Элании длинные письма, в которых делилась скудными новостями, описывала замок, парк, частенько поглядывая в окно, из которого он отчетливо виднелся; заучивала все более сложные заклинания; порой просто грустила. Замужество мне многое дало, но кое-что все-таки отняло. И я боялась, что затянувшиеся в середине декабря сильные снегопады не позволят осуществиться моей единственной мечте: встретиться после длительной разлуки с подругами из пансиона. Ведь зима укрывала белоснежным пушистым одеялом не только поля, луга, леса, крыши домов, но и дороги. Глубина же покрова местами достигала около метра, что значительно затрудняло проезд к замку.

За день до долгожданного часа в доме начало происходить что-то странное: с самого утра прибыла одна карета, а вечером и другая. Экипажи были доверху набиты огромными сундуками и саквояжами. Все вещи сносили в покои Памира, что не могло меня не взволновать. На вопрос — что происходит? — Тонли-старший лишь пожимал плечами, хотя ответ и так был уже очевиден. Но я питала надежду что сделала преждевременные выводы.

Проверив вечером в последний раз, подготовлены ли комнаты для Элании и Молли, отправилась спать, молясь, чтобы утро не принесло неприятностей. Однако у жизни имелись на мой счет свои планы.

К удивлению, завтрак проходил в молчании, нарушаемом лишь единичными репликами. Супруг был заметно напряжен, а я не решалась спросить, что его гложет. Едва раздался стук каблучков о мраморный пол, меня словно окатило холодной волной. Хоть и прошло уже много времени, эти шаги я не могла перепутать ни с чьими другими. Мой взгляд устремился на дверь еще до того, как Памир Тонли вошел в обеденный зал с высоко поднятой головой и гордо расправленными плечами. Я жадно всматривалась в красивые черты лица, отмечая, что он несколько не изменился за прошедшие два месяца.

— Доброе утро! Рад вас видеть в полном здравии. Отец... лира Айрис... — дознаватель слегка поклонился, с широкой улыбкой на губах стремительно пересек помещение и опустился на свободный стул напротив меня.

— Мы тебя тоже, конечно же, рады видеть, но какими судьбами ты здесь? Разве сегодня не будний день и тебе не положено находиться на службе? — бывший советник озадаченно посмотрел на сына. Похоже, внезапное появление дознавателя привело в замешательство не только меня.

— Больше не надо: — с довольным видом проговорил Памир и указал слуге налить ему чашку кофе. Я к этому напитку так и не пристрастилась, в отличие от обоих Тонли.

— Что это значит? — муж слегка понизил голос.

— Твои наставления, отец, не прошли даром. Я внял им, понял, что не стоит всю свою жизнь тратить на благо империи, и... — Памир сделал паузу, словно решил пощекотать наши нервы, хотя я и так ощущала себя натянутой струной, — подал в отставку.

Странно, что я все-таки не подавилась чаем в этот момент. Мне многое приходило на ум, когда стали прибывать вещи дознавателя: что он решил взять еще один отпуск или же провести вместе с нами зимние каникулы, но отставка — это уже чересчур. А может, это шутка у него такая?

— И император одобрил? — недоверчиво спросил супруг. Он уже в который раз поднес ко рту кружку, не замечая, что она пуста.

— Да. Позавчера... — Памир надкусил булочку со сливовым повидлом, не обращая внимания на наши растерянные лица.

— Что ты наделал?.. — супруг уронил лицо в ладони.

— А что я такого наделал? — веселость Тонли-младшего вмиг исчезла.

— Пожалеешь ведь потом о своем решении.

— Больше не надо: — с довольным видом проговорил Памир и указал слуге налить ему чашку кофе. Я к этому напитку так и не пристрастилась, в отличие от обоих Тонли.

— Что это значит? — муж слегка понизил голос.

— Твои наставления, отец, не прошли даром. Я внял им, понял, что не стоит всю свою жизнь тратить на благо империи, и... — Памир сделал паузу, словно решил пощекотать наши нервы, хотя я и так ощущала себя натянутой струной, — подал в отставку.

Странно, что я все-таки не подавилась чаем в этот момент. Мне многое приходило на ум, когда стали прибывать вещи дознавателя: что он решил взять еще один отпуск или же провести вместе с нами зимние каникулы, но отставка — это уже чересчур. А может, это шутка у него такая?

— И император одобрил? — недоверчиво спросил супруг. Он уже в который раз поднес ко рту кружку, не замечая, что она пуста.

— Да. Позавчера... — Памир надкусил булочку со сливовым повидлом, не обращая внимания на наши растерянные лица.

— Что ты наделал?.. — супруг уронил лицо в ладони.

— А что я такого наделал? — веселость Тонли-младшего вмиг исчезла.

— Пожалеешь ведь потом о своем решении.

— Маловероятно. А какие мне светят перспективы с тех пор, как ты сделал все возможное, лишь бы я не занял пост советника? Патрик молод, он его не скоро освободит. Неужели хотел, чтобы я до конца жизни был ищейкой? Чтобы на меня вешали всех собак в этой империи? Я сыт по горло этим дознавательством.

— Тебе всего тридцать два! Собираешься штаны просиживать оставшееся время? На тебя это не похоже. Что задумал?

— Ты прав. Сидеть сложа руки не намерен. Хочу открыть частное сыскное агентство. Возможно, буду помогать Деклифу с особо запутанными делами... Времени у меня теперь много, и думаю, я найду чем заняться, — губы молодого мужчины расплылись в улыбке, выявляя на свет очаровательные ямочки.

И тут я поняла, что попала в западню: мне понадобится немереное количество сил, чтобы противостоять красоте Памира и не поддаться запретному влечению.

Глава 26

После полудня я каждые четверть часа подбегала к окну, чтобы взглянуть, не видно ли посланного за девушками экипажа. Едва вдалеке на заснеженной аллее показалось темное пятно, быстро увеличивающееся в размерах, я подхватила юбки и бросилась к рабочему кабинету супруга. Постучав, дождалась позволения войти и восторженно воскликнула:

— Едут!

Он не стал томить меня. Тонли-старший незамедлительно поднялся из-за стола, на котором ровными стопками были разложены бумаги, подошел ко мне и подставил локоть. Рука об руку мы направились в холл, где и дожидались гостей. На улице тем временем разыгралась сильная метель. Благо гости успели добраться до того, как дороги замело бы совсем.

Морозный ветер ворвался в теплое помещение, едва открылись массивные двустворчатые двери, и попытался растрепать мои уложенные в высокую прическу волосы. Вслед за ним появились две молодые девушки, которых мне не терпелось поскорее обнять. Слуги помогли им снять подбитые мехом плащи с капюшонами, припорошенные снегом, и только тогда наступила долгожданная минута.

Элания сильно смутилась, увидев строгого Аарона, и присела в глубоком реверансе. Молли сперва последовала ее примеру, а затем ринулась ко мне для приветственного поцелуя и тихонько прошептала на ухо:

— Он здесь?

У меня даже сомнений не возникало, что именно этот вопрос станет первым, едва она появится в замке Тонли.

— Да, — так же еле слышно отозвалась я. В девичьих глазах в ту же секунду загорелся радостный блеск, а на губах появилась улыбка предвкушения.

Элания же никак не могла отделаться от смущения и вела себя скованно, но я верила, что вскоре все изменится. Дворецкий проводил девушек в приготовленные для них покои, а я вернулась в свои. Совсем скоро нам предстояло встретиться в обеденном зале. И очень надеялась, что Молли хватит такта и ума умолчать о брошенных мной некогда в порыве злости фразах про Ламира Тонли. Вот не следовало ей в тот день, когда все было из рук вон плохо, в очередной раз восхвалять его красоту и приписывать мужчине ею же вымышленные заслуги. К ужину этим вечером мне следовало подготовиться особенно тщательно, ведь Молли непременно облачится едва ли не в лучший наряд, который подчеркнет ее прелестные формы и огненно-рыжие волосы. Я остановила свой выбор на голубом платье, оттеняющем цвет моих глаз. Горничная сделала мне модную прическу, собрав пряди на затылке и уложив их кольцами. Каплевидный синий кулон завершил мой нежный образ. На миг задержав дыхание, изучила свое отражение в зеркале. Мне понравилось то, что я увидела: взгляд не был уже таким затравленным, как ранее, плечи — гордо расправлены и даже глаза не казались блеклыми. Я поправляла наряд, ощущая мягкость ткани, покрывающей мое тело, когда позади раздался шаг мужа.

— Ты готова, дорогая? — он положил руки мне на плечи, из-за чего я слегка вздрогнула и быстро кивнула.

Мои щеки запылали от смущения. Бывший советник несомненно заметил мою реакцию на его прикосновения, но ладони не убрал. В этот момент я весьма некстати провела сравнение с охватившими меня ощущениями, когда Ламир сделал то же самое, и еще сильнее залилась краской, заметив, что Тонли-старший наблюдает за моим отражением в зеркале.

— И помни, Айрис, никто ничего не должен заподозрить: ни мой сын, ни твои подруги. Мы — счастливая супружеская пара!

Я снова склонила голову в знак того, что прекрасно его расслышала, и мы спустились в столовую, где все уже собрались. Молли в красивом розовом платье исподволь бросала восхищенные взгляды на дознавателя, вернее бывшего дознавателя, едва ли не пуская слюнки. А он тем временем так пристально рассматривал гобелен, украшавший стену в обеденном зале, словно видел его впервые. Возможно, она еще не знала об отставке Ламира или же данный факт несколько не принижал в ее глазах достоинств молодого мужчины. Супруг представил гостям своего сына и, как только были соблюдены все тонкости этикета, пригласил всех к столу. Дни, проведенные в разлуке с подругами, сделали свое дело: они, наконец, сдружились, а вот я теперь чувствовала себя рядом с ними слегка некомфортно. Однако пара глотков легкого белого вина с непривычки ударила в голову, ослабила появившееся в теле напряжение и немного развязала язык. Правда, не мне одной. Молли с каждой минутой все более открыто смотрела на дознавателя, а меня это отчего-то задевало, но ладонь супруга, частенько накрывавшая мои пальцы, вселяла душевное спокойствие. Тонли-старший расспрашивал девушек об их семьях, а я — о произошедших после моего отъезда изменениях в пансионе. Ламир же по большей части молчал, впитывая информацию как губка.

После ужина мы переместились в гостиную. Бывший советник около часа составлял нам компанию, поддерживая светскую беседу, а потом, сославшись на усталость, ушел. Вслед за ним удалился и Ламир. Вот тогда подруги сбросили все маски. Они вскочили со своих мест и уселись по обе стороны от меня.

— Рассказывай! — требовательно заговорила Молли, взяла мою руку и поднесла поближе к лицу, чтобы с особой тщательностью рассмотреть обручальное кольцо.

— Что? — я растерянно посмотрела на девушку. Это жизни подруг были наполнены событиями, а у меня чуть ли не каждый день одно и то же.

— Как тебе замужем-то? — подала голос Элания, которая помалкивала почти весь вечер.

— Отлично! — с довольным видом ответила ей. Хоть тут лгать не пришлось.

— А как прошла первая брачная ночь? — этот вопрос поставил меня в тупик.

— Молли! Об этом неприлично спрашивать! — попыталась я осадить ее, но не тут-то было.

— Какие мы стали, однако, — девушка обидчиво надула губки. — А еще совсем недавно сама любила пошептаться на эту тему.

Поскольку в пансионе царили строгие нравы, то: что происходило между мужем и женой в спальне, никогда не обсуждалось. Однако интерес к щекотливому вопросу никогда не утихал. Не зря говорится, что запретный плод сладок. Так и тут. Элания, так же как и я: лишилась

матери еще в детстве. Нам не у кого было об этом спросить, поэтому единственным просветителем в данной теме являлась Молли.

Девушки переглянулись между собой, как-то разом заулыбались и хором зашебетали:

— Расскажи, расскажи!

— И что вы хотите узнать? — я тянула время, молясь, чтобы поскорее вернулся Памир, а тот словно в прорубь провалился и в ней утопился. Правда, в данную секунду мне и самой хотелось утопиться. Отвечать надо, вот только что?!

— Все! — с замиранием в голосе отозвалась Молли, оставив в покое мое кольцо и приложив руки к груди.

— Ну... Я надела тонкую сорочку, легла в постель и выключила свет.

— И? А дальше-то что, Айрис? Не томи же! — с нетерпением выпалила обычно робкая Элания. Из-за волнения в горле стало першить и появился сухой кашель. Я сделала большой глоток из стоявшего рядом бокала, в котором оказалось вино, и снова заговорила:

— Пришел мой муж в одном халате и тапочках.

— Айрис, да сдались нам его тапочки! — с негодованием воскликнула Молли.

Видимо, алкоголь ударил в голову, и меня понесло.

— Ах, да вы просто не видели эти тапочки! Они так сочетались с халатом, надетым на голое тело, — я несла полную чашу, но другого выхода пока не было.

— Прямо-таки на голое? — охнула Элания, прикрыв рот ладошкой.

— Ага!

— И ты все видела? — Молли снова перехватила инициативу.

— Что «все»? — я невинно захлопала глазками, делая вид, что не понимаю ее.

— Ну что у мужчин ниже пояса, — робко пролепетала Элания, лицо которой стало полыхать ярче пламени в камине.

— Видела! — я усмехнулась, и на моих губах появилась коварная улыбка.

— И какой он? — с придыханием от волнения спросила Молли.

— Ну такой... Даже не знаю, как описать... — задумчиво протянула я. А что было описывать, если я ничего не видела? — Короче, такой! И все!

— Какой такой?! — воскликнули девушки в один голос.

Долгожданное спасение все-таки пришло, вернее, заскулило под дверью. Я торопливо вскочила с диванчика и ринулась к Лане. Однако там меня ждал очередной сюрприз. Правда, весьма неприятный. Едва я увидела Ламира, почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Что случилось, лира Айрис? — прошептал мужчина, чуть наклоняясь ко мне. — Вам требуется помощь?

«В чем помощь? В описании? Только бы он ничего не услышал!» — одна мысль лихорадочно сменялась другой.

Мне хотелось укрыться от синих глаз. Они, казалось, видели меня насквозь, заставляя сердце биться намного чаще. Но я не могла отвести взгляд, поддавшись их очарованию.

Глава 27

Прошла чуть ли не вечность, прежде чем Лана подбежала и оперлась передними лапами о мои ноги, пытаясь привлечь к себе внимание. Я сделала глубокий вдох, словно долгое время и вовсе не дышала, и нахмурилась.

— Лэр Тонли, неужто вы подслушивали?!

Брови бывшего дознавателя взлетели вверх. Мужчина явно опешил от обвинения. Значит, можно было не волноваться. Но разве он признался бы в обратном?

— За кого вы меня принимаете? — угрожающе прорычал Ламир. В потемневших синих глазах вспыхнул яростный огонь, но он так же быстро потух, как и зажегся. — А вам есть что скрывать?

На его губах появилась загадочная ухмылка. Он поднял руку и указательным пальцем провел по моей щеке, обжигая ее своим жаром. Сердце затрепетало в груди, словно пойманный в ладони мотылек. Я гулко сглотнула, но даже не шелохнулась, наслаждаясь приятной магией, исходившей от его касаний.

— Конечно нет! — я вновь зарделась.

— Не умеете вы лгать, лира Айрис, — дознаватель перешел на шепот, подобный шелесту осенних листьев на ветру. — Ну да ладно... Ваши девичьи секреты мне неинтересны. Признаюсь, я искал с вами встречи и очень рад, что мы столкнулись именно здесь. Нам нужно поговорить.

Послышался быстро приближающийся стук каблуков, заставивший бывшего дознавателя убрать руку, а меня — отступить на шаг, испытав толику разочарования.

— Айрис, ты где пропала? — недовольно выпалила Молли, однако, заметив Ламира, мгновенно расплылась в кокетливой улыбке и запела приторно-сладким голоском: — Лэр Тонли! Вы так внезапно нас покинули, что мы уже и не чаяли увидеть вас этим вечером.

Она глубоко и часто задышала, отчего ее грудь, выгодно подчеркнутая фасоном платья, стала вздыматься вверх. Подруга надеялась таким образом привлечь к себе внимание молодого мужчины, но ее попытка оказалась безрезультатна.

— Прошу прощения за свой внезапный уход, лира Молли, но у меня возникли срочные дела, — Ламир лишь ненадолго остановился на ней взглядом.

— Не составите нам компанию? А то мы уже немного заскучали, — подруга хлопала длинными ресницами. Она явно не намеревалась сдаваться.

— Конечно, — он указал нам на двери, и мы втроем вернулись в гостиную.

Ламир дождался, пока я расположусь на диванчике, и устроился рядом, вызвав легкое волнение в груди и одновременно недоумение. Рыжеволосой подруге это пришлось не по нраву. И без того не слишком красивые черты лица Молли стали резче, а уголки рта опустились вниз, но она быстро совладала с внезапно охватившей ее ревностью и вновь начала мило улыбаться.

— Лэр Тонли, извольте полюбопытствовать: как надолго вы приехали в отчий дом? — юная обольстительница в очередной раз попыталась завладеть вниманием молодого мужчины.

— Наверное, до весны, — после недолгих раздумий отозвался Ламир, удивив Молли. Правда, не ее одну... Я сама с трудом сдержала горестный вздох, так и норовивший сорваться с губ. Три месяца под одной крышей с Тонли-младшим покажутся мне тюремным сроком лет в десять.

— А как же служба?! — встревоженно воскликнула подруга.

— С некоторых пор я свободен от государственных дел, — мужчина, заметив недоуменный девичий взгляд, решил пояснить: — Думал, уже ни для кого не новость, что я покинул пост главного дознавателя.

— Как так? — Молли растерялась буквально на пару секунд, а затем снова вернулась к волнующей ее теме: — Но вы же планируете посетить бал, устраиваемый императором через несколько дней?

— Должен огорчить вас, юная лира. Несмотря на полученное приглашение, в этом году я намерен его пропустить.

Губы Молли задрожали, она вот-вот могла расплакаться от обиды. Ее надежда обольстить во время танца красавца, сидящего в данный момент рядом со мной, рушилась, подобно замку из песка, построенному на берегу моря. А раз так, значит, время в гостях она терять зря даром не будет.

— И чем, если не секрет, вы планируете заняться? — запела сладким голоском подруга, вновь обольстительно улыбаясь. — Возможно, решили прикупить пару фабрик или плантаций?

— Плантаций? — я уловила нотку раздражения в голосе Ламира, а вот Молли приняла ее за интерес. Она решила, что нашла тему, которая сможет стать связующей нитью между ними.

— Да! По выращиванию табака. Скажу вам, довольно-таки прибыльное дело. Мой отец сколотил на этом приличное состояние.

— Простите, лира Молли, но я сам не курю и не собираюсь делать деньги на здоровье других людей, — Ламир говорил спокойно, но холодно. От такого тона кожа покрылась мурашками, и я невольно передернула плечами. — У меня достаточно денег, чтобы заняться любимым делом. Обольстительница замолкла и до конца вечера не пыталась умничать, боясь очередного провала. Лишь томно вздыхала, прикладывая руку к груди. Я вновь завела речь о пансионе, стараясь не выдать своей тоски по общению, которого мне так не хватало в стенах замка. Элания охотно делилась информацией, рассказывала то об одной преподавательнице, то о другой. Однако спустя час непрерывных разговоров глаза подруги начали слипаться и она была бы не прочь отправиться спать, но Молли не торопилась покидать гостиную. И сама принялась болтать без умолку об известных мне обитательницах пансиона.

Когда Элания в третий раз с трудом подавила зевоту, она снова еле заметно толкнула соседку локтем в бок. Только тогда рыжеволосая подруга нехотя встала с диванчика и откланялась, пожелав всем на прощание чудесных снов.

Оставаться с. Памиром наедине было опасно, и я незамедлительно поднялась, едва девушки скрылись из виду. Однако стоило сделать шаг, мужчина поймал мое запястье и заставил тем самым резко обернуться. На лице Тонли-младшего не отражалось и намека на что-то дурное, а, наоборот, лишь сочувствие.

— Лира Айрис, задержитесь..., пожалуйста, — мягкость в его голосе подтолкнула меня вернуться на прежнее место. Только тогда Ламир разжал пальцы и отпустил мою руку из плена. — Мне жаль, что я вновь приношу плохие вести, но ваша мать и вправду не оставила вам ни медяка.

Я закусила нижнюю губу и часто заморгала, чтобы не позволить подступившим слезам пролиться по щекам. Но не смогла... Резко вскочив с дивана, бросилась к окну и заплакала. Надежда, которую я лелеяла столько лет, развеялась дымкой по ветру и стала очередным разочарованием в жизни. В груди болезненно кольнуло.

Звук приближающихся шагов заставил замереть и быстро вытереть мокрые дорожки. Я повернулась к Памиру до того, как он положил руки мне на плечи.

— Я не остановился и продолжил разбираться в этом странном деле. После смерти так называемого отца ваша мать и вправду в завещании отписала все на вас. К сожалению, уже невозможно доказать, было это сделано под давлением супруга или нет, но за несколько месяцев до своей гибели она внесла изменения. Сама! Мой знакомый графолог сравнил подписи и подтвердил, что Лиадна Хотдженс собственноручно подписала новый документ. Повторюсь, мне жаль. Можно попытаться, конечно, вернуть владения... хотя отчасти они и не ваши, однако я не стану вмешиваться, пока вы не попросите меня об этом.

— Но что вы можете сделать? — озадаченно посмотрела на Тонли-младшего, промокнув платком еще одну катившуюся по щеке слезу.

— Подтолкнуть Хотдженса на такой шаг, когда он узнает, что дети ему не родные...

— Это убьет отчима. Не хочу становиться причиной его смерти.

— Как пожелаете, — Ламир не стал уговаривать меня, ему и без того хватало забот. — Но раз уж заговорили о смерти, хотел бы ради интереса прояснить один момент, — мой вопросительный взгляд подтолкнул мужчину продолжить: — Вашей матери было всего тридцать, когда она умерла. Я не смог найти ни одного документа, в котором была бы обозначена причина столь ранней кончины вашей родительницы. Приказать мне уже не под силу, но по старой дружбе и личной просьбе Деклиф продолжит заниматься исследованием ее смерти. Понимаю, лира Айрис, вы были тогда еще совсем маленькой, но что стряслось?

— Сердечный приступ, — еле слышно отозвалась я, недоверчиво глядя на Ламира. Неужели он и вправду решил разобраться в этом темном деле?

— Внезапный? — лицо Тонли-младшего вмиг стало серьезным. — Или она болела?

— Болела...

— И как долго?

— Несколько месяцев. Думаете, это он ее убил? — мне хотелось услышать его мнение как дознавателя.

— Не люблю делать преждевременных выводов, — отрезал Ламир, решив, видимо, закончить на этом разговор. По крайней мере, мне продолжать его больше не хотелось.

Пожелав Тонли-младшему доброй ночи, я поднялась в свои покои, в которых горел свет, а в кресле, к моему удивлению, все в тех же злополучных тапочках и халате с книгой в руках сидел супруг. Хотя мне казалось, что он видел уже десятый сон. Наверное, бывшего советника попросту не прельщала наша компания.

— Как посидели? — муж оторвался от чтения и прошелся по мне оценивающим взглядом, задержавшись чуть дольше на глазах.

Я устало опустилась в соседнее кресло и, задумавшись, немного помедлила с ответом.

— Хорошо. Но признаюсь: у нас стало не так много общих тем для бесед, — радость встречи постепенно меркла, уступая место горечи. Я крутила на пальце обручальное кольцо, когда внезапно услышала совсем рядом странный звук. Едва посмотрела на его источник, мгновенно вскочила.

Голова Тонли-старшего была запрокинута назад, а его лицо стало белым, подобно сугробам за окном. На раскрытой книге расплывалась бордовая клякса. Бывший советник зажимал нос пальцами, пытаясь остановить кровотечение.

— Вам плохо? Мне позвать целителя? — запаниковала я, не зная, что лучше сделать: бежать за помощью или оказать ее самой.

— Айрис, не волнуйся ты так. Сейчас все пройдет, — он говорил спокойно, пытаясь унять мое беспокойство, однако это слабо помогало. — Последние дни мы много занимались, вот и результат. Не рассчитал силы...

Мысленно отругав себя, бросилась в ванную, где схватила первое попавшееся под руку полотенце, намочила его и метнулась обратно в спальню. Вскоре кровотечение прекратилось и к мужу вернулся прежний цвет лица. Однако тревога в сердце не утихала.

— Давай спать, дорогая. Сегодня был трудный день, — устало вымолвил он, поднимаясь с кресла.

Я внимательно следила за каждым шагом Тонли-старшего: боясь, что с ним снова что-то случится. Однако мужчина твердой походкой добрался до постели, откинул край одеяла и улегся. Успокоившись, я быстро переоделась в длинную ночную сорочку и последовала его примеру. Стоило опустить голову на мягкую подушку, как меня сморил сон.

Глава 28

Утром я проснулась в одиночестве. Впрочем, как всегда. Не было ни разу, чтобы супруг остался до рассвета. Он постоянно так тихо покидал комнату, что лишь однажды мне довелось сквозь дрему услышать щелчок замка.

Я легла на спину и только сладко потянулась, как раздался жалобный вой и скрежет когтей. Лана просилась в гости. Видимо, непоседе захотелось поиграть. Легкая улыбка коснулась моих губ. Резко вскочив с кровати, надевая по пути халат, метнулась к двери. Едва распахнула ее, собака юркнула между моих ног в покои, а я застыла в оцепенении. Напротив стоял Ламир. Босой, в одних черных брюках, с погрызленным сапогом в руках. С влажных волос сорвалась капелька, упала на мускулистую грудь и шустрой змейкой проложила мокрую дорожку по великолепному телу. Я заворожено, с учащенным сердцебиением и дрожью в кончиках пальцев, следила за ее стремительным бегом, пока она не впилась тканью брюк, обтягивающих узкие бедра.

Дабы скрыть смущение, вызванное пристальным рассматриванием мужского торса, решила возмутиться неподобающим видом молодого человека. Однако стоило поднять взор к его лицу, как все слова застряли в горле. Я не смогла выдать ни звука. Весь мир в одно мгновение сузился до синевы, в которой стремительно начала тонуть.

Мы неотрывно смотрели друг другу в глаза, пока в коридоре не раздались чьи-то шаги. Они вмиг вернули меня на землю, будто окатили ушатом холодной воды. Громко хлопнув дверью у Ламира под носом, я прижалась к ней спиной и медленно сползла на пол. Обхватив руками колени, уткнулась в них лицом, словно это могло спасти от охватившего стыда и собственной совести, неустанно шепчущей на ухо о предательстве.

Вскоре меня пришла пожалеть и виновница произошедшего. Лана тыкалась мордой в плечо, не понимая, что произошло и в чем она провинилась. Казалось бы, маленькая шалость, но она помогла осознать одну простую истину: мне тяжело сражаться с собою же, с непреодолимым желанием смотреть на Ламира. Я пыталась заставить себя возненавидеть его, и... ничего не получалось. Моей выдержки после возвращения Тонли-младшего не хватило и на сутки.

Однако супруг учил никогда не сдаваться. Что я и собиралась делать — продолжать бороться... Поднявшись с пола, умылась, желая поскорее унять жар на щеках, и надела с вечера приготовленное горничной платье. К тому времени, как она пришла, я успела с особой тщательностью расчесать длинные волосы. Как только служанка уложила их в затейливую прическу, я спустилась в столовую. Во главе огромного стола в гордом одиночестве сидел супруг. Он пил этим утром не кофе, как обычно, а травяной чай. Видимо, ему все же пришлось ради здоровья изменить привычкам. Мы обменялись приветственными поцелуями, и я заняла излюбленное место.

— Как самочувствие, дорогой? — в помещении было много слуг, поэтому мне пришлось так обратиться к Аарону.

— Айрис, со мной все в порядке. Прошу, забудь о случившемся. Не делай это достоянием гласности, — бывший советник недовольно повел плечом.

— Следует незамедлительно показаться целителю, — настойчиво проговорила я, пропустив его слова мимо ушей. За несколько месяцев брака успела выучить, что бывшему советнику не нравится повышенное внимание к своей персоне.

— Уже... Лэр Геркон сказал, что это всего лишь следствие переутомления. Рекомендовал побольше отдыхать и ни в коем случае не перенапрягаться.

— Значит, хотя бы пару дней следует соблюдать постельный режим, — придала голосу строгости.

— Я благодарен тебе за заботу, дорогая, — он взял меня за руку и поднес пальцы к губам. — Прости, что заставил переволноваться в такой день. Знаю, как ты ждала его.

— Пустяки. Ваше здоровье важнее, — я не лебезила перед ним, это было чистой правдой. С некоторых пор немолодой мужчина занял значимое место в сердце и стал самым важным человеком в моей жизни.

— Спасибо, Айрис! — с улыбкой проговорил Аарон, хотя в глазах застыла печаль. — Ты принесешь еще много добра в этот мир, как и Катрина. Береги себя.

Вопрос о незнакомке не успел сорваться с языка — в столовую при полном параде вошел Ламир.

— Доброе утро! — бодрым голосом поприветствовал нас Тонли-младший с маской невозмутимости. Мне же хотелось провалиться сквозь землю, стать невидимкой. Я ощущала, как заливаюсь краской под пытливым взором супруга, но ничего не могла с собой поделать и продолжала краснеть.

Едва молодой мужчина расположился на привычном месте, в обеденный зал неторопливо вплыли гости. Собравшись с духом, я на мгновение посмотрела на Ламира, который с серьезным видом не сводил с меня глаз, и перевела взгляд на подруг, интересуюсь их самочувствием.

Молли была не слишком разговорчива, однако шанс сесть поближе к бывшему дознавателю она не упустила. Прогуляться к оранжерее после завтрака рыжеволосая девушка отказалась, а вот Элания с восторгом приняла мое предложение. Видимо, ей также не хватало былого общения.

Спустя час, за который слугам удалось расчистить дорожки к забавному строению, мы уже бродили по плитняку, окруженному со всех сторон зеленью, невзирая на холодную пору года.

— Что происходит между тобой и Ламиром? — внезапно проговорила Элания, поставив меня своим вопросом в тупик.

— Ты о чем? — я недоуменно посмотрела на нее.

— Думаешь, никто не замечает, как вы переглядываетесь за столом? Айрис, я все понимаю, он молод, очень красив, однако ты замужем. Замужем за его отцом! — девушка наставляла меня на путь истинный, и я была с ней согласна, но только разумом...

— Между мной и Ламиром ничего нет и быть не может, — твердым голосом вымолвила в ответ, однако сложилось впечатление, что я убеждала себя, а не ее.

— Айрис, что бы ни случилось, ты всегда останешься моей лучшей подругой. Но позволь дать совет, — девушка продолжила, лишь дождавшись моего кивка: — Пока Молли гостит в этом замке, постарайся свести общение с ним к минимуму. Она обозлилась на тебя, — Элания виновато поджала губы, а меня обдало жаром.

— Но за что?! Разве мы вас плохо приняли? — изумленно воскликнула я.

— Неужели ты еще не поняла, что она приехала сюда не из-за тебя, а из-за Памира? Ее единственная цель

— заполнить его любыми способами, пока это возможно. И Молли уверена, что ты настроила дознавателя против нее.

— Это неправда! Ничего подобного!

— Правда — неправда, Айрис, но тебе стоит задуматься над возможными последствиями.

— Что она мне сделает? Думаешь, передаст Памиру все, что я однажды про него наговорила? А если и так, пускай! Переживу!

— Это мелочи. Даже если дознавателя заденут твои слова, что маловероятно, обида уляжется со временем. Намного хуже будет, если она пустит о вас слухи по возвращении в пансион.

— Какие слухи, Элания?

— О тебе и Памире, о вашем поведении прямо под носом у бывшего советника. А такое, Айрис, не скоро забывается в высшем обществе. Этим трещоткам только дай тему для разговора: пока не обмусолят как собаки кость, не оставят в покое, да и потом при встрече не раз еще вспомнят. Тебе это надо? Твой супруг немолод. Пройдет пять лет... десять... и ты станешь вдовой. Не будешь же доживать свои дни в одиночестве. Айрис, прошу, не обижайся на меня, — с мольбой в глазах проговорила Элания. — Я желаю тебе только счастья. А оно теперь лишь в твоих руках.

Я молча склонила голову и двинулась к диванчику со множеством мягких подушек, в которые и опустилась. Больше мы не поднимали тему ни о дознавателе, ни о Молли, ни о моем замужестве.

Вняв предупреждению Элании, попыталась вычеркнуть Памира Тонли из своей жизни.

Несмотря на неумное желание хоть мельком взглянуть на него во время обеда или ужина, я всячески заставляла себя смотреть либо на супруга, либо на девушек. И, судя по выражению лица Молли, она осталась довольна таким положением дел. Реакция же дознавателя на резкую перемену в моем поведении осталась мне неизвестна.

Супруг, как и накануне, около восьми часов пожелал всем приятного вечера и удалился. Я проводила его встревоженным взглядом. Хотелось уйти вслед за ним, но было бы весьма некрасиво с моей стороны бросить гостей на Памира, который сидел в кресле чуть поодаль от нас.

— Пэр Тонли, может, вы все-таки передумаете и скрасите бал своим присутствием? — рыжеволосая обольстительница взялась за старое. Глубоко вздохнув, я поправила и без того идеально сидящее платье, чтобы скрыть от Молли разочарование. Мне осталось потерпеть всего-то один вечер, после которого она покинет этот дом, и я окажусь последней душой, если еще хоть раз поддамся ее уговорам.

— Лира Молли, я не меняю решений, — Памир был непреклонен. От его ледяного тона по телу побежали мурашки.

— Неужели вам хочется провести столь чудесные праздничные дни в компании юной лиры, которая не находит ваше общество занятым? — она даже не посмотрела на меня, а впиалась взглядом в объект своего увлечения.

Сердце заколотилось настолько быстро, что могло в любую секунду выпрыгнуть из груди. Похоже, девица все же решила пойти недобрым путем, даже не гнушаясь тем, что находится в замке моего мужа. Элания тотчас толкнула Молли в бок, но та, заметив, что всецело завладела вниманием красавца, останавливаться не собиралась. Я сперва хотела осадить ее, но поняла: лучше услышать все своими ушами, чем позволить завистнице насочинять потом невесть что. Уж способ добраться до Тонли-младшего гостья найдет. Да и эта ситуация могла оказаться мне на руку...

— Извольте пояснить свои слова.

Глава 29

— Помнится, однажды Айрис высказалась, что ей неважно было бы выдержать и час в вашей компании, окажись она с вами в одной комнате, не говоря уже о том, чтобы вы стали ее партнером по танцу.

— Вот как? Отчего же? — брови Ламира взлетели вверх от удивления, а я бросила на Молли полный ненависти взгляд, неистово желая испепелить им девушку. — Я настолько глуп, что со мной не о чем поговорить? Или настолько некрасив, что вызываю отвращение?

— Я всегда восхищалась вашей красотой и умом, лэр Тонли, а вот Айрис полагает иначе, — ее сладко-приторный голос вызвал тошноту.

— Что же ей так во мне не нравится? — дознаватель нахмурился, будто его на самом деле озадачили слова рыжеволосой девицы.

Ужасно раздражало, что они беседовали так, словно меня и вовсе не было в гостиной. Элания вновь толкнула соседку в бок, но та лишь отсела подальше.

— Она считает вас горделивой глыбой льда, щедро разрисованной красками и способной двигаться лишь по прямой. Что в танце вы непременно отдадите партнерше ноги, хотя я убеждала Айрис, что лучшего танцора, чем вы, не сыскать во всей империи. И с ее слов, один ваш взгляд способен заморозить душу, а прикосновение губ — сердце, которое больше никогда не оттаяет. Невесту же вы и вовсе никогда не найдете...

— Хватит, — в моем ровном голосе послышались угрожающие нотки. Я устала терпеть выходки Молли и решила, что пришло ее время замолчать. До нее дошло, что говорить что-то дальше — опасно, однако через мгновение на девичьих губах заиграла довольная улыбка. Она ждала реакции Ламира, абсолютно уверенная, что добилась желаемого. Томиться слишком долго ей не пришлось.

— По непонятной мне причине, лира Молли, вы пытаетесь опорочить свою подругу в моих глазах. Хотя после подобных слов и поступков не уверен, что ваша дружба продолжится и дальше. Если бы лира Айрис не состояла в браке, я бы расценил ваши действия как способ устранить неуютную соперницу и выставить себя в более выгодном свете. Однако она замужем и, заметьте, за моим отцом. Сидите же вы на этом диване только благодаря приглашению лиры Айрис. Вам оказали радушный прием. Тем не менее вы осмелились высказаться против хозяйки этого дома, что никоим образом не добавляет вам веса как завидной невесте, невзирая на состояние вашего многоуважаемого отца. Видимо, годы, проведенные в пансионе, вас так ничему и не научили. В отличие от лиры Айрис, вы не знаете, когда следует промолчать. А это качество очень ценится мужчинами, — после длинного монолога, в течение которого Ламир ни разу не повысил голос, в комнате повисла звенящая тишина. Я боялась лишний раз вздохнуть, не говоря уже о том, чтобы посмотреть на дознавателя, и вздрогнула, едва прозвучало: — Лира Эланья, скажите, вы умеете играть на этом чудо-сложном в моем представлении инструменте? — Ламир указал на пылящееся в углу гостиной фортепиано.

— Да, — нерешительно отозвалась подруга, растерянно посмотрев на мужчину.

— Тогда могу я попросить вас об одолжении исполнить что-нибудь не очень быстрое, но и не слишком медленное?

— Конечно, — девушка вскочила на ноги и направилась к инструменту, а вот Ламир подошел ко мне и встал напротив. — Лира Айрис, не откажете мне в удовольствии потанцевать с вами? От неожиданности я растерялась и ответила на приглашение согласием. Едва зазвучали первые аккорды хорошо знакомого вальса, он низко и учтиво поклонился и предложил мне широко раскрытую ладонь. Я присела в глубоком реверансе и с замиранием сердца вложила в нее пальцы. Ламир вывел меня на середину гостиной и приобнял за талию, слегка прижимая к себе. Я, так и не осмелившись поднять на него глаза, устроила руку на крепком плече, тем временем как вторая осталась в плену у дознавателя. Словно по чьей-то негласной команде мы одновременно сделали первое па. Мужчина двигался легко и уверенно, казалось, и вовсе парил, увлекая меня за собой, заставляя следовать за ним, подчиняться...

Первые секунды растерянности быстро сменились восторгом. Я полностью отдалась во власть чарующей музыки, восхитительного момента и порхала по гостиной будто бабочка. Желто-оранжевое платье через каждые три такта при резком повороте развевалось и вспыхивало, словно пламя в камине, но так же мгновенно гасло, чтобы через несколько секунд зажечься с новой силой.

— А вы превосходно танцуете, — с толикой удивления заметил Ламир, вызвав своим признанием улыбку.

Жар, исходивший от его ладони, покоившейся на моей спине, заставлял еще сильнее биться и без того заходившееся сердце. Близость Ламира и аромат его парфюма дурманили похлеще крепкого вина, подталкивая смотреть в синие глаза и забывать обо всем в объятиях этого мужчины. Очередная стена рухнула так же скоро, как и была возведена. Мы танцевали молча, никто из нас не стал нарушать волшебство момента. Но все даже самое прекрасное всегда заканчивается.

— Надеюсь, лира Айрис, ваши ноги остались в целости и сохранности? — во всеуслышание проговорил мужчина ледяющим душу тоном, едва смолкло фортепиано.

Он быстро вернул меня на землю, не позволив еще хоть мгновение полетать в облаках. В любую другую минуту щеки непременно заполыхали бы огнем, но они и без того горели от быстрого танца.

— Да, лэр Тонли. Я забираю свои слова обратно и приношу вам извинения, — отозвалась в ответ не менее четко и громко.

— Так быстро? Разве можно поменять мнение о человеке за такой короткий срок? Думаю, у нас еще состоится беседа.

Ламир поклонился, пожелал всем доброй ночи и спешно покинул гостиную. Стоило ему закрыть за собой дверь, как Молли вновь ехидно заулыбалась. Видимо, ей доставило удовольствие, что мужчина заставил меня извиниться и пообещал позже непременно вернуться к этой неприятной теме.

Любезничать и выказывать гостеприимство не осталось ни малейшего желания, поэтому решила отправиться спать раньше обычного. Завтра же и вовсе собиралась попросить девушек покинуть замок. Видеть Молли стало невмоготу. Да и кто знал, чего еще от нее ожидать после сегодняшнего представления. Мне было абсолютно безразлично, что они подумают. Элания все поймет и простит, Молли же и так нашла бы повод для сплетен. Простившись, но не пожелав приятных снов, с тревогой направилась в покои. Я боялась, что супругу в любую минуту может вновь стать плохо, а помощь оказать будет некому. К моей радости, Аарон лежал в постели и читал книгу. На его лице не имелось вчерашней бледности.

— Ты рано, — мужчина положил увесистый фолиант на прикроватную тумбочку и полностью сосредоточился на мне. — Надеюсь, не из-за меня?

— Нет, что вы! Просто... я совершила ошибку, пригласив их вдвоем. — из груди вырвался тяжелый вздох.

— Айрис, все можно исправить в этой жизни... кроме смерти. Если не желаешь кого-то из них больше видеть, скажи прямо. Мне дать поутру указание заложить карету?

После недолгих колебаний я все же выдавила:

— Да...

— Ни о чем не волнуйся. Ложись спать.

— Спасибо! — от всего сердца поблагодарила супруга.

— За что? — озадаченно спросил Аарон.

— За все...

Я быстро переоделась в ночную рубашку, смяла по привычке подушку и легла в теплую кровать. Сперва думала о произошедшем, а потом и сама не заметила, как погрузилась в дивный сон, в котором снова танцевала с Памиром в гостиной.

Разбудил меня посреди ночи пронзительный девичий крик и грозный лай, перемежающийся с рычанием. Аарона уже не было рядом, и, судя по остывшей с другой стороны постели, он давно покинул комнату. Я на бегу накинула халат, выскочила в коридор и сразу же прикрыла рот ладонью. Увиденная картина поразила до глубины души и отпечаталась в памяти надолго — Молли с воплями и мольбами пыталась отбиться от Ланы, ухватившей ее за ягодицу. Девушка подняла на ноги всех, кто обитал на этом этаже. Но как она здесь оказалась? Ведь гостевые комнаты располагались в другом крыле. Неужели?..

Глава 30

От предположения, что Молли вздумала пробраться ночью в покои Ламира, по спине пробежал холодок, но потом меня резко бросило в жар — стало стыдно за ее поведение перед Ламиром и Аароном, выбежавшими в коридор практически одновременно со мной. Все же рыжеволосая девушка оказалась в этом доме по моей вине.

— Лана, ко мне!

Собака, едва услышала голос хозяина, одетого в одни штаны, мгновенно разжала челюсти, оставив заложницу в покое, и бросилась исполнять команду. Сейчас, когда дознаватель находился чуть поодаль от меня, я заметила на его груди амулет, очень похожий на тот, что носил Аарон.

Громкие и надрывные рыдания Молли привлекли к себе мое внимание. Подол ее весьма откровенного красного платья был в нескольких местах разорван. Девушка повернулась к нам боком, усердно прикрывая руками ягодицы. Видимо, Лана изрядно постаралась. Она крутилась у ног Ламира и виляла хвостом, довольная проделанной работой.

— Отправляйтесь спать! Я сам во всем разберусь! — произнес Аарон тоном, требующим безоговорочного подчинения.

Дознатель тут же скрылся у себя, пропустив вперед героиню ночи. Вслед за ним и я закрыла дверь своей комнаты, оставив разговор с Молли на мужа. У него, несомненно, найдется, что ей сказать. С одной стороны, произошедшее удручало, а с другой — все сложилось как нельзя кстати. Мне не придется просить гостей покинуть замок Тонли — они сами будут вынуждены это сделать. Да и своим поступком Молли сама вложила козырь в мои руки. Отныне ей придется молчать, иначе она навсегда потеряет возможность удачно выйти замуж. Уж я-то в долгу точно не останусь.

Ночной инцидент не повлиял на мой сон. Стоило голове коснуться подушки, как я снова в него провалилась и открыла глаза, лишь когда теплый солнечный луч коснулся лица. Мне потребовалось около получаса, чтобы привести себя в порядок и спуститься к завтраку. Супруг в компании сына снова пил травяной чай. Я пожелала всем доброго утра и обменялась с Аароном приветственным поцелуем, стараясь не обращать внимания на пристальный взгляд дознавателя.

— Ламир, как ты такое допустил? — строго спросил бывший советник, едва сел обратно за стол. Похоже, я вовремя появилась.

— Отец, при чем здесь я?! — удивленно воскликнул молодой мужчина. — Она сама проникла в мои покои.

— Почему не запираешься? Думаешь, у тебя мало недругов? Пусть ты и покинул пост дознавателя, но враги бывшими не становятся.

— Я в отчем доме. Мне и в голову не могло прийти, что девица на такое способна. Она же все-таки выпускница пансиона. Чему их там только учат?

— И даже маячок не ставишь на ночь? — супруг пропустил его слова мимо ушей.

— Ставлю.

— Значит, знал, что у тебя незванный гость! Кого тогда ждал? — бывший советник настороженно смотрел на сына, но тот не собирался отвечать. В столовой воцарилось молчание. — Тебе пора жениться, — внезапно промолвил Аарон, отчего я чуть не поперхнулась. Сердце предательски забилось так часто, что, казалось, его стук мог услышать любой желающий в повисшей на мгновение тишине. Ламир поставил на стол поднесенную к губам чашку кофе и в растерянности взглянул на отца. Аарон же сделал глоток травяного чая и продолжил: — Тогда интерес многих лир разом отпадет. Да и наследником пора бы уже обзавестись. Пока ты последний представитель рода Тонли, не позволяй ему прекратиться.

— Это пока не входит в мои планы, — спокойным тоном отозвался Ламир, поджав губы. Фраза отца явно задела его за живое. Я облегченно выдохнула и отправила в рот ложку восхитительного шоколадного пудинга, правда, чуть не подавилась им от последующих слов дознавателя: — Может, я с нетерпением жду появления братика или сестрички, а вы все тянете. Или мне уже стоит вас поздравить?

— Когда придет время, мы тебе первому сообщим столь радостную весть, — со сдержанной улыбкой ответил супруг.

Возможно, дискуссия отца с сыном на щепетильную тему продолжилась бы и дальше, не войди в столовую слуга. Он доложил, что гости пожелали позавтракать в выделенных покоях, сославшись на плохое самочувствие. Мне хотелось расспросить у супруга о его нравоучительной беседе с Молли, но стоило отложить разговор на поздний вечер, когда мы останемся одни.

Около полудня в комнату постучалась горничная и сообщила, что супруг просит меня незамедлительно спуститься в холл. Через мгновение я была уже там. Как оказалось, обе девушки, одетые в утепленные накидки и головные уборы, с немногочисленными вещами стояли посреди просторного помещения, намереваясь попрощаться с хозяевами этого дома и поскорее отправиться в путь.

— Прости, что все так сложилось, — первой подошла ко мне Элания. В ее голосе слышалось искреннее сожаление, а в глазах застыла печаль. — Признаюсь, никогда бы не подумала, что Молли на такое решится. Я прослежу, чтобы она держала рот на замке.

— Спасибо, — еле слышно произнесла я и обняла на прощание подругу, которая и дальше останется ею, в отличие от другой девушки.

— Можно надеяться, что ты продолжишь писать мне письма? — на ее лице отразилась мольба.

Я взяла ее за руки и улыбнулась, желая успокоить.

— Конечно, Элания. И буду ждать от тебя вестей. Не забывай меня.

— Не забуду. Счастливого Нового года! — мы крепко обнялись и обе часто заморгали, чтобы не позволить пролиться набежавшим слезам.

Она присела в глубоком реверансе перед Аароном и Ламиром, поблагодарила их за гостеприимство и отошла в сторону, позволяя теперь и Молли проститься с нами. Рыжеволосая девушка неторопливо, морщась от боли при каждом шаге, подошла ко мне. но в глаза посмотреть не решилась.

— Айрис, я прошу про... — наконец несмело заговорила она после затянувшегося молчания, но ее голос надломился.

— Не стоит, Молли. Что бы ты сейчас ни сказала, я не приму извинений. Ты всячески оскорбила меня, попыталась унизить в глазах людей, ставших моей семьей, о которой я столько мечтала. До тех пор, пока я буду хозяйкой в этом доме, его двери для тебя закрыты. И только попробуй пустить про меня какой-нибудь слух, — проговорила уже шепотом. — Моя месть не заставит себя долго ждать. Доброго пути!

Казалось, ее голова опустилась еще ниже, однако, невзирая на мой монолог, она прошептала:

— Прости...

Сделать книксен перед мужчинами ей стоило больших трудов, как и высказать слова благодарности. Чтобы спуститься с многочисленных ступенек к ожидавшей у входа карете, Молли и вовсе понадобилась помощь лакея, не говоря уже о том, чтобы взобраться по узкой приставной лестнице.

— Дорогой, разве это тот же экипаж, что привез их? Кажется, я раньше его не видела, — озадаченно посмотрела на супруга. — Или я ошибаюсь?

— Ох, прости, любимая, в суете дней забыл тебе рассказать, — с наигранной печалью отозвался Аарон, хотя у самого в глазах плясали смешинки. — У той кареты лопнула рессора и полетела ось. Ты же знаешь, какие у нас дороги. К сожалению, починить не успели. Но эта ничем не хуже. Даже во сто крат лучше. Я и лакея попросил быть поаккуратнее с нашими гостями, не гнать, сама понимаешь: сугробы, выбоины, ухабы... Целитель обработал ее раны, но они заживут лишь через несколько дней. Надеюсь, Молли надолго запомнится обратная дорога и у нее пропадет всякое желание прокрадываться по ночам в покои к мужчинам. Уму непостижимо!

Аарон, негодуя, всплеснул руками. Ему было невдомек: как истинной лире могло прийти такое в голову? Впрочем, мне тоже оставалось это непонятно. Но осуждать Молли я не бралась, ведь история моего рождения по-прежнему оставалась загадкой.

Глава 31

После отъезда гостей я долго не находила себе места: мерила комнату большими шагами, сновала из угла в угол, прокладывая на мягком ковре дорожку, и неустанно корила себя за резкие слова, сказанные Молли на прощание. Однако другого способа приструнить бывшую подругу я не нашла, ведь иначе сама в ближайшем будущем могла оказаться объектом сплетен. И лишь вечером, сидя с книгой в руках, я смогла расслабиться и забыться под тихонькое потрескивание поленьев в камине. В глазах Аарона снова появился блеск, на щеках после бокала красного вина, выпитого за ужином, заиграл румянец, и моя тревога за его здоровье сошла на нет.

Мужчины вновь играли в шахматы, а я смотрела на пламя и вспоминала, как вчера вспыхивало в танце мое платье. В такие моменты улыбка невольно касалась губ и я опускала голову, делая вид, что меня забавляет чтение. Разошлись мы далеко за полночь. Я лежала в постели в ожидании супруга, боясь сомкнуть веки и провалиться в крепкий сон. Мне хотелось обсудить с ним неприятный инцидент с Молли. Едва раздался скрип дверных петель, я подняла повыше подушку и села на кровати, опираясь спиной об изголовье.

— Хорошо, что ты еще не спишь. Айрис, нам нужно поговорить, — Аарон опустился в кресло неподалеку от меня. От тона супруга внутри все напряглось, подобно натянутой струне.

— О чем? — встревоженно спросила я, подтянула колени к груди и обхватила их руками.

— О тебе и Ламире, — от его слов мои щеки мгновенно вспыхнули. — Я давно наблюдаю за вами. Думаешь, ничего не заметил? Наверное, только глупец не почувствует витающие в воздухе искры, когда вы в одной комнате. К сожалению, надежда, что интерес между вами угаснет так же стремительно, как и зажегся, не оправдала себя, — Аарон встал и подошел к окну. — Я вынужден вмешаться, дорогая, чтобы уберечь тебя же от беды. Понимаю, Ламир красив. К тому же двум молодым пылким сердцам, живущим под одной крышей, тяжело устоять перед соблазном. Но вы начали переходить границы, а этого я допустить не могу, — супруг резко повернулся ко мне. Его глаза были темны, как ночь за окном. — Хорошо, хоть Молли оступилась. Есть чем припугнуть. Теперь она вряд ли осмелится даже заикнуться о том, что когда-либо была у нас в гостях. Однако всем, Айрис, рты не заткнешь. Жаль, я не настолько хорошо знаю сына, чтобы распознать: влечение это или нечто большее. Но, если это и любовь, я не позволю вам надеть глупостей. Только не теперь! Айрис, ты моя жена! И не должна об этом забывать ни на секунду. Если вы не прекратите, я буду вынужден найти причину, по которой Ламир покинет отчий дом. Надеюсь, все ясно? Выдержать его пристальный взгляд оказалась нелегко, но я смогла. Выдавив из себя тихое «да», спрятала пылающее лицо в колени, охваченные руками. Аарон обогнул кровать и присел на край с моей стороны.

— Айрис, все, что я делаю, — лишь для твоего же блага, — супруг заговорил со мной мягко, словно с маленькой девочкой. — Если вы перейдете запретную черту, во-первых, раскроется фарс, что добавит нам обоим немало проблем, а во-вторых, Ламир может остыть к тебе, получив желаемое. И что тогда?

Обида жгла горло, подталкивала разрыдаться, но я ни разу даже не всхлипнула, ни одна слезинка так и не полилась по щеке. Набрав побольше воздуха в легкие, осмелилась поднять голову. Супруг учил никогда не опускать взгляд, смело смотреть неприятностям в лицо, как бы больно ни было в этот момент, как бы ни хотелось спрятаться в самом темном и дальнем углу комнаты.

— Прошу простить меня за неподобающее поведение. Обещаю: впредь такого не повторится.

— Мне жаль, дорогая, что на твою долю выпало столько испытаний, но скоро все наладится.

Вот увидишь. Потерпи еще немного, — Аарон накрыл мою руку своей и направил в нее толику успокаивающей магии. Неприятная тяжесть на душе исчезла и сменилась умиротворением.

Супруг вновь поднялся, улегся на привычное место и погасил свет, а я продолжала сидеть и всматриваться в темноту. Разум ликовал, а сердце разрывалось на части от тоски и нежелания мириться с предстоящей участью. Я понимала: каждое слово бывшего советника было продиктовано заботой, но мне хотелось тепла, которого он не мог дать.

— Когда у девушек бал? — нарушил Аарон повисшую в комнате тишину. Я настолько ушла в себя, что не сразу осознала суть вопроса, поэтому помедлила с ответом:

— Элания говорила, что через неделю.

— Ох, бедная Молли, — с наигранным сожалением вымолвил супруг и вскоре тихонько рассмеялся. Вслед за ним хихикнула и я. — Боюсь, она не сможет продемонстрировать мастерство в танце, если только не примет обезболивающий эликсир. А у него есть одно неприятное побочное действие...

— Какое же? — я повернула голову на голос Аарона.

— Вызывает сонливость. Так что у нее два варианта: либо танцевать, либо спать. Третьего не дано... Да... Никто не сделает себе плохо так, как ты сам, — в словах супруга прозвучало столько печали, что я их отнесла больше на его счет, нежели Молли. Но чем же она вызвана?

— Как же она нарвалась на Лану? Неужто собака бросилась на нее без предостерегающего рычания?

— Молли говорила, что Ланы не было видно и слышно. Она уже дошла до кровати Ламира, когда та бросилась на нее невесть откуда. Да уж, нелегко, поди, девочке в дороге, — в комнате вновь повисло молчание, но Аарон в очередной раз попытался меня успокоить: — Я уже говорил, дорогая, только смерть в этой жизни не исправишь, все остальное — мелочи. Одни чуть больше, другие — меньше, но все равно мелочи. Ложись спать. Утро принесет новые заботы и унесет с собой старые, — с этими словами супруг повернулся на правый бок и смял подушку, как ему нравилось.

Я последовала его примеру и попыталась уснуть. Невзирая на удручающие мысли и все-таки покотившиеся слезы: сон забрал меня в свои объятия и подарил сердцу покой.

* * *

Один день быстро сменялся другим. Все свободное время я проводила в своих покоях за чтением книг или разглядыванием парка из окна. Сразу после ужина, ссылаясь на плохое самочувствие, оставляла мужчин наедине и поднималась к себе, чтобы в очередной раз на несколько мгновений уставиться невидящим взором в раскрытый роман, пытаюсь унять волнение и тоску.

Так прошла целая неделя. Незаметно настал канун Нового года. С ним вернулось и настроение, которого так давно не хватало. Еловые и сосновые веточки, разноцветные стеклянные шары и гирлянды, украшавшие дом, навевали дух праздника. Зато Лане преобразования замка пришлось не по душе: она так и норовила стащить какую-нибудь игрушку. Правда, они висели так высоко, что ей никак их было не достать.

К ужину я надела самое красивое платье, которое у меня только имелось: темно-синее, расшитое на груди золотой нитью. Кулон матери подходил к нему как нельзя кстати. Подарок же супруга — серьги и браслет с сапфирами — завершил мой чарующий образ. Я крутилась перед зеркалом, пока за мной не зашел Аарон, одетый этим вечером в щегольской черный фрак. Он подставил локоть, и мы вдвоем, рука об руку, вошли в обеденный зал. В помещении витали такие ароматные запахи, что я невольно повела носом, а желудок издал жалобное урчание, вызвав легкий румянец на щеках. Стол пестрил изобилием красок и разнообразием блюд. Повар этим вечером несомненно постарался на славу.

Когда послышался привычный стук каблуков, я собиралась лишь на секунду посмотреть на Памира. Однако стоило обернуться и посмотреть на него, не смогла отвести взгляд и затаила дыхание. Мужчина также был одет в черный фрак, который сидел на нем в силу молодости и стройности более эффектно, чем на Аароне. Чуть влажные волосы бывшего дознавателя притягательно блестели в свете хрустальных люстр. Стена отчуждения, возводимая на протяжении недели, дала трещину.

Голос супруга, приглашающего всех к столу, выдернул меня из гипнотического состояния. Долгожданный вечер обещал обернуться мучениями, ведь сегодня мне сбежать так быстро не удастся...

Невзирая на свои страхи, я великолепно держалась. Из обеденного зала после вкусного ужина мы переместились в гостиную, где и просидели за разговорами до полуночи. Присутствие Аарона придавало уверенности, и улыбка из натянутой постепенно перешла в искреннюю. Едва часы пробили двенадцать, мы поздравили друг друга с Новым годом, с завораживающим звоном соприкоснулись бокалами с шампанским и вернулись на прежние места. Однако не прошло и четверти часа, как Аарон поднялся и удалился, пожелав всем на прощание приятных снов. Я с тревогой посмотрела ему вслед. Как только дверь за ним закрылась, я встала с диванчика и поставила недопитый бокал на столик.

— Лира Айрис, вы собираетесь оставить свое счастье в этом бокале? — раздался приятный бархатистый голос, задевающий струны моей души.

— Неужели, лэр Тонли, вы верите в подобные приметы? — от удивления брови поползли вверх. На губах Ламира блуждала улыбка. — Прошу простить, что вынуждена оставить вас одного, но сегодня был слишком длинный день, и я хочу поскорее прилечь.

— Почему вы так стремительно куда-то все время убегаете? — дознаватель пропустил мои слова мимо ушей, поднялся с кресла и неторопливой походкой подошел ко мне с наполовину пустым бокалом в руке.

Разум всюду закричал: «Беги!», но я не сдвинулась с места.

Глава 32

Его близость опьяняла сильнее самого крепкого вина. Но если алкоголь в конечном итоге выветривался, то мысли о статном красавце прочно засели в голове. И, казалось, ничто не сможет уже их оттуда искоренить.

Ламир с нарочитой медлительностью нагнулся за моим фужером, тем самым приковывая к себе внимание, протянул его мне и предложил выпить за все хорошее в Новом году. Я настороженно приняла бокал, так и не сказав «нет», хотя должна была. Слегка пригубив игристый напиток,

вновь поставила фужер на столик. Через мгновение со звоном рядом с ним опустился еще один. Мне следовало немедленно покинуть гостиную, пока окончательно не поддалась его очарованию и не наделала глупостей.

— Спокойной ночи, лэр Тонли! — с нажимом сказала я, найдя в себе силы разорвать чарующий момент, когда снова начала тонуть в омуте синих глаз.

Но, видимо, в планы Ламира не входило так быстро меня отпускать.

— Сбегаете, лира Айрис? — его пронизывающий взгляд вызывал учащенное сердцебиение.

— Ошибаетесь, лэр Тонли. Меня наверняка ждет супруг, — я надеялась, что упоминание об отце охладит дознавателя, но, стоило сделать шаг, он поймал мое запястье и слегка притянул к себе.

— Почему вы так боитесь находиться со мной наедине? — мужчина понизил голос до завораживающего шепота, от которого по телу пробежала волна дрожи.

— Отпустите! — я тряхнула рукой, надеясь, что Ламир тут же исполнит просьбу, но он сжал ее крепче и подошел еще ближе. Его теплое дыхание коснулось моего лица.

— Вы правда этого хотите?

— Да! — ответила без колебаний, надеясь, что уверенность в голосе заставит дознавателя оставить меня в покое.

Ламир сузил глаза и пристально посмотрел в мои. Притягательная улыбка исчезла. В одно мгновение он стал сама серьезность. Мужчина больше чем когда-либо напоминал сейчас хищника, готового броситься на жертву. Кончиками пальцев, обвитых загадочным зеленым пламенем, дознаватель провел по моей скуле, продолжая гипнотизировать меня взглядом. Я не ощутила боли, а, наоборот, почувствовала приятное тепло. Оно побуждало закрыть глаза и насладиться мгновением. Тонкий лед, по которому мы неосторожно ступали, начал звонко трещать.

— Ваше тело говорит об обратном...

— Вы забываете, с кем разговариваете!

— Жаль, ни на секунду... А так хочется хоть на миг позволить себе вольность, доказать вам, что прикосновение моих губ способно разжечь огонь, а не заморозить сердце, — дразнящий шепот Ламира в сочетании с дурманящей близостью зародили внизу живота тугий комок, подталкивающий самой сделать к нему шаг. Возникло такое чувство, что, оказавшись я в объятиях этого мужчины, он развернется и превратится в целую стайку порхающих мотыльков.

— Я уже извинилась за свои слова.

— Они не дают мне покоя.

— К сожалению, ничем не могу помочь. Еще раз счастливого Нового года и спокойной ночи! — твердо произнесла я и вновь дернула рукой.

— Приятных снов, лира Айрис.

Ламир не стал меня больше удерживать. С плеч свалился камень, ведь можно было спокойно уйти. Не теряя ни секунды, я быстрым шагом пересекла просторное помещение. Едва нажала на ручку и потянула ее на себя, как сильный поток воздуха захлопнул дверь перед носом. Я резко обернулась, намереваясь высказать негодование. Однако Ламир двигался с такой молниеносной скоростью, что глазом моргнуть не успела, как оказалась пойманной в кольцо крепких рук. Я собиралась возмутиться его поведением, но дознаватель меня опередил — он склонил голову и запечатал уста поцелуем, не позволив произнести ни слова. Мужчина застиг меня врасплох. От удивления я превратилась в каменную статую.

Прикосновение мужских губ было не назойливым, а мягким. Оно опьяняло, вызывая легкое головокружение, заставляя и мои открыться для ответа. Полумрак, в который внезапно погрузилась комната, древесные нотки парфюма, казалось, играли с моими чувствами. Тепло, исходящее от мускулистой груди, да привкус шампанского, оставшийся на его губах, лишь усиливали ощущения от поцелуя, который становился все более страстным. По телу стремительно разносились неведомые до сей поры волны. Хотелось прижаться к нему плотнее, обвить руками сильную шею и больше никогда не отпускать.

За дверью раздался жалобный скулеж. Он-то и привел меня в чувства. Я занесла руку для пощечины. Звонкий удар болью отозвался в сердце. Ламир отстранился столь же быстро, как и приблизился. Внезапно оставшись без опоры, я с трудом удержалась на ногах. На лице дознавателя отражалось искреннее изумление, а вот с моего схлынула кровь, едва окончательно

я осознала, что произошло пару минут назад. Мне не было оправдания. Нам обоим не было оправдания.

— Что я наделал? — прошептал мужчина и взъерошил волосы, даже не притронувшись к щеке, на которой остался красный след.

Лана вновь завывала по ту сторону двери и заскребала когтями, прося впустить ее. Резко развернувшись на каблуках, я бросилась прочь из гостиной, едва не столкнувшись с собакой. Словно этот побег мог спасти от глодавшей сознание вины.

Щеки болезненно полыхали пламенем, и, если бы Аарон дожидался меня в покоях, от объяснений было бы не уйти. Однако в комнате никого не оказалось. Бросившись в ванную, зачерпнула ладонями холодную воду и приложила к горящему лицу. Если жар удалось унять, то губы продолжали предательски пульсировать, напоминая о случившемся.

На негнущихся ногах я подошла к окну и прислонилась лбом к стеклу. Не знаю: сколько прошло времени, прежде чем все-таки отправилась спать, но казалось, целая вечность. Аарон, сколько ни сдала его, так и не появился. И это было очень странно. Он впервые за многие месяцы нарушил собственное же правило: создавать иллюзию счастливого брака.

Хоть я и легла далеко за полночь, проснулась рано утром и сразу же почувствовала в душе пустоту. Словно потеряла что-то важное и жизненно необходимое. Однако сколько бы ни прислушивалась к ощущениям, не могла понять, чем вызвано столь необычное состояние. Может, это следствие поцелуя? А вдруг Ламир и вправду способен заморозить сердце одним прикосновением губ?

Посмеявшись над собственными глупыми мыслями, неторопливо умылась, надела неброское платье и спустилась в обеденный зал. Во главе стола в полном одиночестве сидел Аарон. Его хмурое лицо заставило напрячься. К тому же вновь появилась нездоровая бледность, словно накануне у него случился приступ. Пожелав супругу доброго утра, села на привычное место. Хоть мы и обменивались короткими фразами, в помещении витало напряжение. Я частенько ловила на себе пристальные взгляды мужа, который лишь молча смотрел на меня, но ни о чем не спрашивал.

Завтрак затягивался, чувство собственной вины тяготило, а жизнь не торопилась бросать мне спасательный круг в лице дознавателя.

— Долго вчера еще сидели? — чувствовалось, что Аарон начал издавека. Он, словно акула, нарезал круги вокруг жертвы. И это заставляло нервничать. Однако я мысленно сосчитала до десяти и честно ответила:

— Может, около получаса, не более.

— Хм... Странно... Что же его тогда заставило подняться в такую рань и собрать вещи? — бывший советник говорил тихо, будто сам с собой, но я отчетливо расслышала каждое слово и озадаченно посмотрела на супруга, чувствуя, как холодеют руки.

— Кто? Какие вещи?

— Памир уехал, — с тяжелым вздохом ответил муж и сделал глоток травяного отвара, а не кофе.

— Как уехал? Сейчас ведь только восемь часов. Что случилось?

— Думал, дорогая, у тебя об этом спросить, ведь ты его видела последней. Мне он оставил короткое письмо, в котором лишь пара строчек.

— И что в них? — спросила с замиранием сердца и дрожью в пальцах.

— Ничего особенного: пожелания крепкого здоровья и счастливой семейной жизни. Написал, что пришлет весточку, как доберется до столицы. Нажился он здесь, видите ли. Скучно ему с нами стало. Вот и все... А может, оно и к лучшему. Час близится, а его вопросы мне сейчас ни к чему, — Аарон с грустью уставился в кружку и не произнес больше ни слова.

После завтрака я спряталась в оранжерею и не решалась выйти оттуда до обеда. Неустанно корила себя за отъезд Памира и разлуку отца с сыном, которые и так проводили вместе не слишком много времени.

Разум неустанно ликовал, а вот сердце разрывалось на части, ныло от тоски по дознавателю, но свою боль я спрятала за маской отчужденности, которую постепенно училась надевать. Не давал покоя вопрос: зачем мужчина так спешно покинул замок? Вряд ли ему не хватило бы смелости посмотреть в лицо отцу и признаться в содеянном, если бы тот спросил о случившемся. Здесь определенно было что-то другое. Но что? Для чего он вообще затеял

вчерашнюю игру? Хотел скомпрометировать меня? Если так, почему тогда не рассказал обо всем отцу? Или рассказал?

В положенное время я спустилась в обеденный зал: но Аарона там не оказалось. Прождав около четверти часа и почуввав неладное, быстрым шагом направилась на его поиски. Внутри все заходило от тревоги. Я боялась опоздать. Не обнаружив супруга в личных покоях, побежала в рабочий кабинет. Я постучалась несколько раз, но, так и не дождавшись позволения войти, несмело нажала на ручку и сразу же его увидела. Аарон лежал, распростершись на ковре, и не двигался. Его глаза были закрыты, грудь тяжело вздымалась, а кровь, проложившая дорожку от носа к подбородку, успела засохнуть. С криками о помощи я бросилась в коридор. Благо мимо как раз проходил дворецкий, который помчался со всей скоростью, доступной ему в силу почтенного возраста, за целителем. А я вернулась к Аарону, уложила его голову себе на колени и заплакала. Едва слеза упала на бледную щеку, веки бывшего советника дрогнули и он открыл глаза. Теперь, даже если супруг и попытается заверить меня, что с ним все хорошо, я ему не поверю. Он определенно был чем-то болен.

Глава 33

Спустя один месяц...

С того злополучного дня в моей жизни многое изменилось. Она вновь наполнилась переживаниями и тоской. Зачастую в доме становилось так тихо, что казалось, я осталась в нем совсем одна. Будто Ламир, уехавший так внезапно, забрал с собой обитавшее здесь счастье. Вместе с ним исчезла и Лана. Она не бегала больше по длинным коридорам огромного замка, не пыталась ухватить меня за пятки, не просилась выпустить ее в покои, чтобы в очередной раз начать проказничать. Однако вызывал печаль не только отъезд дознавателя, но и стремительно ухудшающееся здоровье супруга.

Если после приступа в рабочем кабинете Аарон поправился быстро, то еще один, произошедший спустя две недели, словно подкосил его окончательно, подвел к точке невозврата. Хотя и немолодой, но еще совсем недавно полный сил мужчина постепенно превращался в немощного старика. И это безумно удручало. Супруг все реже вставал с кровати, соблюдая рекомендованный ему постельный режим. По несколько раз на день к нему заходил целитель, который на мой вопрос — как скоро поправится муж? — лишь неопределенно разводит руками. Бывшему советнику ничто не помогало: ни тонизирующие настои, ни прописанный покой. Аарон угасал на глазах, но не падал духом. В какой-то момент сложилось впечатление, что Тонли-старший знал о причине странного недуга, хоть и усердно хранил молчание.

Сообщать Ламиру о своем состоянии бывший советник наотрез отказался и запретил делать это мне, пообещав отослать за непослушание куда-нибудь подальше от себя, чем усилил закравшиеся в душу нехорошие подозрения. Дознаватель же, как и обещал, по приезде прислал всего одно письмо. Больше от него не было вестей. И никто не знал ни как он, ни что с ним, ни как скоро мужчина вновь появится в отчем доме.

А я ждала его, ни на миг не переставала надеяться, что раздастся скрип колес, вслед за ним прозвучит стук каблуков, и в столовую, в которой я завтракала с недавних пор в полном одиночестве, твердым шагом войдет Ламир. Хотелось, чтобы он разогнал сияющей улыбкой ступившие над замком черные тучи, поднял на ноги отца и вернул все на круги своя. Однако при виде заметно похудевшего Аарона моя надежда, что все будет как раньше, начала пусть и медленно, но таять.

По вечерам мы по-прежнему играли в шахматы, правда уже в покоях супруга. Остальное же время я была предоставлена сама себе. В первые дни после его приступа мной овладела паника. Нужно было чем-то заняться, чтобы перестать неустанно ходить по комнате из угла в угол, плакать и думать о плохом, поэтому я и приняла решение вернуться к занятиям по магии. Просыпаясь спозаранку, для начала интересовалась у целителя здоровьем Аарона, затем быстро завтракала, спускалась в бальный зал и до обеда оттуда не выходила. Сила росла. Спящая

многие годы во мне магия теперь охотно откликалась на зов и позволяла творить такое, о чем я и помыслить не могла даже в самых смелых мечтах: оторвать огромное зеркало от стены стало для меня сущим пустяком, как и поднять на пару мгновений небольшую метель на улице, хоть и чувствовала себя после этого опустошенной. Однако слабость не влияла на минуты радости, становившиеся с каждым днем все короче.

За несколько часов до ужина я сбегала в оранжерею, вырывала там сорняки, удобряла экзотические растения, знания о которых почерпнула из книг, а устав, опускалась на мягкие подушки среди сочной яркой зелени и под звуки журчащей воды предавалась воспоминаниям. Из головы никак не выходил тот единственный в жизни поцелуй. Возможно, потому, что первый. Или же всему виной было странное пламя, охватившее руку Ламира?

Я считала себя виноватой в недомогании супруга, предположив, что ему каким-то образом стало известно о моем беспринципном поведении, однако никак не решалась сознаться в произошедшем. И этим вечером, как никогда ранее, я была настроена поговорить с Аароном о той злополучной ночи и о его загадочной болезни, от которой во многом зависело мое будущее. Мы продолжали начатую накануне партию в шахматы, когда я набралась смелости и с замиранием сердца произнесла:

— Лэр Тонли, Ламир, вероятнее всего, уехал из-за меня.

— Ошибаешься, дорогая, — уверенно ответил муж и сделал ход ладьей, побив моего слона.

— Знаю, следовало сразу все рассказать... — под его пристальным взглядом напускная бравада мгновенно испарилась.

— Хочешь поведать о том, что случилось между тобой и Ламиром в новогоднюю ночь? — он вопросительно вскинул правую бровь и получил в ответ мой утвердительный кивок. — Не бери в голову, Айрис. Хоть я и пытался предотвратить ваше притяжение, все же предполагал, что рано или поздно костер может вспыхнуть, словно пожар. Иногда для него и маленькой искорки достаточно.

— Это было проверкой? — спросила дрожащим голосом, едва совладала с удивлением.

— Нет.

— Зачем тогда ушли?

— Почувствовал легкое недомогание, побоялся, что в любую минуту может произойти приступ, поэтому и покинул гостиную.

— Лэр Тонли, почему вы скрываете свою болезнь от Ламира? — я сделала ход пешкой, которую тут же и потеряла. Невзирая на слабость в теле, ум бывшего советника оставался ясным.

— Он станет задавать вопросы, на которые я не готов пока ответить... Если вообще когда-либо буду готов, — Аарон вымолвил последнюю фразу так тихо, что я с трудом ее различила.

— Но, возможно, Памиру удастся достать эффективные лекарства, способные излечить странную болезнь, а не эти микстуры, от которых нет никакого толку, — с негодованием указала я рукой на стоящие на прикроватной тумбочке коричневые склянки.

— Айрис... — тон супруга заставил все внутри замереть в ожидании следующих слов, но в то же время я боялась услышать их, ведь они могли отнять последнюю надежду на лучшее будущее. — Мне уже ничто не поможет... Близится час моей расплаты...

Хоть Аарон понизил голос до шепота, его вердикт прозвучал подобно крику на ухо.

— Как так?! Нет! Не может быть! — я вскочила с кресла как ужаленная и завертелась на месте, чувствуя, как меня обдало жаром. — Вы ошибаетесь! Вы сами твердили, что все можно исправить в этой жизни, кроме смерти.

— Так и есть, дорогая. И она идет за мной. Я обманул ее дважды, в третий раз уже вряд ли удастся. Да и не хочу, по правде говоря. Устал...

— У вас явно поднялся жар. Сколько раз наказывала горничной не открывать надолго в комнате окно. Вы, вероятно, прихватили вдобавок простуду, — я подошла к краю кровати и потрогала лоб советника, оказавшийся не горячим. — Позову лэра Геркона, чтобы осмотрел вас.

— Не надо куда-то ходить, Айрис. Лучше присядь... Думаю, настало время многое обсудить. Наверное, я затянул с объяснениями, но в своих ошибках всегда сложно признаваться, а видеть презрение в глазах любимого человека и вовсе невыносимо.

— О чем вы? — растерянно посмотрела на мужа, ощущая, как к горлу подступает тугой ком, который не проглотить. Он накрыл мою руку своей и вымолвил как можно мягче:

— Совсем скоро, Айрис, я умру.
— Неправда... не может быть... Нет-нет-нет... — потрясенно зашептала я, вертя головой из стороны в сторону и не желая верить Аарону. Разве человек может знать, когда настанет его час покинуть этот мир? Бред, да и только. — Это кто вам такое сказал? Лэр Геркон? Если он, то надо срочно нанять нового целителя. Нечего такую чушь нести! — я в очередной раз встала, настроенная немедленно отправиться в соседнюю комнату и побеседовать с немолодым мужчиной, занимающимся лечением супруга.
— Нет, не он... — Тонли-старший вновь замолчал, не торопясь ничего пояснять.
— Тогда кто? — впилась взглядом в Аарона, надеясь добиться вразумительного ответа.
— Я проклят, Айрис... На смерть...
Казалось, где-то вдалеке раздался звон быющей посуды, но это была разлетевшаяся на мельчайшие осколки надежда на счастливое будущее.

Глава 34

— Вы в этом уверены? Это не пустые домыслы? — я не знала, сколько прошло времени, прежде чем осмелилась подать голос. Наверное, немало.
— Уверен.
— Но ведь проклятия снимаются! Надо всего лишь найти хорошего мага!
— Не в моем случае. Думаешь, я бы смиренно принял грядущую участь и не попытался бы изменить судьбу? Но ничто и никто уже не в силах ее переиначить.
— Но за что? Вы же хороший человек! — в недоумении посмотрела на бывшего советника, не желая верить его словам.
— Если бы это было так, Айрис, — из груди супруга вырвался тяжелый хрип, словно непомерный груз мешал ему сделать вдох. — Я принес много горя людям, вряд ли они поминают меня добрым словом, — в покоях воцарилась тишина, но вскоре мужчина ее нарушил: — Беспощадный Аарон... Кровавый Аарон... Разве не слышала их?
— Детские страшилки, — недовольно фыркнула я.
— В любой сказке есть доля правды.
— Это из-за службы?
— Нет... — мужчина впервые за многие месяцы со дня нашего знакомства отвел взгляд.
— Тогда за что? — вот уже во второй раз я задала один и тот же вопрос, на который Аарон не торопился отвечать.
— Я совершил, дорогая, непоправимую ошибку и могу рассказать всю историю от начала до конца. Наверное, мне и самому хочется облегчить душу, но только если ты пообещаешь, что никогда не предашь ее огласке и моя тайна умрет вместе со мной. И дело не в знакомых или друзьях, Айрис. Меня они не заботят. Я хочу, чтобы сын и дальше, невзирая на все наши ссоры и возникающие противоречия, смотрел на меня с гордостью, чтобы, когда с моих губ сорвется последний вздох и мир померкнет для меня, в его глазах светились любовь и уважение, а не ненависть и презрение.
— Обещаю... — с трепетом в груди вымолвила без колебаний. — Ваша тайна уйдет в могилу вместе с вами, но не думаю, что вы могли сделать нечто такое, что отвратило бы Ламира от вас. Он любит вас всем сердцем и принял бы любую вашу ошибку. Для детей родители всегда самые лучшие, даже если это не так.
— Я убийца, Айрис. Самый что ни на есть убийца.
— Вы были главным дознавателем, очищали улицы империи от негодяев, подобных Росману...
— Ищешь мне оправдание... — бывший советник горько усмехнулся. — А если его нет, Айрис? Если я лишил человека жизни ради развлечения? На спор? Потом еще и как последний трус избежал наказания. Знаешь, что в нашей империи полагается за преднамеренное убийство?
— Смертная казнь? — неуверенно произнесла, ощутив себя на миг воспитанницей пансиона, сдающей зачет.
— Да. Вот тогда-то я и обманул впервые эту черную лиру.

Я смотрела на Аарона и не желала верить в услышанное. Все тело обдало жаром. Казалось, супруг разыгрывал меня. Пусть мы и познакомились относительно недавно, его образ не вязался с убийцей. С кем угодно, но только не с ним.

— Думаешь, я лгу? — спросил Аарон, заметив сомнение в моих глазах. Немного помедлив, я кивнула. — Мне и самому хотелось бы, чтобы того дня не существовало в моей жизни, чтобы все оказалось лишь дурным сном, но он не забывается. Каждую ночь я просыпаюсь в холодном поту, переживая двадцать пятый день рождения снова и снова, — нижняя губа бывшего советника предательски задрожала.

— Что тогда произошло? — подтолкнула мужчину продолжить, когда в комнате вновь повисла тишина.

— С самого детства я рос в атмосфере вседозволенности. Отец с малых лет внушал, что у кого есть деньги, у того и власть, а у кого — власть, на стороне тех и закон. И единственным моим желанием с тех пор, как я поступил в военную академию, было самому вершить его. Сразу по окончании учебы мне посчастливилось стать простым дознавателем, а через два года, за неделю до двадцатипятилетия, — главным. Я получил то, чего так неистово хотел: возможность повелевать судьбами людей, заставить их смотреть на меня со страхом и трепетом и наслаждаться этим. Душа, требующая безграничной власти и беспрекословного подчинения, наконец, ликовала. В тот день жизнь забросила меня с друзьями по академии на окраину империи. Был поздний вечер, когда мы освободились от дел, забрели в опустевшую таверну и начали пить. Много пить. Поводов для того хватало: мой день рождения, назначение на новую должность, рождение накануне сына у Коллена. К одиннадцати мы уже еле держались на ногах, пить надоело, тогда-то Ричард и предложил помериться силой. Сперва боролись на руках. Победив всех, я на пьяную голову заявил, что могу одним ударом вырвать у человека из груди сердце. Друзья рассмеялись, сказали, что я хвастун и кишка моя тонка на такое. Меня это задело, и я решил во что бы то ни стало доказать правдивость своих слов. К тому часу в зале из людей, кроме нас и пары работников, уже никого не оказалось, все посетители разошлись по домам. Все же была середина недели. Хозяин таверны куда-то вышел, а мне на глаза попался парнишка, молоденький, щупленький, молчаливый... Он убирал со столов посуду. Наверное, разум в тот момент помутился... Я подозвал мальчишку и, не сказав ни слова, вонзил пальцами в его грудь, нарастив с помощью магии когти. Никогда не забуду, как смотрел в его стекленеющие глаза и чувствовал затихающее биение сердца на ладони. Все еще считаешь, что у моего поступка есть оправдание?

Потрясенная услышанным, я молчала. В горле настолько пересохло от волнения, что даже если бы и захотела, то не смогла бы вымолвить и слова.

— Его нет, Айрис. Я лишил человека возможности жениться, стать отцом, вырастить детей, слышать их смех... Я украл у него будущее. И ради чего? Дурацкого спора? Даже по прошествии тридцати семи лет помню этот день, словно он был вчера. А всему виной стала моя жажда власти, уверенность в безнаказанности, во вседозволенности, в которой меня растили. Поскольку свидетелями преступления оказались лишь друзья, мы все обставили так, будто это он на нас напал. Смешно, правда... В итоге я избежал не то что смертной казни, даже порицания. Никто не удостоил этот случай вниманием. Ведь закон был на моей стороне. Да и разве мог Тонли-младший так низко пасть? — рассказ Аарону давался нелегко. Он часто замолкал и продолжал его, лишь сделав пару глотков воды. — После случившегося я взял отпуск и где-то около месяца не появлялся на работе. Пил, забывался, пытался учиться жить с ощущением вины, от которой никак не мог отделаться. Смерть беззащитного парнишки что-то во мне сломала. Я понял, что осуждение общественности ничто по сравнению с собственной неумолкающей совестью. Вдобавок еще и ночные кошмары стали постоянными спутниками. Но, собравшись с силами, все же вернулся к службе, решив добрыми делами искупить омерзительный и непростительный поступок. Надеюсь, что когда-нибудь он сотрется из памяти. Однако и тут ошибся. Пусть с тех пор я руководствовался только законом, делал все лишь во благо народа, это не могло изменить прошлого. Поверь, Айрис, нет ни одной свободной минуты, когда бы я не корил себя за содеянное. Сколько раз думал, что, окажись я в этот час в другом месте, в другом состоянии, ничего бы дурного не случилось. Но время повернуть вспять никому не под силу.

— Откуда тогда взялось проклятие? Кто его наложил? — нерешительно спросила я, прочистив горло. У меня появилось такое сильное головокружение, что я боялась упасть в обморок с минуты на минуту.

— Тот случай очень медленно стал угасать в сознании. Со дня двадцатипятилетия уже прошло пять месяцев, когда ко мне внезапно на улице подошла старуха. Не знаю: сколько ей было лет, казалось, сама смерть тогда явилась в ее обличье. Я не успел отпрянуть, как она дотронулась до моей руки скрюченными пальцами и что-то быстро зашептала. Ведьма меня явно околдовала. Когда я опомнился, ее и след простыл. Лишь на тыльной стороне ладони в месте касания появился странный знак. В академии мы изучали смертельные проклятия, поэтому я сразу подумал, что именно им меня одарила старуха. Следовало безропотно принять свое будущее, ведь получил по заслугам, но в тот момент мне как никогда захотелось жить. К тому же основной долг перед родом был не выполнен. И я решил избавиться от занесенного над головой меча. Но тут меня ждала очередная неудача: я не мог отыскать магов, способных снять подобное проклятие. В обычное смертельное заклинание было внесено столько сил и изменений, что никто не мог с ним справиться. Я уже сбился со счета пройденных обрядов, когда в обычный осенний день ко мне на лавочку под села молоденькая девушка, совсем как ты, — на губах Аарона впервые за весь вечер появилась улыбка, теплая, нежная. — Она сразу заинтересовалась моей рукой. И, робея, предложила помощь. Конечно же, я ей не поверил. Решил, что девушка хочет нажиться на проблеме. Однако она сказала, что не возьмет с меня и медяка еще до того, как я успел произнести хоть слово. От такого предложения в моем положении отказался бы только глупец. Мы договорились, что я приду тем же вечером в условленное место — маленький номер в захудалой гостинице. Конечно же, я пришел. Но прежде быстро навел справки о Катрине Моляне — так звали хрупкую блондинку с васильковыми глазами. За ней не числилось никаких правонарушений. Обычная, ничем не примечательная девушка, если не брать во внимание исходившую от нее силу.

— Та самая Катрина, о которой вы не так давно упоминали? — озадаченно посмотрела на супруга, заметно изменившегося в лице.

Рассказ о загадочной магине приносил ему явное удовольствие. Он словно помолодел на глазах: глубокие морщины немного разгладились, а бледные щеки покрылись легким румянцем. Видимо, Аарон испытывал к блондинке сильные чувства, раз до сих пор одно воспоминание о ней было способно столь разительно преобразить его.

— Да. Чуть позже Катрина рассказала, что является наследницей редкого дара и артефакта, способных избавлять людей от самых ужасных проклятий. Но мой случай был уникален. Старуха, оказавшаяся бабушкой того парня, была очень могущественной магией, поэтому девушка смогла лишь отдалить мой час, но не снять проклятие полностью.

— Каким образом? — я слегка подалась вперед.

— Поскольку умереть я должен был в день своего двадцатилетия, она будто зеркально исказила возраст смерти, изменив ее на шестьдесят два.

— Но ведь ваш день рождения уже на следующей неделе... — ошарашенно прошептала я. Едва пришло окончательное осознание, вскочила с кресла, упала перед кроватью на колени, взяла в свою руку его и прижалась к ней щекой. Слезы градом лились из глаз. Ничто в этом мире не могло их нынче остановить. — Прошу вас, не оставляйте меня одну... только не сейчас... Вы стали моим личным лучом света в крошечной тьме. Вы — подарок судьбы... Умоляю, нет... только не это...

— Ну что ты, моя хорошая, не плачь... Все будет хорошо... Я не уйду, не позаботившись о тебе. Ведь ты моя жена, и я в ответе за тебя даже после смерти. Айрис, ты станешь богатой вдовой, сможешь поступать в соответствии со своими желаниями, а не жить по чьей-то указке, сама выберешь себе достойного мужа. Если захочешь, осуществишь сперва мечту — закончишь академию, тебе не придется даже задумываться о деньгах. После моей кончины перед тобой открываются все двери в светлое будущее, — Аарон слегка потрепал меня по щеке.

— Лэр Тонли: скажите, пожалуйста, почему ваша милость пала именно на меня? — сердце от волнения в груди забилося так сильно, что каждый его удар эхом отдавался в ушах.

— Моя жизнь... — заговорил супруг, но неожиданный стук в двери заставил его замолчать. Я резко встала, вытерла мокрые дорожки со щек и опустилась обратно в кресло. Только тогда бывший советник позволил войти нарушившему наше уединение целителю. — Дорогая, не уходи, мы еще не закончили.

Кивнув в знак того, что услышала его, стала наблюдать, как Аарон со смирением пьет предписанное лэром Герконом тонизирующее зелье, хотя мы оба прекрасно понимали, что оно уже не в силах ему помочь. Слезы снова набежали на глаза. Я слегка запрокинула голову и часто заморгала, не позволяя им пролиться.

Вскоре целитель покинул покои хозяина замка, вновь оставив нас одних. Настала минута истины. Супруг помедлил пару мгновений, вероятно подбирая нужные слова, и заговорил: — Несмотря на все трудности, выпавшие на мою долю, я прожил сравнительно долгую жизнь и не могу сказать, что уж совсем несчастливую. Пусть мне приходилось зачастую оглядываться назад, на свое непоправимое прошлое, я научился радоваться каждому дню, чашке кофе по утрам, свежей газете, полноценному вздоху. Рождение Ламира стало самым лучшим подарком от судьбы, хотя я продолжал мечтать о дочке. И всего этого у меня не было бы, если бы не Катрина, — мужчина замолчал, а я никак не могла нащупать связующую нить между нашим браком и незнакомой блондинкой. — Открой верхний ящик тумбочки и достань оттуда миниатюру.

Озадаченно взглянув на Аарона, выполнила довольно странное указание. Найти небольшой портрет, лежавший поверх вороха бумаг, не составило труда. Однако едва взяла его в руки, застыла от изумления. Пусть время и не пощадило изображение — краски поблекли, а в некоторых местах и вовсе отслоились, — поразительное сходство миловидной блондинки со мной невозможно было не заметить. Я почувствовала, как по коже вверх-вниз, не останавливаясь, забегали мурашки.

— Кто это? Катрина? — мой голос надломился, не выдержав волнения.

— Да, дорогая, это Катрина, — с теплотой и нежностью отозвался Аарон и протянул руку, в которую я вложила миниатюру.

Мужчина настолько увлекся любованием портрета, что, казалось, и вовсе позабыл о моем присутствии. Пришлось напомнить о себе:

— И кем она мне приходится?

— Бабушкой, Айрис. Катрина — твоя родная бабушка.

— Бабушкой? — повторила за супругом, нервно сглотнув. Кончики пальцев неприятно закололо, и вновь появилось сильное головокружение. Даже пришлось откинуться на спинку кресла, чтобы темнота не поглотила сознание. — Но почему я никогда не слышала о ее существовании?

— Я не знаю, дорогая.

— Это она попросила вас жениться на мне, чтобы уберечь от Росмана? — меня охватила волна негодования. Почему за столько лет никто из маминых родственников не протянул руку помощи и ни разу не появился ни в особняке Хотдженса, ни в пансионе?

— Нет, Айрис. Я был бы рад снова с ней увидеться, поговорить за чашкой чая, как в старые добрые времена. Но ее уже давно нет в живых.

— Тогда почему? Я прихожусь вам внучкой?

«А вдруг Ламир мой дядя?» — внезапно посетила голову шальная мысль, от которой меня бросило в жар.

— Признаюсь, Катрина быстро завладела моим сердцем. Не столько из-за красоты, сколько из-за доброты, мягкости, отзывчивости... В ней было такое неугасаемое стремление к жизни, что она заставила меня взглянуть на мир иначе, хотя к моменту нашей встречи я поставил на себе клеймо. Это она научила меня ценить каждое мгновение, любить просыпаться по утрам и встречать тяготы судьбы с улыбкой. Я бы хотел, Айрис, чтобы ты была моей дочерью или внучкой, но, видимо, в отместку за мое преступление мне не дано испытать подобного счастья. Спустя год редких встреч с Катриной и замечаний отца, что пора бы уже обзавестись наследником, я решил сделать ей предложение. Догадываясь, что родители не одобряют мой выбор, не стал просить родовое кольцо, а купил новое. Хотел тайно жениться и только потом представить супругу.

— Почему тогда не женились? — нетерпеливо спросила, когда Аарон вновь замолчал.

— В тот момент служба забросила меня на окраину империи, где я и провел около месяца, а по возвращении узнал, что Катрину насильно выдали замуж за ненавистного ей человека. Я тяжело принял этот удар судьбы, погрузился с головой в работу, желая таким образом позабыть о неудачах. Но время шло... Долг перед родом давил на грудь. По настоянию отца мне все же пришлось жениться. Элен была из знатной семьи, достаточно красива, умна, образована, правда, всего на год меня младше. Такой возраст в высшем обществе считался уже пороком. Однако мы быстро нашли общий язык, хорошо поладили, и я смиренно принял уготованную участь, надеясь, что однажды полюблю ее так же сильно, как и Катрину. Но и тут ошибся. Годы шли, а чувства к твоей бабушке не угасали. Хотя она и не взяла с меня и медяка, я посчитал своим долгом отблагодарить ее за помощь с проклятием и на протяжении десяти лет из года в год посылал небольшую сумму. Элен каким-то образом стало об этом известно. Она разозлилась, не принимала во внимание мои заверения, что между мной и Катриной сугубо дружеские отношения. Ради спокойствия в семье я был вынужден прекратить отpravку денег. Последняя тонкая нить, связующая меня и Катрину, оборвалась на многие годы, хотя она всегда жила в моем сердце, — Аарон закашлялся и посмотрел на стакан с водой на краю тумбочки, который я торопливо подала. Муж сделал пару глотков и вернул его мне. — Смерть Элен приоткрыла тайну, которую она хранила на протяжении десятилетия. Чувствуя свою близкую кончину, жена написала длинное обращение, в котором просила прощения за то, что скрыла от меня единственное письмо, пришедшее за многие годы от Катрины.

— Что в нем было? — я подалась вперед, стгорая от любопытства поскорее все узнать.

— На первый взгляд — ничего. Пустой лист. Но твоя бабушка была магией. Ей удалось сделать так, что текст проявился, лишь когда попал в мои руки. Всего пара строчек, в которых она умоляла позаботиться о своей внучке — Айрис Контана. Представь мои чувства, когда я прочел письмо, нашедшее адресата лишь спустя десять лет.

Его чувства сложно было представить, ведь у самой сейчас царила полная неразбериха как в голове, так и в сердце. Как оказалось, бабушка, родная бабушка позаботилась обо мне. И пусть прошло много лет, не верилось, что кому-то все же тогда было безразлично мое будущее.

— Вы негодовали?

— Мягко сказано, дорогая. Я пребывал в ярости и смятении. Жизнью, сыном, удачно сложившейся карьерой — всем этим я обязан лишь Катрине, а не выполнил всего одну ее просьбу. Она никогда ни о чем не просила, значит, это имело для нее крайне важное значение. Я сразу же поднял на уши все свои связи, хоть и отошел на тот момент от дел, и узнал, что Катрина Телания давно умерла, едва ли не сразу после отправленного письма, что ее дочери — Лиадны — также уже нет в живых, а Айрис Контана учится в пансионе. Мне ничего не оставалось, как остаться в стороне.

— Тогда почему внезапно вмешались? Вы следили за моей жизнью? — растерянно посмотрела на Аарона, размышляя одновременно над тем, как бы все сложилось, если бы письмо не опоздало на десять лет.

— После отставки я перебрался в замок и перестал с кем-либо общаться, но в тот день меня решил навестить Ричард — один из тех, кто был свидетелем убийства. Мы сидели в гостиной, пили вино, вспоминали молодость, когда он внезапно обронил, что Росману, похоже, удалось отыскать себе новую жену. Я тогда еще с сожалением спросил, какой дурак решился отдать этому странному типу свою дочь, и услышал имя твоего опекуна. Я не раздумывал ни секунды. Пусть брак и не входил в планы, мне терять было нечего — осталось же не так много, считанные месяцы, а у тебя впереди вся жизнь, которую безумец мог отобрать. На следующий день после полудня я приехал в Дельтаун, молясь, чтобы только не опоздать. Благо успел... и предложил Хотдженсу столько, что он не смог отказаться, хотя юлил. Вот так, Айрис, ты и стала моей женой.

После этих слов в комнате надолго повисло молчание. Я смотрела на танцующее пламя в камине, пыталась переварить услышанное, постоянно ощущая на себе заинтересованный взгляд Аарона. Видимо, он ждал каких-либо вопросов, но правда столь стремительным потоком обрушилась на голову, что я сидела некоторое время в растерянности.

— Если моя бабушка была могущественной магией, возможно, я помогу вам окончательно избавиться от проклятия? Вдруг мне передался этот дар? Но как узнать? — с тревогой в голосе обратилась к Аарону и встала с кресла.

Охватившее сердце волнение не позволяло спокойно усидеть на месте. Невзирая на непоправимую ошибку, совершенную бывшим советником в молодости, мои чувства и отношение к нему не изменились. А его приближающаяся смерть не давала покоя. Почему все люди, которыми я дорожила, уходили, едва появлялся намек на счастье?

— Знаешь, Айрис, я так долго откладывал этот разговор, потому что был уверен, что в твоих глазах появится ненависть и презрение, едва откроется вся правда обо мне. Но ничего подобного не произошло. У тебя оказалось такое же большое и любящее сердце, как и у Катрины, — губы бывшего советника тронула благодарная улыбка. — Однако думаю, она бы избавила меня от проклятия полностью, будь у нее на то возможность. Наверное, это прозвучит жалко, но я устал. Устал от постоянных кошмаров, устал от груза, который ношу за плечами уже тридцать семь лет, от постоянного вранья и недосказанности. Ведь именно из-за проклятия я не смог проститься с Элен, — Аарон продолжил, лишь заметив немой вопрос, отразившийся в моем взгляде: — Я никогда не праздновал день рождения дома. Всегда брал в это время отпуск и прятался где-нибудь подальше от людей, чтобы они не стали свидетелями изводивших меня с утра до ночи приступов. Всегда в один и тот же день, раз в год, проклятие давало о себе знать, чтобы я не посмел забыть о содеянном. Но разве это возможно?

— Из-за них вы не присутствовали на похоронах первой жены? — уточнила, сложив в уме небольшую мозаику.

— Да, Элен умерла в начале февраля, когда я находился за тысячу километров от дома, в ожидании очередной кары.

— Почему вы не хотите рассказать обо всем Ламиру? Может, ему удастся вам помочь?

— Боясь, что сын пойдет по моим стопам, я растил его в строгости, учил ценить жизнь каждого человека, независимо от статуса и положения, будь то бедняк, будь то богач. Он не поймет... — из груди мужа вырвался горестный вздох.

— И когда вы собираетесь известить его о своем ухудшившемся здоровье? — я стала неосознанно комкать пальцами ткань платья, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации.

— В начале следующей недели. Ты что-то задумала, Айрис? — бывший советник впился в меня пронизательным взглядом. Провести его оказалось сложно.

— Конечно же нет, — отозвалась без колебаний, желая развеять подозрение супруга. — А что представлял собой артефакт бабушки?

Безропотно смириться с предстоящей смертью Аарона, не попытавшись вырвать его из когтистых лап проклятия, я не могла. Особенно после всего, что он для меня сделал.

Глава 36

— Катрина никогда его мне не показывала. Ритуал по снятию заклинания она проводила трижды: вводила меня в состояние, подобное сну, а закончив, будила. Но насколько я помню, на ней всегда был этот кулон, — мужчина указал кивком на подарок матери.

— Этот? — с замиранием сердца я прикоснулась пальцами к холодному синему камню. — Вы уверены?

— Да. Он и ее глаза — первое, что приковывало к себе взгляд каждый раз при встрече, — едва заметная улыбка вновь заиграла на губах Тонли-старшего, а взор стал слегка отрешенным, словно он погрузился в воспоминания о днях своей молодости.

— Лэр Тонли, — вернула я его к реальности. — Отчего бабушка скончалась? Ведь, если подсчитать, ей не было еще и пятидесяти, когда она умерла.

— Я не смог раздобыть документы о причине столь раннего ухода Катрины из жизни — они хранятся в архиве. Чтобы их заполучить, следовало сделать запрос на имя главного дознавателя, которым в то время являлся мой сын. Да и с учетом наших отношений на момент моей отставки он бы все равно не дал разрешения на доступ к архивам, — муж потупил взгляд и тяжело вздохнул, но потом, вновь сосредоточив на мне все внимание, вымолвил: — Дорогая, понимаю, тебе не терпится побольше узнать о своей бабушке. Не волнуйся, у нас еще будет время поговорить. Прошлое никуда не денется. А вот о твоём будущем следует хорошенько позаботиться. Есть один насущный и очень важный вопрос, от которого оно во многом зависит.

— Какой? — озадаченно посмотрела на Аарона, чувствуя, как внутри все натягивается подобно струне.

— Только прошу ответить честно. Ты любишь моего сына?

Щеки в мгновение ока запылали румянцем смущения. Я не выдержала прямого взгляда бывшего советника и опустила голову, однако еле слышно выдавила из себя:

— Не знаю...

Супруг просил быть честной, я так и сделала, ведь и сама толком не разобралась в своих чувствах к Ламиру.

— Айрис, я специально для тебя купил красивый особняк на другом конце империи. Подальше от замка Тонли, чтобы оградить от нападок Ламира. Однако ты должна понимать, что никогда больше не увидишь его, если уедешь отсюда после моей смерти. Пройдет год, и сын непременно женится. Ведь едва он возглавит род, вокруг него появится столько прелестных и обольстительных лир, что у тебя против них не будет никаких шансов. И дело, Айрис, не во внешних данных, а в том, что вы станете абсолютно чужими людьми. Единственная связь между вами исчезнет. Ты перестанешь быть вхожа в этот дом. И пусть сын мужественен и не падок на женскую красоту, он начнет искать тепло и утешение в чьих-то объятиях. Все-таки потерять за год обоих родителей — тяжелый удар судьбы. Ты же вдали от Ламира ничего не сможешь предпринять по завоеванию его сердца. А без любви жить крайне сложно. Уж поверь мне на слово. Время, чтобы изменить завещание, еще есть. Дорогая, ты видела уже немало мужчин. По сравнению с другими Ламир тебе кажется более красивым? Тебя к нему тянет? Тебе плохо без него?

— Да.

Едва я это вымолвила, краска стыда залила меня с ног до головы, заставив еще сильнее вжать ее в плечи.

— Вот и замечательно. Признаюсь, я очень рад, что все так оборачивается. Лучшей жены Ламиру не найти, но бой тебе, конечно, предстоит трудный. И сражаться придется без чьей-либо поддержки. Только помни: нельзя идти на поводу у эмоций, как бы того ни хотелось. До тех пор, пока не вступишь в новый брак, допускать физической близости нельзя. И неважно кто это будет: мой сын или другой мужчина. Иначе последствия могут быть плачевными. Ты все уяснила, Айрис? — Аарон выжидательно смотрел на меня, пока я не кивнула. — Вот и замечательно... А теперь почитай мне, дорогая. Что-то я очень утомился.

Я взяла в руки книгу, открыла ее на заложенной странице и, придав голосу твердости, начала читать. Не прошло и получаса, как веки супруга закрылись, а дыхание стало размеренным. Положив магический детектив на место, покинула комнату, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить бывшего советника.

Едва вошла в свои покои, переделась в ночную сорочку и забралась в постель. Я сидела на кровати, закутавшись по самый нос в одеяло, и прокручивала в памяти услышанное, слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Сейчас, как никогда, мне было грустно и одиноко. Единственным близким человеком в этом несправедливом и жестоком мире был Аарон. Новость, что супруг скоро покинет этот мир, отозвалась болью в сердце. Казалось, оно разорвется на части от тоски. От этой мысли в глазах появились горькие слезы. В какой-то момент они и вовсе полились в три ручья. Я разрыдалась, словно маленький ребенок. Мне никак не удавалось успокоиться. Мало-помалу всхлипы все же затихли. Глубоко вздохнув, я встала с постели, умылась и... села писать короткое письмо Ламиру с просьбой как можно скорее приехать в отчий дом. Оставлять все как есть, не попробовав вмешаться в судьбу, не собиралась. Но даже если у меня ничего не получится, познавателю следует быть сейчас рядом с отцом, а не развлекаться, дабы потом не винить ни себя, ни меня в упущенном времени. Запечатав конверт сургучом, накинула халат и передала послание дворецкому с указанием незамедлительно отрядить гонца к Тонли-младшему. Немолодой мужчина с пониманием забрал письмо и заверил, что сохранит мой поступок в тайне от хозяина замка. Только тогда я отправилась спать, намереваясь спозаранку перевернуть всю библиотеку в поисках ответов на вопросы: как снять смертельное заклинание с бывшего советника и что собой представлял артефакт?

Секунды медленно перетекали в минуты, но зеркальные осколки никак не могли до меня добраться, словно расстояние в десять метров растянулось до бесконечности. В какой-то момент я и вовсе почувствовала, как по телу начало разливаться приятное тепло, а звенящую тишину нарушил стук сердца... не совпадающий с моим. И только когда нос окутали знакомые древесные нотки, я поняла, в чьих находилась объятиях. Все страхи и волнения разом куда-то улетучились. Стоило поднять голову — утонула в морской синеве. В глазах Ламира, появившегося столь внезапно и так вовремя пришедшего мне на помощь, читалась тревога вперемешку с изумлением. В воздухе вновь ощущалось притяжение.

Сколько мы не виделись? Всего-то месяц, а казалось, целую вечность. Я забыла его запах... Время стерло из памяти мелкие морщинки вокруг губ, ямочки, появляющиеся при чарующей улыбке, и бархатистый голос, играющий на струнах души. Как же я мечтала услышать завораживающий шепот, от которого замирает все внутри, а в животе начинают порхать мотыльки. Из-за недовольно проворчавшей совести я отпрянула от молодого мужчины, чувствуя, как краска смущения заливает лицо, и тут же наткнулась спиной на острые осколки, зависшие в воздухе.

Ламир взмахнул рукой, и они со звоном упали на пол. Я окинула взглядом просторное помещение и с досадой оценила причиненный ущерб. Как минимум три зеркала придется заменить. Закончив осмотр, снова обратила взор на дознавателя, который с легким прищуром и нескрываемым любопытством проходил по мне пробирающим до дрожи взглядом. Я чувствовала себя перед ним неловко в плотно сидящих на бедрах штанах и тоненькой тунике. Но сейчас больше волновало: как много ему довелось увидеть? Однако Ламир не стал томить меня в неведении.

— А вы умеете удивлять, лира Айрис. Никогда бы не подумал, что в вас таится такая большая сила. Ваше стремление овладеть ею похвально, но на будущее дам совет: приступайте к тренировкам лишь с холодным сердцем. Магия не прощает ошибок. Неопытность в сочетании с бунтующими эмоциями могут иметь губительные последствия. Разве я неправ?

— Почему стихия вышла из-под контроля? — я сделала вид, будто его слова не задели мое самолюбие.

— Во-первых, вы потеряли контроль над магией, вероятно из-за отвлекающих мыслей. В этом деле нужна максимальная концентрация, а не витание в облаках. Во-вторых, сила файерболов была несоизмерима с выставленным щитом, который истончился под их мощью. Они попросту перетянули ее на себя. Если этот случай не изменит вашего желания овладеть магией, то стоит сменить балльный зал на открытую местность, а то разнесете здесь все, сровняете замок с землей... И научитесь накрывать себя в подобных случаях защитным куполом, — Ламир отчитывал меня, как магистр непутевую адептку в академии.

Но учебное заведение пока оставалось лишь пределом мечтаний. Повисшая на мгновение тишина была нарушена дознавателем:

— Что с моим отцом? Целитель не дал внятного ответа, вдобавок еще и не пустил к нему. Хотелось выложить все как на духу, однако не осмелилась нарушить данное обещание, поэтому вымолвила лишь:

— Никто не знает, что это за болезнь, но такое впечатление, что ее природа магическая. Ему не помогает ни одно лекарство. Он просто угасает.

— Проклятие? — Ламир нахмурился, и его широкие брови сошлись на переносице. Я кивнула. — Кто же так постарался?

Проницательный взгляд дознавателя подталкивал сказать правду, но я устояла и только пожала плечами. Он провел рукой по волосам, сильно взъерошив их.

— Все плохо? — в синих глазах промелькнула надежда, что я отвечу отрицательно, но мне пришлось прошептать «да». Мужчина заметно сгорбился, словно на его плечи навалилась непомерная тяжесть, а на лбу залегли глубокие морщины. Он смотрел в пол, видимо желая скрыть боль, поселившуюся в его сердце. Мой ответ вновь погрузил балльный зал в напряженную тишину. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Я пытаюсь найти способ нейтрализовать проклятие, но результат пока нулевой, поэтому и попросила вас приехать в надежде, что вместе мы обязательно что-нибудь придумаем. Возможно, вы знаете могущественного мага, который справится с непростым заклинанием?

— Сколько у нас времени? — Ламир резко вскинул голову и впился взглядом в мое лицо. Я не выдержала, опустила глаза и дрожащим голосом отозвалась:

— Думаю, немного...

— Сколько? — требовательно повторил он вопрос. Я не хотела приносить ему мучения, но скрывать правду сейчас было не в моих интересах.

— Где-то около недели.

— Так мало? — охнул Ламир, потрясенный услышанным, и снова запустил пальцы в волосы. — Я немедленно отправлю лэру Клейтону письмо с просьбой о неотложной помощи. Возможно, если он сам не справится с заклинанием, то хоть посоветует, к кому обратиться. Профессор преподает смертельные заклинания в Высшей академии магии, — пояснил мужчина, заметив мой озадаченный вид. — Но сперва я все же намерен поговорить с отцом. Может, он даст вразумительный ответ.

Мужчина направился к распахнутой двери, ступая по осколкам, которые хрустели под ногами, а я смотрела ему вслед и не могла отвести взгляд, одновременно радуясь и огорчаясь его приезду. Время не притупило чувства. Казалось, разлука заставила их вспыхнуть с новой силой. Однако они померкли в череде следующих дней, наполненных суетой и тревогами.

Мы практически не виделись и не общались. Я по-прежнему пропадала в библиотеке, а Памир — в разъездах. Каждый вечер после партии в шахматы с отцом он садился в экипаж и куда-то уезжал, а возвращался лишь незадолго до ужина, который проходил теперь в личных покоях Тонли-старшего. Конечно же, я составляла им компанию. Мы оба старались воспользоваться оставшимися мгновениями, отмеренными судьбой дорожному нам человеку. Супруг догадался, что внезапное появление в замке Памира — моих рук дело, однако не проронил ни слова. Вместо них он бросил на меня укоризненный взгляд, сменившийся вскоре благодарным. Дознательно было крайне нелегко надевать улыбку и уже с ней заходить к отцу, чтобы лишний раз не расстраивать его. Недостаток сна и переживания сказались на молодом мужчине. Он заметно осунулся, под глазами залегли тени, кожа на лице приобрела сероватый оттенок, а всегда аккуратно подстриженная бородка и усы сильно отросли. Однако это его нисколько не заботило. Голову Памира занимала лишь мысль о спасении отца.

Наиболее волнительным и полным надежд моментом стал приезд профессора Клейтона, оказавшегося по совместительству еще и ректором Высшей академии магии. Немолодой лэр среднего роста с пронизательными карими глазами отложил все дела и примчался при первой же возможности к своему давнему другу. Тонли-младший долго совещался с профессором в рабочем кабинете хозяина замка после проведенного осмотра, и, судя по мрачному лицу, с которым Памир появился в коридоре, прогнозы были неутешительными.

Мужчины пили в гостинной кофе, когда я набралась смелости и поступила довольно-таки дерзко: нарушила их уединение, однако на то имела весомая причина. Присев в глубоком реверансе, опустилась в свободное кресло неподалеку от профессора, разглядывавшего меня с не меньшим интересом, чем я его. Памир был вынужден представить нас друг другу.

— Прошу простить мне вольность, лэр Клейтон, но мои действия продиктованы исключительно заботой о драгоценном здоровье супруга. Лэр Тонли отзывался о вас как о замечательном специалисте в области смертельных заклинаний, в чем я нисколько не сомневаюсь. Поэтому хотела бы расспросить: доводилось ли вам слышать ранее об артефакте, способном снимать сильнейшие проклятия?

Мой вопрос вызвал озадаченность у профессора. Он некоторое время молчал, будто обдумывал, стоило ли делиться с нами столь ценными сведениями, но, пройдясь по мне несколько раз изучающим взглядом, наконец вымолвил:

— Лира Айрис, вы второй человек, от которого я слышу о его существовании за всю свою немаленькую жизнь. Прежде чем отвечу, позвольте узнать: не лира ли Лиадна Телания рассказала вам о нем?

Глава 38

— Да, она, — я старалась сохранять невозмутимость, дабы не быть уличенной во лжи.

— Не проще ли получить информацию об артефакте из первых уст? — мужчина слегка прищурился и подался корпусом вперед.

— Это невозможно, — наверное, мои слова прозвучали слишком резко, судя по тому, как профессор поморщился.

— Отчего же?

— Она умерла десять лет назад.

— Тогда откуда у вас такие познания, если ее нет в живых? — казалось, он не поверил в услышанное.

— Лиадна Телания — моя мама.

Его лицо вмиг изменилось: на нем появились печаль и сожаление. Лэр Клейтон потупил взгляд и негромко проговорил:

— Теперь понятно, почему мне показались так знакомы и ваша внешность, и этот кулон.

— Может, он и есть тот самый артефакт? — возбужденно воскликнула я.

— Это вряд ли, — ректор слегка покачал головой.

— Почему? — растерянно посмотрела на немолодого лэра.

— Лира Айрис, вы должны понимать: артефакт — это не какая-нибудь обыкновенная вещь.

Это предмет, наполненный огромной силой, которую невозможно не почувствовать... —

профессор внезапно замолк и, устремив взор на подарок матери, немного погодя с задумчивым видом добавил: — Только если не скрыть ее специальными заклинаниями.

— А вы можете попробовать снять их, если таковые на нем имеются?

— Да, конечно! — глаза лэра Клейтона загорелись восторгом, как у ребенка при виде подарка, а когда я сняла каплевидное украшение, мужчина и вовсе поднялся с диванчика и сделал несколько шагов мне навстречу. Видимо, ему самому не терпелось узнать, так ли это.

Ректор торопливо забрал подарок матери, стал проделывать над ним странные пассы руками и шептать незнакомые слова. Мое сердце тем временем заходило в болезненном частом стуке.

В ожидании вердикта ладони вспотели, а пальцы неосознанно мяти ткань платья. Когда профессор закончил и с мрачным лицом вернул мне нагретый кулон, я все поняла еще до того, как был озвучен ответ. Надежда, заново вспыхнувшая в душе пару мгновений назад, начала рушиться.

— В нем нет никакой силы. Даже камень, похоже, не драгоценный, а простая стекляшка.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь в разговор, но вы можете объяснить, о чем толкуете? — заговорил Ламир, молчавший все это время.

— Согласно утверждениям лиры Лиадны у нее был артефакт, способный снимать даже самые сложные смертельные заклинания.

Неожиданно глаза Тонли-младшего загорелись надеждой. Он встал с кресла, подошел к каминной полке и устремил на меня свой взгляд.

— И где он сейчас?

— Без понятия. Вернее, я не знаю, что он собой представляет, — в моем голосе послышались нотки вины.

— К сожалению, и я здесь ничем не могу помочь, — старший мужчина развел руками.

— Лэр Клейтон, неужели вы совсем ничего не припоминаете? — теперь за профессора взялся Ламир, чему я очень обрадовалась.

— Не совсем так, лэр Тонли. Наверное, стоит немного пояснить. Лира Лиадна была сильной магией и подавала большие надежды в алхимии, но помимо этого у нее имелось поразительное чутье на разного рода проклятия.

— Дар, — торопливо поправила ректора.

— Да, именно так она называла свои способности. Юная лира говорила, что им обладала и ее бабушка, и прабабушка, и прапрабабушка. На практике она безошибочно определяла все виды проклятий. Конечно же, я заинтересовался этой особенностью. Наверное, с моей стороны было бы глупо не предложить лире Лиадне дополнительные занятия, чтобы лучше понять, как этот дар работает. Она охотно согласилась. Мы проводили вместе много времени, но она лишь однажды упомянула об артефакте. Честно, я не воспринял ее слова всерьез, но попытался разузнать, что к чему, однако адептка пошла на попятную, видимо заметив мое недоверие.

— Почему о нем нет даже малейшего упоминания в книгах? — я пользовалась моментом, желая побольше разузнать о том, что могло спасти жизнь Аарону.

— Он не обязательно должен быть древним. Его может создать любой и ныне живущий могущественный маг. Смысл заключается в том, что в предмет вкладывается сила или же только ее часть. Но это, без сомнения, нужно уметь делать.

— Как же тогда его найти? — в моем голосе прозвучали нотки разочарования и смятения.

— К сожалению, ничем не могу помочь. Мне тоже хотелось бы хоть раз взглянуть на артефакт и понять принцип его действия, — профессор поджал губы.

Я сидела и лихорадочно искала возможные пути выхода из сложившейся ситуации, немолодой мужчина тем временем вернулся к остывшему кофе, подогрев его всего одним взмахом руки, а Ламир продолжал смотреть в одну точку, будто анализировал услышанное.

— Лира Айрис, у вас есть упомянутый дар? — внезапно обратился ко мне дознаватель.

— Видимо, нет. Я не чувствую его, — мои щеки покраснели от смущения и ощущения вины.

— Адептка Лиадна говорила, что он пробудился в ней после сильного потрясения, — вымолвил ректор, поставив на столик пустую чашку.

— Неужели я недостаточно перенесла потрясений в жизни? — казалось, я произнесла это тихо, но моя фраза достигла ушей мужчин.

— Бывает такое, что сила может отдохнуть на одном поколении и возродиться лишь в следующем. Магия, несмотря на ее вездесущность, еще плохо изучена. Как бы мне ни было горько признавать, я не знаю, как спасти своего старого друга.

Глаза обожгли невольные слезы, я часто заморгала и, откланявшись, направилась к выходу.

Едва взялась за дверную ручку, замерла. На меня внезапно словно вылили ушат ледяной родниковой воды. Слова профессора «мы проводили вместе много времени...» сами неожиданно всплыли в памяти, заставили обернуться и начать пристально разглядывать лицо ректора в поисках схожих с моими черт. Странное поведение не осталось без внимания вмиг замолчавших мужчин. Они оба в недоумении неотрывно смотрели на меня. Набрав побольше воздуха в легкие, я решила задать важный вопрос:

— Пэр Клейтон, прошу простить мое излишнее любопытство, но не расскажете, какой вы обладаете стихией?

«Только не она... только не она... — повторяла я про себя, скрестив пальцы на удачу. — Мама бы точно не осмелилась пойти на такой шаг».

— Огонь, — отозвался профессор, не подозревая, что своим ответом через мгновение выбьет у меня землю из-под ног. Комната закачалась перед глазами, будто я оказалась на корабле. — Почему вас так это заинтересовало?

— Чисто из любопытства.

Я выдавила улыбку и, попрощавшись, бросилась в свои покои, чтобы дать волю рвущимся наружу слезам. Меня не заботило, что предательски дрогнувший голос выдал ложь. Сейчас все мысли занимал лишь тот факт, что в гостиной мог сидеть мой настоящий отец. Радости от этого я никакой не испытывала. И дело не в том, что он был едва ли не вдвое старше матери на момент ее учебы в академии, а в жене и детях, которые у него несомненно имелись. Все попытки понять маму оказались тщетны. Несмотря на очевидное, я продолжала уповать на то, что мои выводы преждевременны. Но однажды мне придется посмотреть правде в глаза.

Глава 39

За окном уже стемнело, когда раздался короткий стук в дверь. Следовало давно начать сборы к ужину, а я все сидела и вглядывалась в крошечную тьму. Нужно было найти в себе силы, чтобы продолжить сражение за жизнь Аарона, но, казалось, они исчерпали себя. Позволив незваному гостю войти, щелкнула пальцами и тут же зажмурилась от яркого света, залившего комнату. В помещение быстрым шагом вошел Ламир. Он несколько мгновений молча всматривался в мое заплаканное лицо и лишь потом заговорил:

— Лира Айрис, не стану отнимать у вас много драгоценного времени, у меня всего один небольшой вопрос.

— Задавайте. Смогу — отвечу, — сегодня я была не слишком с ним любезна. Этот день принес сплошные разочарования. Поднявшись с кресла, подошла к камину и невольно обхватила себя руками. Но тепло, исходившее от огня, не согревало продрогшее от холода и одиночества тело.

— Моему отцу известно о вашем предполагаемом даре и артефакте?

Устав от лжи, четко произнесла:

— Да.

За спиной раздались еле слышные шаги. Я напряглась, но так и не обернулась.

— Неужели он женился на вас, надеясь на спасение? — бархатистый голос дознавателя прозвучал так близко, что его дыхание коснулось моей шеи.

— Ваш отец благородный человек. Он не стал бы так поступать. Думаю, у него имелись на то свои причины.

— Какие же?

— Об этом вам лучше спросить у него самого.

После данных слов, сказанных довольно резко и недружелюбно, Ламир покинул мои покои, а я продолжила смотреть на пламя. Тревога, отчаяние и осознание собственной беспомощности не отпускали ни на секунду. Время шло, оно неумолимо приближало день рождения супруга, который, согласно календарю, был уже завтра. От тягостных мыслей меня отвлекла вошедшая в комнату горничная, напомнившая, что совсем скоро состоится ужин.

Тонли-младший, доиграв с отцом вчерашнюю партию в шахматы, не начал новую, а ушел к себе, сославшись на усталость. Я же осталась с супругом.

— Айрис, ты ходишь последние дни мрачнее тучи. Что случилось? Это из-за меня? — бывший советник взял меня за руку. Лгать сейчас не было никаких сил, поэтому призналась:

— Я не хочу, чтобы вы так рано уходили. Только не сейчас, — с мольбой посмотрела на Аарона и прижала тыльную сторону его ладони к своей щеке.

— А когда, дорогая? Через год... два... десять? Сколько бы ни прошло времени, ты никогда этого не захочешь.

— Я не готова снова остаться одна, — тихонько всхлипнула, всячески стараясь сдержать очередную порцию слез.

— К этому нельзя подготовиться, надо просто смириться и принять как должное. Устроенная вами суматоха — также причина, по которой я не хотел рассказывать о своей близкой кончине. Вместо того чтобы проводить остаток времени со мной, вы носитесь в поисках возможностей продления моей жизни, хотя я потратил на это не десять лет, и даже не двадцать. Сам император пытался мне помочь, и все оказалось бесполезно, — в его голосе слышались нотки раздражения и злости. — Айрис, моя смерть — путь к твоей свободе.

— Она мне не нужна, — без колебаний выпалила я.

— Глупая, — с доброй усмешкой отозвался Аарон. — Готова провести всю молодость, будучи замужем за стариком? Ведь расторгнуть брак мы сможем только в случае признания несостоявшейся консумации, а это повлечет за собой множество проблем и вопросов. Хочешь вернуться под опеку отчима, который продаст тебя очередному Росману? — Аарон пристально смотрел на меня в ожидании ответа, а я молчала, не в состоянии подобрать нужные слова. — Дорогая, я с радостью заплачу эту цену ради твоего счастливого будущего. Поверь, она мизерна, в особенности если ты сделаешь и моего сына счастливым.

— А если попробовать найти кого-нибудь из родственников... того парня? — я запинаясь, не желая причинить ему еще больше боли. — Возможно, кто-нибудь из них вам поможет?

— Незадолго до двадцатилетия, боясь, что не переживу его, несмотря на ритуал, проведенный твоей бабушкой, я нашел ту женщину. Умолял ее простить, снять проклятие. Знаешь, думал, она выставит меня за порог, не позволит и слова сказать, но магиня все выслушала. После долгого молчания она ответила, что не в силах забрать проклятие обратно и уже что-либо изменить, что ценой своей жизни ее внук спас многих других, подобных ему. И каждому из нас придется научиться жить с виной за содеянное. Поэтому, Айрис, я буду счастлив, если вы завтрашний день проведете со мной, с улыбками на лице, что бы ни творилось у вас на душе. Обещаешь?

— Обещаю... отец, — слезы без остановки текли по щекам, но я заставила себя улыбнуться, вынудив своим обращением прослезиться и бывшего советника.

Покои Аарона я покинула далеко за полночь. Из-под плотно прикрытой двери комнаты дознавателя, сказавшего, что отправится спать, виднелась тоненькая полоска света. Едва я занесла руку, чтобы постучаться, опустила ее и двинулась дальше по коридору.

За всю ночь мне удалось лишь на час сомкнуть глаза. Тяжелая плита, давившая на грудь, не позволяла сделать вдох, не говоря уже про то, чтобы забыться крепким сном.

На улице было еще темно, когда я встала с кровати, надела платье и поспешила в столовую, надеясь застать там рано поднимающегося молодого мужчину. Однако стоило подойти к окну возле лестничной площадки, как подхватила юбки и побежала со всех ног, боясь опоздать, —

дознаватель уже садился в экипаж. Хотя я была в легком платье и туфлях на низеньком каблучке, выскочила на улицу, нисколько не заботясь о своем внешнем виде и здоровье. — Лэр Тонли! Лэр Тонли! — бросилась я вслед удаляющейся карете. — Ламир! — пронзительно закричала и, поскользнувшись, упала на усыпанную снегом дорожку. Ладони и колени обожгло. Следовало поскорее встать, чтобы не простыть, но ноги беспрерывно разъезжались на обледеневшей земле.

— Лира Айрис? — раздался над ухом взволнованный голос дознавателя, который подхватил меня под локоть и рывком помог подняться. Он взмахнул рукой, и морозный ветер куда-то исчез, уступив место окутывающему теплу. — Что вы здесь делаете?

— Вам не стоит никуда уезжать сегодня. — я потупила взгляд, не осмелившись проговорить это, глядя мужчине в глаза.

— Сегодня? — непонимающе спросил Ламир, но потом до него дошло. — Тогда пойдемте в дом, лира Айрис. Не будем тратить время. У нас его не так много осталось. Мы все вместе завтракали, обедали, старались как можно больше шутить и улыбаться, хоть это было безумно сложно. Вечером повар подал роскошный праздничный ужин. Вот только даже кусок в горло не лез. Никто не отходил от Аарона ни на шаг, но, едва часы пробили одиннадцать, он попросил Ламира покинуть комнату на пару минут и зайти после меня.

— Ну что, Айрис, вот и настало время нам попрощаться, — супруг натянуто улыбнулся. — Береги себя!

— Я люблю тебя, папа! — бросилась на грудь Аарону. — Ты лучший отец на свете.

— Ия люблю тебя, доченька! А ты — мой второй подарок судьбы, и я рад, что мы с тобой встретились. Жаль, что так поздно, но Катрина и так меня уже заждалась. А теперь позови Ламира, я должен перед уходом еще дать ему пару наставлений.

Я поцеловала его в щеку, изо всех сил сдерживая слезы, крепко обняла и направилась к двери. Там, стоя у выхода, я еще раз обернулась и долго-долго на него смотрела, пытаюсь запомнить до мельчайших черточек дорогой мне образ. Нажав на ручку, с невидящим взором двинулась к себе, столкнувшись по пути с Ламиром. Я сидела на кровати в своей комнате и раскачивалась из стороны в сторону. Внезапно за окном завывла вьюга, словно безутешно рыдающая мать по своему ребенку, а часы в комнате остановились. Я все поняла... Ведь давно уже заметила, что все самое плохое происходит непременно ночью.

Зажав между зубами платок, чтобы помешать крику сорваться с губ, завывала. Боль и горе, поселившиеся где-то в груди, казалось, вот-вот разорвут меня на части. Словно им стало внутри невыносимо тесно и они захотели покинуть мое тело.

Комната, погруженная во мрак, вдруг наполнилась светом — зеленоватым, сперва тусклым, едва заметным, но с каждой секундой он становился все ярче, в какой-то момент и вовсе прогнал темноту даже из самых дальних углов. Я попросила, чтобы меня оставили в покое, выключили свет и не тревожили всю оставшуюся жизнь. Но, оказалось, сияние исходило от моей кожи. Я закричала от дикого ужаса, и тогда помещение залил ослепительный свет. Раздался звон бьющегося стекла, будто дикий зверь, затаившийся где-то в помещении, от испуга выбросился в окно. В покои тут же ворвалась метель, чтобы укрыть меня белоснежным покрывалом, защитить от всех невзгод и колючего мира.

Глава 40

Похороны Аарона, на которых все лица смешались в одну серую массу, я практически не помнила. Они прошли тихо и без помпезностей — такое распоряжение отдал супруг незадолго до смерти. Он не любил излишнее к себе внимание при жизни и просил не забывать об этом и после его ухода. Однако почести, полагающиеся ему как бывшему советнику, все же были оказаны.

Следующие три дня я не покидала свою комнату. Просто лежала, свернувшись калачиком, на постели, погрузившись в раздумья и не желая никого видеть. Но в памяти отложилось, как кто-то приходил ко мне и заставлял пить успокоительные капли, вливал магию. Но это лишь на время избавляло от самобичевания. Я неустанно корила себя за то, что не спасла любимого человека. Боль утраты и чувство собственного бессилия сжигали все внутри. И пусть мой дар

пробудился уже после кончины Аарона, пусть я не знала, смогла бы помочь ему без артефакта или нет, это не уменьшало поселившегося в душе ощущения вины.

В пятницу с самого утра мое уединение нарушила горничная, передавшая указание Ламира: явиться к десяти в рабочий кабинет для заслушивания завещания покойного супруга. Я неохотно приняла ванну и надела черное платье. Именно этот цвет мне полагалось носить ближайший год в знак скорби по мужу.

В назначенный час я опустила в свободное кресло рядом с новым главой рода Тонли и сложила слегка исхудавшие руки на коленях. Напротив нас за массивным столом восседал Генри — поверенный мужа в делах. Он неторопливо перекладывал лежащие перед ним бумаги то в одну стопку, то в другую, словно намеренно тянул время, и старательно избегал смотреть нам в глаза. Мне же хотелось, чтобы это все поскорее закончилось. Тогда можно было бы снова вернуться в свои покои, спрятаться в четырех стенах от любопытных взглядов прислуги и их постоянных перешептываний за спиной.

Генри, наконец, взял в руки первую страницу из стопки внушительных размеров, прочистил горло и скорбным тоном стал произносить заученные выражения соболезнований:

— Лэр Тонли, лира Айрис, мы собрались здесь сегодня при весьма печальных обстоятельствах...

— Лэр Крегсби, давайте перейдем непосредственно к завещанию, — перебил мужчину Ламир. Ему, видимо, как и мне, хотелось покинуть этот кабинет, в котором все напоминало о его бывшем владельце.

Поверенный кивнул, устремил взор на исписанный лист бумаги и вновь громогласно заговорил: — «Я, Аарон Тонли, находясь в здравом уме и твердой памяти, действуя добровольно, завещаю: своему преданному слуге, дворецкому Дилару Шелтону, сумму в триста золотых...»

Мужчина безэмоционально зачитывал последнюю волю моего супруга, перечисляя имена едва ли не всех людей, которые когда-либо прислуживали в этом замке. Он замолчал лишь однажды, чтобы сделать глоток воды, но, казалось, проглотил язык, когда дошел до самой важной части. Однако, бросив на Ламира мимолетный взгляд, Генри слегка повел плечом и снова продолжил: — «Супруге, Айрис Тонли, я завещаю сумму в размере восьми тысяч золотых. Следующее же неоднократно взвешенное решение я принял самостоятельно и без чьего-либо давления. Итак, все свои сбережения, которые останутся после ранее упомянутых выплат, я завещаю своему единственному сыну, Ламиру Тонли. Родовой же замок, как и полагающуюся земельную ренту, я передаю в равноправное владение двум моим самым близким и любимым людям: восточное и южное крылья переходят к моей супруге Айрис Тонли, а северное и западное — Ламиру Тонли...»

Я не поверила услышанному и тупо уставилась на поверенного. Согласно этому пункту я становилась хозяйкой замка наравне с дознавателем. И ему это, конечно же, не понравилось.

— Нет! — возмутился сидящий рядом молодой мужчина и вскочил с места будто ужаленный. Его лицо приобрело тот же оттенок, что и у лежащего на полу бордового ковра. — Нет! Не может быть! Он не мог так со мной поступить! Разве у нас мало имен и особняков? Что это еще за шутка?

— Лэр Тонли, успокойтесь, — твердо проговорил Генри, пытаясь охладить пыл Ламира. — Завещание вашего отца не подлежит пересмотру и не может быть оспорено ни одним судом. Для вас обоих у меня имеются два запечатанных конверта. Возможно, в них найдется объяснение его поступку.

— Как я могу успокоиться, когда меня выгоняют из собственной же комнаты?! — дознаватель выхватил из рук поверенного письмо, бросил на меня короткий холодный взгляд и стремительно покинул кабинет, оглушительно хлопнув дверью, так и не дослушав до конца последнюю волю отца.

Генри поджал губы, словно в чем-то был виноват, и протянул мне второй конверт, совсем тоненький. Я прижала его к груди как самое ценное и дорогое, что у меня осталось, и направилась к себе. Едва переступила порог комнаты, села в кресло у окна, взломала с хрустом сургучную печать и дрожащими пальцами достала сложенный вчетверо листок бумаги, исписанный красивым каллиграфическим почерком. Я с трудом сдержала набежавшие слезы и, тяжело вздохнув, погрузилась в чтение:

«Моя милая и дорогая Айрис.

Если ты читаешь сейчас это письмо, значит, я наконец обрел покой. Не проливай по мне лишний раз слез, не трать драгоценное время, а соберись с силами и займись личной жизнью. Наверное, мой сын в данную минуту вне себя от гнева. Однако Ламир, как и подвластная ему стихия, быстро загорается, но так же быстро и угасает. Главное, чтобы мой мальчик не позволил долго тлеть поселившейся в душе обиде. Если вы соедините свои судьбы, то осуществите самую заветную мою мечту. Помни: счастье отныне только в твоих руках! И не забывай, что ты его достойна! А теперь, как бы ни было страшно, отправляйся на поиски моего сына и заключи с ним первую сделку: обменяй право посещать библиотеку на его личные покои. Сделай все от тебя зависящее, но не дай ему поселиться в другом крыле. Дорогая, ты всегда в моем сердце.

Люблю, целую, Аарон Тонли»

Пусть мне сейчас было не этого, следовало поступить так, как завещал бывший советник. Я не позволила себе всплакнуть, а разгладила складки на платье и, спрятав в ящик письменного стола конверт с последним обращением супруга, покинула комнату. От меня требовалось совсем немного, но время шло, а я стояла с занесенным для стука кулачком и прислушивалась к звукам по ту сторону двери. Судя по тяжелым шагам и сильному грохоту, там определенно кто-то был. В какой-то момент я все же решилась напроситься в гости. Услышав позволение войти, брошенное сухо и неприветливо, нажала на ручку. Я еще не успела увидеть владельца этих покоев, как мой нос обволокли приятные древесные нотки парфюма дознавателя.

Ламир, услышав нерешительные шаги, вышел мне навстречу. Синие глаза в мгновение превратились в замораживающие душу льдинки.

— Пришли поторопить меня, лира Айрис? Можете не волноваться, к вечеру освобожу покои, — его голос был так же недружелюбен, как и взгляд.

— Лэр Тонли. — я набрала побольше воздуха в легкие, поскольку боялась струсить и поддаться желанию сбежать подальше от молодого мужчины, от которого так и веяло силой вперемешку со злостью. Немного успокоившись, продолжила: — Мне не хотелось бы, чтобы вы покидали из-за меня свою комнату. И предлагаю сделку.

— Какую же? — широкие брови Ламира от удивления взлетели вверх. Однако вскоре на его лице появилась настороженность.

— Поскольку библиотека находится в принадлежащем вам западном крыле, не согласитесь вы ли предоставить мне право на ее посещение в обмен на ваши покои?

Только выпалив это, я смогла перевести дыхание. Ламир же не торопился с ответом, а, скрыв за непроницаемой маской отчуждения все чувства и мысли, не отрываясь смотрел мне в глаза. Казалось, еще секунда — и я все же рвану с места, позабыв о наказе Аарона.

Глава 41

— И вы готовы прямо сейчас передать их в мое безраздельное распоряжение, считайте, на безвозмездной основе? — взгляд дознавателя стал немного мягче, не таким колючим, как еще мгновение назад.

— Да, — я произнесла согласие так тихо, что Ламир, скорее всего, прочел его по моим губам.

— Заманчивое предложение, лира Айрис, но... я подачки не приемлю. Ведь право посещения библиотеки мелочь по сравнению со стоимостью этой комнаты, — мужчина обвел рукой просторное помещение, и только теперь я осмелилась осмотреться.

Если считала свои покои огромными, то его по размеру превосходили мои раза в два. Они были выполнены в бело-синих тонах. Таких же синих, как и его глаза. Покрывало на королевской кровати, хранившей след от тела, обивка на стульях и небольшой софе, плотные гардины,

мягкий ковер на полу — все это напоминало по цвету ночное небо и контрастировало на фоне белых стен, драпированных шелком, мебели и белоснежных мягких подушек. Я покосилась на приоткрытую дверь, ведущую в ванную комнату, и заметила большую темно-синюю мраморную купель.

— Поэтому хочу внести встречное предложение, — бархатистый голос обладателя хором отвлек меня от их разглядывания.

— Какое? — теперь уже я с опаской смотрела на Ламира.

— Поскольку бальный зал также в соответствии с завещанием находится в моей собственности, я хотел бы предоставить вам право посещать и его. К тому же, если у вас есть желание продолжить тренировки, могу преподавать несколько уроков по владению огнем.

— Это очень великодушно с вашей стороны, — настал мой черед удивляться. Резкие перемены в настроении молодого мужчины пугали.

— Не более, чем с вашей. Да и я выполняю просьбу отца: обучить вас хоть немного магии огня, — на мгновение между нами повисло тягостное молчание. В глазах Ламира промелькнула боль утраты, но он быстро ее спрятал за привычной маской. — Лира Айрис, я приношу извинения за свое неподобающее поведение при зачитывании завещания, но прошу понять и меня. На моей памяти такое впервые, чтобы родовой замок не достался всецело главе рода. Я не знаю, чем были продиктованы мотивы отца, однако мне стоит смириться и принять все, как есть. С учетом вашего дружелюбного характера и достойного воспитания, думаю, мы найдем компромиссное решение и не станем злейшими врагами. А теперь предлагаю скрепить наше устное соглашение письменным договором. Вы не против?

— Нет, — я едва заметно покачала головой. Наверняка Аарон догадывался, что все обернется именно так, иначе бы не отправил меня к Ламиру.

Внезапно меня охватили странное спокойствие и решительность. Я не хотела больше жить в вечном страхе перед завтрашним днем, поступать, оглядываясь на мнение окружающих, ждать одобрения от воспитательниц пансиона, отчима, подруг. Я начала бояться другого: что в старости, сидя в кресле-качалке у камина, поглядывая на оранжевое пламя, буду сожалеть не о содеянном, а о том, на что так и не хватило смелости.

— Тогда приступим. Вероятно, ваш почерк намного разборчивее моего. Не окажете мне услугу по составлению документа?

Как только я уверенно кивнула, мужчина жестом указал на стол, на котором лежали письменный набор из нескольких перьев и чернильницы, стопка бумаги и толстая кожаная папка, вызвавшая дрожь во всем теле. Она напомнила о дне, когда столько всего довелось узнать о матери. Наверное, теперь всегда при виде нее у меня будут возникать дурные предчувствия. Неторопливо опустившись в кресло, взяла чистый лист, обмакнула перо в чернила и приготовилась писать.

Ламир встал рядом со мной, оперся одной рукой о стол, другой — о спинку кресла, в котором я сидела, и начал ровно и четко диктовать содержание договора. Не прошло и получаса, как мучения закончились, ведь иначе не назовешь то, через что мне пришлось пройти. Столь близкое присутствие молодого мужчины нервировало и волновало, мешая сосредоточиться на письме. Однако каким-то образом я смогла справиться с мыслями, не поддаться его очарованию и не наделать ошибок. Поставив точку, протянула дознавателю лист бумаги. Он забрал его, задев своими горячими пальцами озябшие мои, пробежал глазами по написанному и довольно кивнул.

— Сделайте, пожалуйста, копию, и я немедленно pošлю документы поверенному.

Под рукой тут же очутился чистый лист, и я торопливо, не заботясь о почерке, начала переписывать содержимое договора. Ламир же, нависнув надо мной, внимательно следил за текстом, но в какой-то момент ему это наскучило, и его целью стала я. Нет, он не дотрагивался ко мне в прямом смысле, но обжигающее дыхание, которое я ощущала на шее, ухе, щеке, будоражило не меньше настоящих прикосновений. С трудом осилив последние слова, передала Ламиру второй лист и торопливо встала с кресла, увеличив между нами расстояние. Я собиралась совершить побег, но мужчина не позволил мне так быстро ретироваться.

— Лира Айрис, я понимаю, нас ждут тяжелые времена, однако искренне надеюсь, что общее горе не позволит нам наделать кучу ошибок, — вот уже во второй раз дознаватель заводил речь о том, чтобы не стать врагами. — До весны, как и планировал ранее, я пробуду в замке, а потом вернусь в столицу. И тогда каждый из нас пойдет своей дорогой.

— Лэр Тонли, не в моих интересах ссориться с вами, поэтому я всячески буду стараться войти в ваше положение, но это не значит, что стану потакать любым вашим желаниям. А теперь прошу меня простить, но я вынуждена вас покинуть.

— Вы куда-то торопитесь? — он нахмурился, из-за чего широкие брови сошлись на переносице, а на лбу залегли глубокие вертикальные складки.

Я не обязана была перед ним отчитываться, однако не могла позволить шаткому мосту, который мы с таким трудом построили после оглашения завещания, разрушиться всего парой брошенных на эмоциях фраз.

— Признаюсь, я еще не совсем хорошо себя чувствую. Последние дни...

— Вы ничего не ели, — закончил за меня Памир. Это было не то, что я собиралась сказать, но на моих глазах непременно появились бы слезы, если бы он дал мне договорить. — Лира Айрис, я благодарен вам за неиссякаемую веру и неустанные поиски возможности спасти моего отца.

— Я не спасла его. Дар проснулся слишком поздно, — воспоминания о той ночи заставили сердце сжаться в болезненном спазме.

Мне вновь стало стыдно, ведь Памиру, вместо того чтобы отдавать указания насчет организации похорон, пришлось нянчиться со мной. Именно он ворвался в комнату на мои крики, поставил на окно воздушный щит, прогнавший метель, ослабил свечение кожи, долго шептал утешающие слова, а когда они не действовали, погрузил в спасительную темноту. Именно он, со слов горничной, приходил ко мне и вливал магию, после того как тело Аарона погрузили в саркофаг и запечатали семейный склеп.

— Вы ни в чем не должны себя винить. Ведь вы не знаете, хватило бы для его спасения одного лишь дара или потребовался бы еще и упомянутый ранее артефакт. Ваша скорбь, лира Айрис, была искренней. Такое сыграть невозможно. Вы любили его? — Памир внезапно сменил тему разговора. Он пристально смотрел мне в глаза, не позволяя отвести взгляд.

— Да! Очень! — выпалила я без малейших раздумий.

— Не смею вас больше задерживать, лира Айрис, но попросил бы пока не выходить одной на улицу, — мужчина поджал губы, отвернулся и подошел к окну. — Если надумаете подышать свежим воздухом или прогуляться до оранжереи, берите с собой охрану.

— Зачем? — я почувствовала, как по спине пробежал озноб. Липкие щупальца страха медленно, но верно подбирались к сознанию, пытаясь завладеть им.

— Ради вашей же безопасности.

— Чем продиктована столь трепетная забота? — требовательно произнесла я, желая услышать четкий ответ. Раз сказал «а», пусть теперь договаривает и «б».

— Мои люди заметили в последние дни некоторые странности, которые я еще анализирую. Возможно, тревога ложная, но не стоит искушать судьбу. В пределах замка вам нечего бояться. Он охраняется с помощью специального кристалла и множества маячков, поэтому я пока попросил бы вас ограничиться этими стенами. Однако вам определенно стоит научиться защищаться и блокировать сознание от воздействия всевозможных чар. Как будете готовы, скажите.

— Марвел? — меня тут же передернуло от воспоминаний о Росмане.

— Понятия не имею. Даже если это и он, его скоро непременно возьмут. Кстати, как будем делить обеденный зал? Он ведь находится на стыке двух крыльев? — дознаватель в очередной раз перевел разговор в другое русло. Видимо, пытался тем самым отвлечь меня от волнительных мыслей и унять стремительно растущую в груди тревогу.

— Вы бы еще вилки с ложками поделили! — недовольно фыркнула в ответ.

— Как заманчиво звучит! Никогда таким не занимался. Вероятно, весьма увлекательное времяпрепровождение, но у меня есть более захватывающее предложение.

— Какое же? — мои ладони вмиг вспотели, и я их торопливо вытерла о мягкую ткань платья.

— Игра в шахматы. Ко мне в руки попало то, что несомненно заинтересует вас. О взаимовыгодной сделке мы непременно договоримся, — его взгляд устремился к толстой кожаной папке, из которой в разные стороны торчали пожелтевшие листы бумаги.

Душа тут же ушла в пятки. Бывших дознавателей явно не бывает. Ламир, скорее всего, вновь что-то накопал о моем прошлом, наполненном множеством тайн.

Я сглотнула, чтобы увлажнить пересохшее от волнения горло, и, не сводя глаз с документов, произнесла:

— Когда приступим?

— Этим вечером. Вас устроит?

Мне хотелось начать немедленно, не терпелось поскорее узнать, что в себе таят старые бумаги. С трудом переведя взгляд на мужчину, кивнула. Ламиру все же удалось заставить меня думать лишь о кожаной папке и прекратить неустанный самобичевание. Даже упоминание о Марвеле померкло на фоне предстоящей игры. Я уже догадалась: в случае выигрыша документы перейдут в мои руки, но что он попросит при проигрыше?

Едва покинула комнату дознавателя и вернулась в свои покои, принялась разбирать письма, присланные на мое имя после смерти Аарона. Их было немного, всего три: от Элании, отчима и Молли. Последнее сразу полетело в камин. Моя обида на девушку еще не сошла на нет. Казалось, наоборот, из-за горечи утраты любимого человека она вспыхнула с новой силой. Еще раз на ее уловки я не поддамся.

Поскольку письма Томаса Хотдженса всегда больше походили на записки, я начала именно с его послания. И, как всегда, угадала. Он не стал тратить свое драгоценное время и черкнул лишь пару строк, в которых выразил искренние соболезнования по поводу столь ранней кончины лэра Аарона Тонли и пригласил в ближайшее время провести хоть неделю в отчем доме, дабы сменить обстановку и заглушить боль, поселившуюся в моем сердце.

Я не сразу отправила письмо в огонь, а постояла немного в раздумьях. Не давали покоя его внезапная любезность и забота. Благо сам в гости не напрашивался и не извещал о своем прибытии.

Конверт, подписанный подругой, я не скоро решилась открыть, знала, что ее слова затронут струны души, которые заставят пролить слезы, хоть и выплакала их уже немало. Так и произошло. От первых же строк, выведенных аккуратным почерком, на щеках появились мокрые дорожки. Элания выражала не только сочувствие, но и негодование. Как оказалось, воспитанницы пансиона разделились на два лагеря: одни мне просто завидовали, а другие нисколько не сомневались, что это я позаботилась о скорейшем уходе из жизни немолодого супруга и вскоре меня непременно настигнет расплата. Подруга просила не обращать внимания на беспочвенные слухи. Она нисколько не сомневалась, что их источником был не кто иной, как Молли. Рыжеволосая соблазнительница безуданно плевалась ядом с тех пор, как Элтон Мольер, один из самых завидных женихов и ее запасной вариант, внезапно обручился с другой девушкой.

Едва я прочла последнее слово, горько усмехнулась и отправила это письмо вслед за остальными. Просидев в удобном кресле около получаса, понаблюдав за кружащимися в воздухе снежинками, глянула на часы и направилась в столовую. Пришло время обеда. Когда я вошла в просторное светлое помещение, Ламир стоял у окна, заложив руки за спину. Услышав мои шаги, мужчина тут же обернулся и двинулся к столу, но тень печали, поселившейся в синих глазах, я успела уловить еще до того, как он спрятал ее за маской равнодушия.

Дознаватель, как и полагалось главе рода, занял место Аарона. Ели мы в полной тишине, нарушаемой лишь стуком столовых приборов. И для него, и для меня эти перемены были тягостными, но жизнь, невзирая на беды, продолжалась. Ужин, после которого мы сразу же переместились в гостиную, прошел в точно такой же молчаливой обстановке. К тому времени папка с таинственным содержимым уже лежала на каминной полке.

— Каковы правила? — полюбопытствовала я, ощущая дрожь в кончиках пальцев, пока Ламир представлял шахматные фигуры.

— Очень просты, — отозвался он, даже не взглянув на меня. — Вы выигрываете партию — получаете несколько листовок вон из той папки. Если победа на моей стороне — вы переписываете на мое имя что-нибудь из своего имущества. Многое будет зависеть от того, что поставлено на кон.

— Хотите оставить меня ни с чем? — я сжала руки до боли в костяшках пальцев и судорожно вздохнула.

— Что же вы обо мне, лира Айрис, такого плохого мнения? Нет, я не собираюсь лишать вас ни крова над головой, ни состояния, а всего лишь хочу научить думать головой, когда эмоции будут брать верх над разумом. Не стану обнадеживать, вначале вам придется нелегко, но со временем ситуация изменится.

— Зачем? — озадаченно посмотрела на мужчину, опускаясь в удобное кресло.

— Вы богатая вдова. В скором времени у вас появится много ухажеров. Кто-то на самом деле заинтересуется исключительно вами, однако основную их часть привлекут именно деньги. Они будут заливаться соловьем, говорить вам такие слова, что вы можете не устоять под их давлением и совершить необдуманный поступок.

— Вам-то какое дело? — недовольно фыркнула, наблюдая за каждым движением дознавателя. — Деньги же не ваши.

Ламир подошел к каминной полке, вынул из папки несколько листов бумаги и устроился напротив меня за мраморным столиком, на котором уже были расставлены все шахматные фигуры. Сердце тотчас затрепетало от волнения. Мне хотелось поскорее узнать, что там написано.

— Согласен. Но принадлежали моему отцу. И мне небезразлично: пойдут они по ветру или приумножатся. Итак, чтобы подогреть интерес, я сделаю вам небольшой подарок.

Лэр Тонли положил передо мной один пожелтевший лист, и я торопливо взяла его в руки. К сожалению, ничего нового из него узнать не удалось. В нем говорилось, что моя мама, Лиадна Телания, двадцать два года назад была зачислена в Высшую академию магии на факультет алхимии. Я с толикой разочарования покосилась на стопку бумаг, лежавшую перед мужчиной.

— Сперва на кону будут только кладовые и подобные им комнаты. Если победа за мной, вы отписываете мне приз и лишаетесь возможности узнать что-нибудь о своем прошлом. К тому же игра приостанавливается на неделю.

— Почему так надолго?! — изумленно воскликнула я.

— Чтобы не оставить вас ни с чем и подготовить за эти дни к новой партии. На тренировках я буду учить не только магии, но и концентрации. Лира Айрис, если бы я не видел в вас достойного соперника, не затеял бы все это.

— Зачем вам тратить на меня столько свободного времени?

Ламир медлил с ответом, заставляя мое сердце еще сильнее забиться в тревоге, однако спустя пару секунд все же произнес:

— Я пообещал отцу подготовить вас к будущему. Хватит на сегодня разговоров. Приступим! — он потер в предвкушении победы ладони и позволил мне выбрать цвет фигур.

Получалось, Аарон, уговорив сына дать слово, попытался в очередной раз таким образом нас сблизить. Однако дознаватель был молчалив, погружался после каждого моего хода в долгие раздумья, а я тем временем только и делала, что косилась на стопку бумаг под крепкой мужской рукой. Она отвлекала, мешала сосредоточиться, подталкивая совершать необдуманные поступки. Конечно же. тем вечером я проиграла и ужасно расстроилась. Не столько из-за потерянной кладовой, сколько из-за шанса приоткрыть хоть маленькую тайну своего прошлого. Но сдаваться было не в моих правилах...

Спустя три недели...

Дни перестали проноситься незаметно, они начали тянуться мучительно долго, оттягивая момент истины. И хоть я знала, что время вспять не повернуть, умоляла его ускорить бег. Впервые, супруг по сравнению с Памиром оказался очень терпеливым и щадящим преподавателем. Дознаватель же не давал мне ни поблажек, ни продыху. Он учил атаковать огненными шарами и стрелами, ставить защитные барьеры, быстро реагировать на выпады противника. Моя радость, что мы будем проводить бок о бок много времени, быстро сменилась желанием взмолиться о пощаде.

Уже после второй тренировки я весь вечер пластом лежала на животе. Икры, спина полыхали жгучим пламенем. И не только они. Дознаватель, в случае промедления, подгонял меня небольшими разрядами, которые каждый раз почему-то попадали в одно и то же место, на котором сидеть стало не очень-то приятно. Но спустя неделю я научилась уворачиваться и от них.

Однако совместные занятия, казалось, нас не сближали, а, наоборот, отдаляли. Памир все время был чем-то озадачен, а я обижалась на дознавателя за его жесткие методы обучения, пусть и приносящие плоды.

Этим вечером победа впервые замаячила на горизонте. Прошлые две партии остались за молодым мужчиной, обладавшим завидной выдержкой и умом. Едва мой ферзь побил его короля, я вскочила с места и радостно воскликнула «ура!». На губах дознавателя на мгновение возникла улыбка, явившая на свет очаровательные ямочки, и он без промедления протянул мне несколько пожелтевших листов.

Я опустилась на диванчик и стала жадно вчитываться в неровные строчки. Однако моя радость быстро померкла. На втором документе я на мгновение оторвала взгляд от текста и озадаченно посмотрела на Памира. На его лице отразилось сожаление. Он знал, что эта информация не принесет мне счастья. Зачем тогда показал? Я была не просто удивлена внезапно открывшимися сведениями, а ошарашена и возмущена до глубины души. Как выяснилось, мой дед до сих пор находился в прекрасном здравии. А дядя со своей женой и несколькими детьми жили всего в пяти-шести часах езды от Дельтауна.

Так и оставив на мягкой обивке потрепанные временем листы, я подошла к окну и обхватила себя руками. Держалась в шатком спокойствии до тех пор, пока не подошел Памир и не положил горячие ладони на мои опущенные плечи. Он постоянно так делал, когда хотел меня поддержать. От него всегда исходило приятное тепло, которое мое тело жадно вбирало в себя. — Почему они так с ней поступили?! Что она такого могла сделать, что ее имя навсегда было вычеркнуто из их жизни? — негодуя воскликнула я и резко обернулась. Пришлось почти запрокинуть голову, чтобы взглянуть мужчине в лицо.

— Понятия не имею, — мягкий голос Памира 8 сочетании с приятными древесными нотками его парфюма слегка охладил мой пыл. Он заправил мне за ухо выбившуюся прядь, заставив сердце и вовсе замереть. — Уверен, мы еще разберемся во всей этой истории. Хотите их проводить?

Глава 43

— Нет! — категорично и без раздумий заявила в ответ.

— Лира Айрис, это же превосходный шанс узнать из первоисточника ответы на многие вопросы, — Ламир явно пытался надавить на меня, но я была непреклонна в принятом решении.

— Найду их и так, — отмахнулась от дознавателя, надеясь, что на этом разговор закончится.

— Вы хоть представляете, каких трудов и денег стоило достать эти сведения? — холодно произнес молодой мужчина, разозлившись на мой отказ и желание поступить вразрез с его намерениями. — Именно из-за этих бумаг я прибыл в замок на день позже, чем мог бы. Укор болезненно полоснул по сердцу.

— Неужели вы не понимаете, что я не хочу их видеть? Да и зачем? — воскликнула, значительно повысив тон. — Думаете, им не известно обо мне?

— Все возможно.

— Это ничего не меняет. То, что за столько лет они не удосужились узнать о матери, значит лишь одно: их не волнует ее судьба. А моя так и подавно. Ни одна ошибка в жизни не стоит того, чтобы поступить с ней подобным образом.

— Вы прячетесь от проблем, боитесь взглянуть им прямо в лицо.

Я обогнула Ламира и ринулась к двери, не желая его больше слушать и собираясь избежать зарождающейся ссоры. Но он посчитал иначе. Не успела я взяться за бронзовую ручку, как пальцы дознавателя стиснули мою руку чуть выше локтя и притянули к крепкому мужскому телу. Все слова, что Тонли намеревался сказать, так и не прозвучали. Его взгляд смягчился, а в глазах появились уже знакомые огоньки. Мы молча и неотрывно смотрели друг на друга. Из-за вновь возникшего притяжения в какой-то момент расстояние между нашими лицами стало сокращаться. Я закрыла глаза в предвкушении поцелуя, однако Ламир внезапно отстранился и взъерошил рукой волосы. Вздых разочарования так и не слетел с моих губ, утонув где-то глубоко в груди.

— За что мне это наказание?!

Мужчина запрокинул на миг голову, а затем резко развернулся на каблуках и быстро, словно выпущенная из лука стрела, рванул прочь из гостиной. Я же, путаясь в длинных черных юбках, бросилась за ним.

— Заложите немедленно экипаж! — приказал Ламир слуге и буквально взлетел по лестнице, чтобы через пару мгновений снова оказаться в холле.

— Куда вы?! Ночь на дворе!

— Ты никуда не едешь. Остаешься здесь, — сказал он, указав на Лану пальцем.

Она жалобно посмотрела на хозяина и заскулила, а мужчина, не сказав больше ни слова и даже не оглянувшись, выскочил на улицу. Собака, понуро опустив голову, пробежала мимо меня и поднялась на второй этаж. А я стояла на прежнем месте, надеясь, что он одумается и вернется уже через мгновение. Но прошла минута... две... Хлопнула дверца кареты, а затем раздался выкрик кучера и цоканье копыт о мощенную брусчаткой подъездную аллею. Ламир все же уехал... Но куда?

Мне ничего не оставалось, как направиться к себе в комнату. Я переоделась в тонкую сорочку, потушила свет и легла в постель, желая поскорее забыться сном. Но он не торопился забирать меня в свое царство. Хотя я и не считала себя виноватой в произошедшей размолвке, на душе появилась неприятная тяжесть, давящая на грудь. К тому же это была первая ночь, когда я осталась в замке совсем одна, если не считать слуг.

Внезапно донесшийся из коридора скрежет вызвал на губах легкую улыбку. Я уже собиралась впустить в покои заметно подросшую озорницу, когда осознала, что не прозвучал привычный в этом случае скулеж. Внутри заклокотал страх. Я почувствовала, как на голове зашевелились волосы, по спине и затылку пробежал озноб, а живот скрутило в болезненном спазме. Дикий ужас пытался сковать тело. Вскочив с кровати подобно пружине, успела притаиться в углу за шторой как раз к тому моменту, когда раздался скрип дверных петель, а вслед за ним и еле слышные осторожные шаги.

— Айрис, моя прекрасная Айрис, — прозвучал в тишине ночи манящий шепот, словно сам ветер назвал мое имя. Прямо как в тот раз, когда Росман-старший прокрался в сад.

Сомнений в том, кто проник в комнату, не возникало. Только одному человеку не давало покоя сорвавшееся несколько месяцев назад похищение — Марвелу. Каким-то шестым чувством я знала, что однажды он явится за мной. Молодому мужчине постоянно требовалось пополнять жизненные силы. Достать же девушек, владеющих огнем, ему с каждым днем становилось все сложнее.

А Росман тем временем что-то без остановки говорил и медленно подбирался к моей постели. Он не замолкал ни на секунду. Едва его слова, подобно яду, начали проникать в кровь, я выставила блок. Многочасовые тренировки, стоившие мне столько нервов и слез, не прошли бесследно.

Однако я на миг растерялась. Никак не могла придумать, что делать дальше. Все надеялась: с секунды на секунду в покои непременно влетит Ламир и спасет меня от этого ходячего мертвеца. Но вот прошла, казалось, целая вечность, спина покрылась противным липким потом, сердце стучало оглушающе громко, а никто не торопился мне на помощь.

Шальная мысль закралась в голову, когда Марвел стал склоняться над кроватью, еще не догадываясь, что там никого нет. Я схватила с подоконника первый попавшийся под руку керамический горшок и запустила им в незваного гостя, не забыв применить магию, дабы не промахнуться. И не промахнулась. Едва мужчина издал глухой вскрик и рухнул на пол, включила свет и метнулась к нему. Он лежал, распластавшись на ковре, и не двигался.

Убедившись, что угрозы от Марвела пока не исходит, решила поскорее его связать, но из-за волнения у меня никак не получалось наложить ни на руки, ни на ноги магические воздушные цепи, и тогда я рванула к шкафу, в котором нашла пару чулок, заменивших веревки.

Запахавшись, вытерла проступивший на лбу пот, накинула халат и только собралась выскочить в коридор, чтобы позвать на помощь, как раздалось невнятное мычание. Видимо, нужно было брать горшок потяжелее.

Мужчина зашевелился, немного покачался на животе из стороны в сторону, в какой-то момент одним рывком перевернулся на спину, а затем и вовсе умудрился сесть и подтянуть к груди ноги. И тут мной овладела паника. Что, если я плохо его связала? Что, если ему удастся

высвободиться и все-таки утащить меня из замка под покровом ночи? И где носит этого дознавателя, когда он так нужен?

Я ощутила, как мои руки сжались в кулаки. Пришедшая на смену страху злость придала сил. Бросив озадаченный взгляд на пришедшего в себя Марвела, выбежала в коридор и позвала на помощь. Громко и не единожды. Но никто не откликнулся, даже Лана. Казалось, все внезапно куда-то исчезли. Почуввав неладное, вернулась в комнату. На губах Росмана-младшего играла дурацкая улыбка. Словно он верил, что последнее слово будет все же за ним.

— Айрис, моя милая, прекрасная Айрис, — зашептал мужчина, пристально глядя на меня. Только теперь я могла его тщательно рассмотреть. Марвел был копией своего отца, только гораздо моложе: такого же невысокого роста и худощавого телосложения, те же глаза изумрудного цвета, тот же приторно-слащавый голосок, но кожа в свете магических светильников казалась белоснежной, как последние сохранившиеся сугробы за окном. Едва вспомнила, что передо мной воскресший покойник, содрогнулась от омерзения.

— Айрис, моя ненаглядная Айрис, — в очередной раз еле слышно вымолвил он, и я почувствовала, как защитный барьер дал брешь.

— У тебя другое что-нибудь в запасе есть? Или ты больше ничего не умеешь говорить? — мой голос немного надломился.

Я начала поддаваться запретной магии, поэтому следовало немедленно заткнуть уши или же заставить его замолчать. Марвел, будто заметив пошатнувшуюся во мне уверенность, сделал новую попытку окупать сознание липкой паутиной:

— Айрис...

Вмиг метнувшись к мужчине, я угрожающе нависла над ним и, некультурно тыча пальцем, внятно и раздельно произнесла:

— Если ты сейчас же не заткнешься, то засуну тебе в рот чулок! Я не жадная, пожертвую еще одной парой.

Мои слова мгновенно на него подействовали. Его взгляд изменился, стал яростным и презрительным, а вот мой уловил блеснувшую в свете ламп золотую цепочку, слегка выглядывающую из-под рубахи. Нисколько не боясь, потянулась к ней, и вскоре в моей ладони оказался странный кулон — темно-серый, почти черный, жук, державший в лапах над головой красный камень. Он казался ледяным на ощупь и своим видом вызывал отвращение и... страх.

— А не тот ли это?..

— Не трожь! — прорычал Марвел и резко задержался, стараясь изо всех сил вырваться из пут.

Я напряглась, ожидая боя, но, видимо, слишком хорошо связала мужчину, поскольку его попытки оказались тщетны. Расслабившись, одним рывком сорвала цепочку.

— Нет! — громко прокричал он, заставив меня поморщиться. — Верни его немедленно, стерва, иначе.

— Иначе что? — я взяла стул и поставила его неподалеку от Росмана-младшего.

— Тебе все равно не жить! Не я тебя убью, так он! — от бывлой нежности и любезности не осталось и следа.

— Кто «он»? — я сделала вид, что меня не задела его слова, хотя внутри все скрутилось от ужаса. Однако Марвел молчал, желая испепелить меня враждебным взглядом. — Давай договоримся: ты все рассказываешь о том, кто еще жаждет меня убить, а я тебе возвращаю кулон, — сама удивилась, как легко слетела ложь с моих губ, и надеялась, что мужчина не заметил ни ее, ни скрещенные за спиной пальцы.

Конечно же, возвращать я ему ничего не собиралась. Но разве не стоило попытаться его обмануть? Мой незваный гость немного помедлил, прежде чем ответить, словно просчитывал свой расклад в уме. Если он у него, конечно, был.

— Я не знаю, ни кто он, ни откуда. Просит называть себя Джонатаном, но, возможно, это вымышленное имя. У него такие же, как и у тебя, голубые глаза. И тоже огневик. Он сильный, очень сильный маг.

— Что ж ты ему кулон-то на шею не надел? Так, глядишь, и до старости протянул бы.

— А ты остра на язык, с виду и не скажешь, — недобро усмехнулся Марвел и вновь попытался развязать руки. — Чем больше на тебя смотрю, тем больше ты мне его напоминаешь.

— Он стар или молод?

— На вид лет сорок-сорок пять, — мой заложник одновременно приподнял правое плечо вверх и слегка выпятил нижнюю губу.

— Зачем ему меня убивать?

— Откуда ж мне знать? Но он пылает к тебе ненавистью. Дикой ненавистью. Словно ты отняла у него что-то ценное. И он намерен это вернуть. Даже не надейся на спасение.

— Ух... Всегда любила в детстве страшилки, — ответила с наигранной веселостью.

Внезапно раздался стук в дверь, короткий и такой знакомый. Я пригласила войти еще одного незваного ночного гостя. К счастью, не обозналась, им оказался Ламир. Ранее аккуратно зачесанные волосы ныне были взъерошены, а верхняя пуговица рубашки — расстегнута. Я издала облегченный вздох и вернулась в комнату. Наконец-то все закончилось. Пусть прошло и не так много времени, мне оно показалось вечностью.

— Простите, что потревожил вас в такой час. лира Айрис. Я увидел свет. Подумал, вы еще не спите. Понимаю, время неподходящее, но мне стоит... — увидев у моей кровати Марвела, он встал будто вкопанный. Его глаза заметно округлились, а брови едва ли не исчезли за линией роста волос. Он перевел изумленный взгляд с несостоявшегося похитителя на меня и обратно. — Что здесь происходит?!

— Да вот, сидим болтаем, как старые друзья. От чая, к сожалению, отказался. А я предлагала. Присоединиться не желаете?

— обратилась я к дознавателю, опустила на прежнее место и подперла рукой подбородок.

— Это еще кто?!

— А вы разве не знакомы? — с наигранным весельем воскликнула в ответ, хотя с минуты на минуту могла разрыдаться. — Что ж, сейчас исправлю это недоразумение. Лэр Марвел Росман. Лэр Ламир Тонли, — сперва указала я на связанного мужчину, а затем, не глядя, на дознавателя. — Да знаю я, кто это! Как он здесь оказался? Неужели попытался?..

— Сама в гости пригласила, — недовольно фыркнула, с трудом сдерживаясь, чтобы не высказать накопившееся негодование.

— А вас где нелегкая так долго носила? Уже думала и правда за помощью идти, да оставить побоялась. Вдруг сбежал бы?

Ламир молча, одним рывком, поднял на ноги Марвела, взмахом руки освободил ноги от чулок и подтолкнул его к двери.

— Кулон! Отдай мой кулон! — закричал Росман и кинулся ко мне. но едва сделал несколько шагов, как был схвачен дознавателем.

— Ой. нет! Оставляю его себе. Он тебе больше ни к чему, — я прижала загадочный амулет к груди. Неужели Марвел и правда поверил, что я позволю погубить еще чью-то жизнь, если ему вдруг удастся сбежать?

— Я скоро вернусь, и мы непременно обо всем поговорим.

— Конечно-конечно, — устало отозвалась на фразу Тонли.

— На выход! — прогремел властный голос Памира, которому все же удалось выпереть сопротивляющегося и орущего Марвела из моей комнаты.

Как только я осталась одна, обессиленно рухнула на пол. Будто из меня в один миг кто-то вытянул все соки. Я взглянула на зажатый в ладони кулон и отбросила его в сторону. Нервы все же сдали. Закрыв лицо ладонями, дала волю слезам. В покои внезапно ворвалась взволнованная горничная, в коридоре со всех сторон стали доноситься чьи-то голоса. Дом наполнился звуками, он ожил благодаря все-таки вернувшемуся дознавателю.

Глава 44

Я сидела в кресле с поджатыми ногами, ожидая, пока служанка приберется в комнате, и слегка вздрогнула, когда почувствовала сильные руки на плечах. Через тонкую ткань шелкового халата их тепло казалось и вовсе обжигающим. Запрокинув голову, с удивлением посмотрела в синие глаза, в которых читалась тревога. Ламир не позволил и звуку слететь с моих губ, вымолвив первым:

— Ли́ра Айрис, раз уж вы не спите, не могли бы вы ответить на несколько крайне важных и не терпящих отлагательств вопросов? Не здесь, — еле слышно добавил он и покосился на горничную, заметив озадаченность на моем лице.

Следовало привести себя в порядок. Хоть я и прокручивала неустанно в памяти высказывания Марвела о еще одном недоброжелателе и хотела поскорее поделиться этими сведениями с Ламиром, воспитание не позволило мне покинуть комнату в одном халате и мягких тапочках. Едва я опустила ногу на пол, передо мной появилась широкая раскрытая ладонь. Немного поколебавшись, вложила в нее пальцы и слегка оперлась, чтобы подняться. Приятная и будоражающая волна тут же побежала по телу, зародилось желание и вовсе прижаться к дознавателю, укрыться от потрясений в его объятиях... Отругав себя за глупые мысли, потупила взгляд и разорвала соприкосновение наших рук. Уж больно остро я все воспринимала после пережитого.

Ламир сообщил, что подождет меня в коридоре, и двинулся к распахнутой двери. Едва она закрылась, я торопливо переоделась в первое попавшееся на глаза платье, схватила со стола сорванный с шеи Марвела амулет и покинула покои. Тонли, миновав несколько комнат, остановился возле своей и пропустил меня вперед. Едва я переступила порог, сразу же заметила лежащую на ковре Лану. Она даже ухом не повела, когда я ее позвала. Испугавшись за несчастное животное, подбежала к ней, опустилась на колени и, испытывая сильное волнение, прикоснулась к черной шерстке. Жива. Ее бок равномерно вздымался, но собака спала мертвецким сном.

— Это он с ней так? — хоть имя Росмана-младшего не прозвучало, Ламир и так все понял.

— Думаю, да. Не желаете чего-нибудь? Чаю, воды, вина? Хотя, боюсь, в этом доме в данный момент от прислуги вряд ли чего-то можно дожидаться. Едва ли не каждый второй пребывает нынче в том же состоянии, что и наша прелестная защитница, — он бросил осуждающий взгляд на Лану и раздосадованно покачал головой.

— Нет, спасибо! — я торопливо поднялась с пола и села на диванчик, допустив тем самым большую ошибку.

— А я бы выпил... вина, — Ламир подошел к графину с красным вином, плеснул в бокал немного рубиновой жидкости, а затем опустился рядом со мной, так и не пригубив ее. Необходимо было поскорее обо всем рассказать дознавателю, а у меня от его близости в горле появился ком. Да и в мыслях стал царить такой кавардак, что не знала, с чего начать.

— Лира Айрис, прошу простить мне и резкие слова, брошенные в гостиную, и тот порыв...

Признаюсь, если бы с вами что-нибудь случилось, я бы себе этого не простил. Ведь поклялся отцу, что буду за вами присматривать поначалу, а сам...

Его фраза болью отдалась в груди. На глазах проступили слезы. Я часто заморгала, не позволяя им пролиться. Только не сейчас. Потом, когда окажусь снова одна.

— Дело только в клятве? — мой голос, на удивление, прозвучал спокойно, без надрывов.

— Что? Нет, конечно! При чем здесь она? — Ламир сделал небольшой глоток вина, видимо, чтобы промочить горло, и поставил бокал на столик. — У меня чуть сердце не остановилось, когда я увидел его в вашей комнате. Ведь был уверен, что все предусмотрел.

— Это о нем вы тогда говорили? — в памяти всплыла беседа, в которой Ламир обронил слова о странной активности.

— Да, около месяца назад мне поступило несколько сообщений, что Росмана пару раз замечали неподалеку от наших земель. Но потом он внезапно куда-то исчез. Первой мыслью стало, что Марвел нашел себе очередную жертву, залег на дно. Честно, и подумать не мог, что он прячется у меня же под носом. Это же надо обладать такой выдержкой: целых три недели выжидать случая, чтобы подобраться к вам! За это время успел бы найти кого-нибудь другого, но он целенаправленно явился сюда.

— Значит, у него было много сил, раз он мог позволить себе не торопиться.

— Или же питался ими здесь, что маловероятно. По крайней мере, при нем я не нашел второго кулона.

Едва мужчина напомнил про амулет, я положила его на столик рядом с бокалом, повернулась вполоборота и озадаченно посмотрела на Ламира:

— Как ему все-таки удалось пробраться в замок? Вы же заверяли меня в его превосходной защите. Говорили про какие-то там маячки, кристалл...

— Росман воспользовался суматохой, царившей тут во время похорон. Часть прислуги после смерти отца сменилась, вот он и устроился на кухню, чтобы быть в курсе всех событий, да и на глаза никому из нас не показываться, втерся ко всем в доверие. Конечно же, весть о размолвке и моем внезапном отъезде облетела весь дом в мгновение ока. Вот он и решил, что пора

действовать. Марвел каким-то образом уговорил сильную половину прислуги выпить украденного из моего же погреба вина, в которое подлил снотворного зелья, дождался, пока оно подействует, и отправился в ваши покои. Вот только не рассчитывал встретить там сопротивление. Признаюсь, мне до сих пор не дает покоя вопрос: как он собирался незамеченным покинуть с вами замок? Ладно тогда в саду все было подстроено: в заборе под покровом ночи проделан едва заметный лаз, который нисколько не насторожил Росмана, отозвана охрана... Но теперь-то она никуда не делась. Я всех перепроверил. Никто не покидал свой пост.

— Возможно, среди них есть предатель?

— Даже если и так, до ближайшего поселка часов пять ходьбы. А погода не располагает к пешим прогулкам. Да и вряд ли бы он сунулся туда, понимал же, наверное, что его схватят, едва покажется кому-нибудь на глаза. Скорее всего, Марвел организовал неподалеку от замка убежище, в котором планировал пересидеть шумиху. Ведь ни кареты, ни повозки мои люди не обнаружили в окрестностях. — Памир вновь потянулся к бокалу и сделал глоток вина.

— Может, стоит его обо всем расспросить, а не строить догадки?

— Я пытался, да он закрылся, как только понял, что не получит обратно кулон.

— Где он сейчас?

— Я отправил его к Деклифу — нынешнему главному дознавателю.

— Почему сами не поехали с ним? Вдруг он сбежит? — с тревогой взглянула на мужчину.

— Это вряд ли. Во-первых, Росмана сопровождают три самых лучших моих стражника, во-вторых, он погружен в состояние, близкое к анабиозу. Да разве мог я после случившегося вновь оставить вас одну? Лира Айрис, я восхищен вами и в то же время удручен собственным поведением. Постоянно твердил вам, что нужно руководствоваться умом, а не поддаваться эмоциям, а сам пошел у них на поводу. Однако рад, что все закончилось. Вы больше не нуждаетесь ни в моей поддержке, ни в помощи. Ученица в итоге во многом превзошла учителя. Теперь мне со спокойной душой можно отправляться в столицу.

Едва это прозвучало, внутри зародилась паника. Следовало во что бы то ни стало удержать его, и слова Марвела о недоброжелателе весьма вовремя всплыли в памяти. Да еще и не все документы перешли ко мне.

— Боюсь, все только начинается, лэр Тонли, — мой голос дрогнул. Щит бравады, за которым я собиралась спрятать страх, треснул.

— О чем вы? — озадаченно спросил дознаватель, прищурившись и положив при этом руку на спинку диванчика.

— Росман утверждал, что кто-то жаждет убить меня, испытывая ко мне дикую ненависть.

— И вы ему поверили? Наверняка хотел усыпить вашу бдительность разговорами, а сам тем временем намеревался высвободиться.

— Вряд ли. Марвел сказал это в надежде заполучить кулон, — от волнения я не усидела на месте, вновь подошла к Лане и погладила ее. Та по-прежнему спала беспробудным сном.

— Но кто? Кому вы успели так сильно досадить, что заимели смертельного врага? Вы ведь большую часть жизни провели в стенах пансиона, — Ламир мне явно не поверил.

— Возможно, кто-то из родственников или же настоящий отец.

— Разве вы не приписали лэра Клейтона в их число? — хоть я и не смотрела на мужчину, ощущала на себе его напряженный взгляд.

— Да, но теперь уже в этом сомневаюсь.

Я не стала томить Ламира в неведении и пересказала почти дословно все, что успела до его прихода узнать у Марвела о странном голубоглазом маге. Дознаватель заговорил не сразу, а некоторое время молчаливо сидел с задумчивым видом.

— Придется теперь перепроверить новую прислугу. Правда, среди них нет ни одного Джонатана, хотя имя может быть вымышленным. Ведь Марвел тоже в списках не значился.

— Разве вы не сами отбирали их? — недоуменно взглянула на мужчину.

— Только стражников и тех, кто непосредственно близок к нам. Остальных же проверяет дворецкий. И то лишь на соответствие требуемым навыкам. Но я не припоминаю этого имени и среди ваших немногочисленных родственников.

— В тех бумагах, что у меня, точно нет, — отозвалась без промедления и опустила диванчик чуть подальше от Тонли.

— Тогда стоит пересмотреть остальные, возможно там найдется что-нибудь интересное, — Ламир встал, подошел к секретеру и достал кожаную папку.
Я понимала, что поиски займут много времени, поэтому решила задать тревожащий сердце вопрос прежде, чем мы к ним приступим, боясь, что никогда не узнаю на него ответ:
— Лэр Тонли, почему вы вдруг вернулись?

Глава 45

— Не знаю. Наверное, интуиция подсказала, — дознаватель пожал широкими плечами. — Ехал, вспоминал наш разговор и вдруг почувствовал непреодолимое желание оказаться дома.
— А куда вы вообще собирались? Еще и на ночь глядя.
Ламир, подобно статуе, застыл с папкой в руках. Когда же с него спало непонятно чем вызванное оцепенение, он нахмурился и стал так пристально смотреть на меня, будто и вовсе увидел впервые. Казалось, миновала целая вечность, прежде чем мужчина тяжело вздохнул, поджав губы.
— Лира Айрис, я не люблю лгать, но и правду сказать не могу.
У меня тут же появилась пара догадок, одна хуже другой. Если бы он уехал по делам, то вряд ли бы это скрыл. А раз так, значит... Воздух в комнате мгновенно сгустился. Мне стало невыносимо жарко и душно. Я запылала от смущения с головы до ног и спешно отвернулась, желая провалиться этажом ниже. Однако в душе затаились обида и отчаяние.
— Простите, это было не мое дело, — я сочла себя обязанной извиниться за вопрос, в тысячный раз отругав себя за глупость.
— Хотел бы я, лира Айрис, чтобы однажды оно стало вашим, но суждено ли?... — Ламир так тихо произнес эту фразу, что я с трудом различила слова.
Изумленно уставившись на дознавателя, не сводила с него глаз, а он опустился рядом со мной на диванчик и всячески делал вид, будто ничего и вовсе не говорил. А может, мне все почудилось?
— Вот, изучайте. Вдруг я пропустил что-то важное, чему не придавал ранее значения, — мужчина протянул мне стопку пожелтевших листов, и я, немного помедлив, забрала документы. Заметив мой растерянный вид, Ламир вопросительно изогнул бровь. — Что такое?
— Я должна была выиграть их, — опечаленно призналась, понуро опустив голову.
— Считайте это подарком судьбы за перенесенные сегодня волнения, — мягко проговорил дознаватель, на мгновение накрыл мою руку своей и полностью сосредоточил внимание на первом листе.
Я последовала его примеру и тоже принялась изучать доверенные мне документы, чувствуя при этом свою значимость. Занявшись делом, настолько в него погрузилась, что только шелест бумаг и приятные нотки парфюма изредка напоминали о присутствии Ламира, поведение которого казалось странным. Каждый раз, когда я брала очередной лист, ловила на себе его задумчивый взгляд. И мужчина даже не отворачивался, когда наши глаза встречались. Хотелось встать, подойти к зеркалу и убедиться, что с моей внешностью все в порядке, однако не поддавалась искушению и вновь принималась за работу.
В моих руках оказались бумаги, описывающие жизнь матери: дата и место рождения, годы учебы, свидетельство о браке, свидетельство о смерти и отчет целителя о ее причине. В нем говорилось, что Лиадна Контана скончалась от сердечного приступа после непродолжительной болезни. Я положила его в стопку с уже рассмотренными документами и потянулась за следующим, когда заметила, что кончик листа слегка раздвоился, словно к нему случайно приклеился еще один, и попыталась разъединить. В итоге лишь оторвала загнутый край. Все это казалось весьма загадочным.
Торопливо поднявшись, подошла к лампе, стоявшей на прикроватной тумбочке, включила ее щелчком пальцев и поднесла к свету таинственный отчет. Первый лист был настолько плотным, что прочесть содержание второго никак не удавалось, сколько бы я ни пыталась.
— Что вы делаете? — раздалось прямо над ухом.
От неожиданности я вздрогнула. Видимо, так сильно увлеклась, что не слышала его шагов.

— Там что-то есть, — отозвалась, повернув вполоборота голову, и сердце едва не выскочило из груди.

Лицо Ламира оказалось так близко от моего, что еще чуть-чуть — и наши носы могли соприкоснуться. Я ощущала на себе его щекочущее дыхание. Близость дознавателя вновь стала опьянять. Интересно, заметил ли он, как участился мой пульс? А мужчина, как всегда, был сама невозмутимость. Правда, в глазах плясали знакомые огоньки. Или же это отблеск лампы?

Ламир удивленно округлил бровь и... накрыв мою левую руку своей, поднес документ к свету, а потом еще и слегка склонился. Я отчетливо ощущала спиной жар, исходящий от его груди. Все мысли мгновенно разбежались по задворкам сознания, не позволяя сосредоточиться ни на одном слове, проявившемся под действием магии дознавателя.

— Странно... Все это очень странно... Смотрите, что здесь говорится... — он указал правой рукой на строчку едва ли не в самом конце документа, окончательно тем самым сжав меня в объятиях. Все тело тут же обдало жаром. Неужели очередная проверка?

Абстрагироваться от чувств оказалось ужасно нелегко, но тренировки не прошли даром. Судорожно вздохнув, посмотрела на то место, где замер мужской палец. Мне пришлось несколько раз перечитать написанное, чтобы вникнуть в его смысл. Там говорилось, что причиной смерти Лиадны Контана стала разросшаяся вокруг сердца черная опухоль.

— И что это значит? — внутри все похолодело.

Я поняла, что сейчас испытаю очередное потрясение. Ламир резко отстранился, и по телу прошел неприятный озноб. Его лицо стало очень серьезным, если не сказать мрачным. Он с сочувствием посмотрел на меня и произнес:

— Что вашу мать убили.

— Как? — я испугалась собственного шепота.

— Медленно, очень медленно... Изо дня в день ее организм отравляли. И только один яд дает такие последствия. И целитель, выписавший липовый отчет, скрыл это убийство.

— Неужели Хотдженс? Но зачем? Ради денег?

Мои губы задрожали. Я почувствовала, как глаза наполняются слезами.

Нет, нет. нет! Только не сейчас!

— Лира Айрис... — мягкий голос разбил все мое самообладание.

Слезы градом покатились из глаз. Я хотела отвернуться, чтобы Ламир не видел моих безуспешных попыток вытереть вновь и вновь появляющиеся на щеках мокрые дорожки, но была заключена в крепкие объятия. Он прижал мою голову к своей груди и позволил выплакаться, постоянно поглаживая по спине и нашептывая на ухо успокаивающие слова.

— Знаете, я бы тоже в первую очередь подумал на него. Но в свете некоторых открывшихся сведений начал сомневаться. Даже если Хотдженс и причастен к ее смерти, то наверняка он действовал не в одиночку. Я, конечно же, немедленно напишу Деклифу письмо и попрошу начать разбирательство, но как вы смотрите на то, чтобы все же познакомиться со своими родственниками и узнать, не было ли у вашей матери врагов, а заодно и о таинственном Джонатане? Возможно, тем самым мы сократим время поисков.

Я тяжело вздохнула и отпрянула от Ламира. Он был прав. Как бы мне ни было неприятно их видеть, следовало получить ответы на многие вопросы. И основной из них: за что они отлучили мою мать от семьи?

— Вы отправитесь со мной на встречу? — с мольбой посмотрела на дознавателя, боясь не выдержать такого давления без его поддержки.

Наверное, уж слишком много проблем на меня навалилось в последнее время. Душа мечтала об умиротворении, но покой мне, похоже, только снился. Следовало поблагодарить Аарона за устроенный им перед смертью допрос. Если бы я переехала из замка в глухое поместье, была бы сейчас жива или мое тело уже покоилось бы рядом с ним в фамильном склепе Тонли?

— Об этом могли даже не спрашивать. Пока мы не поймем этого Джонатана, я от вас ни на шаг не отойду.

От его слов на сердце разлилось приятное тепло и с новой силой вспыхнула надежда на совместное будущее. Я облегченно вздохнула и едва заметно улыбнулась.

— Когда выезжаем?

Мужчина глянул на часы и в задумчивости провел рукой по волосам.

— Сегодня же. После полудня. Вас устроит?

— Да, конечно, — на тело навалилась такая свинцовая усталость, что я мечтала поскорее очутиться в родной кровати.

— Тогда вам следует немедленно отправиться к себе и хорошенько отдохнуть перед поездкой. — проговорил Памир с заботой в голосе. — Путь нам предстоит неблизкий.

— Спасибо!

— За что? — дознаватель нахмурился, словно и вправду не понимал, чем заслужил благодарность.

— За все, лэр Тонли, что вы для меня уже сделали и еще собираетесь.

— Буду и впредь рад оказаться вам полезным.

Мужчина слегка склонился, я ответила реверансом и, попрощавшись, направилась к двери. Однако едва взялась за ручку, мужская ладонь накрыла мою руку. Я развернулась и вопросительно взглянула на Памира, стоявшего так близко, что дыхание тотчас сбилось.

— Пока все не закончится, я лично буду перед сном приходить и проверять ваши покои и выставлять маячки. Если вы, конечно, не против.

Что за глупый вопрос? Разве я могла быть против?

* * *

— Лира Айрис! Лира Айрис! — кто-то осторожно тряс меня за плечо. — Лэр Тонли просил передать, что через час ждет вас в обеденном зале.

Я перевернулась на другой бок и натянула одеяло повыше. Просыпаться совсем не хотелось, ведь понимала, что, едва спадет сладкая полудрема, воспоминания мгновенно атакуют мое сознание. Так и произошло. Закрываться стало бесполезно. Перед внутренним взором уже начали проноситься события прошлого вечера, начиная со сведений о родственниках, заканчивая причиной смерти матери. Не забылась и размолвка с Ламиром, его странное поведение после проникновения Марвела в мои покои и предстоящая поездка в Холденвиль — небольшой городок, в котором поселился дядя со своей семьей.

Глава 46

Поскольку проснулась я около двенадцати, в путь мы отправились сразу же после обеда и, согласно подсчетам бывшего дознавателя, должны были прибыть в Холденвиль на следующий день приблизительно в это же время. И это при условии, что сделаем всего пару остановок, чтобы дать передышку лошадям, а заодно и самим подкрепиться да размять ноги.

В экипаже царило молчание. Мужчина перебирал старые документы, которые знал едва ли не наизусть. Наверное, он просто не умел сидеть без дела. А я до сих пор испытывала неловкость после того единственного момента, когда ненадолго очутилась в его объятиях, поэтому не решалась отвлечь Ламира беседой и просто смотрела в окошко.

Хоть на календаре уже значился март, весна в этом году не торопилась вступать в свои права. До сих пор не отступали морозы, а на полях по-прежнему лежал снег. Однако в воздухе ощущались едва заметные изменения. Еще пара дней, и солнце станет гораздо ласковее, совсем скоро зажурчат ручьи, вернутся птицы, а с ними в сердце заживет надежда на счастливое будущее.

Устав созерцать бескрайние долины, укрытые белоснежным покрывалом, достала из ридикюля книгу, которую не открывала со дня нападения Росмана-старшего, и бережно очертила ее название указательным пальцем. И вдруг, как наяву, услышала голос матери: «Айрис, когда придет время, ты все вспомнишь». По коже побежали мурашки, заставляя тело содрогнуться.

— Вам холодно? Вы замерзли? — тут же раздался бархатистый голос Ламира, в котором прозвучали заботливые нотки. Разве от его зоркого глаза можно что-то утаить?

— Немного, — отчасти это было правдой, но лишь отчасти.

Едва я ответила, мужчина совершил загадочный пас свободной рукой, и меня окутал кокон теплого воздуха. Поблагодарив Тонли, вновь вернулась к книге. «Осколки памяти»... Это название словно твердило, что мне следовало собрать из мелких деталей какую-то важную картинку. Но что я такого забыла и должна была вспомнить в нужный час? Надеюсь найти разгадку внутри любовного романа, перелистывала страницу за страницей, но ничего ценного в нем так и не нашла: ни пометок, ни каких-либо других указателей. Я вновь положила книгу в

ридикюль и еще долго прокручивала в памяти детские воспоминания, связанные с мамой. Но порой словно какой-то барьер не позволял вернуться к определенным событиям. Будто кто-то нарочно закрыл их от меня же самой. Но зачем?

От постоянных размышлений разболелась голова. Я зажмурилась и прижала пальцы к вискам. — Вам нездоровится? — Ламир отложил бумаги в сторону и сосредоточил все внимание на мне.

— Я в порядке, — постаралась сказать как можно увереннее и не поморщиться при этом.

— Уверены?

Он встал, опустился рядом со мной на скамейку и дотронулся длинными пальцами до моих висков еще до того, как я успела что-либо ответить. Даже от столь легкого прикосновения по телу стремительно проносились волны тепла, снявшие вскоре напряжение и заставившие меня от удовольствия закрыть глаза.

— Вас ведь что-то тревожит?

От его пронизательности сердце забилось намного чаще, и я кивнула.

— Рассказывайте, — требовательно проговорил Ламир и убрал руки. Хотя от головной боли не осталось и следа, я не знала, с чего начать. — Я давно за вами наблюдаю. Это же из-за книги?

Что такого особенного в этом романе, что вы почти не расстаетесь с ним?

— Кулон и книга — все, что осталось в память о матери. Знаете, что бы я ни услышала о ней от родных, какую бы ошибку она ни совершила, я не перестану ее любить. Она была, есть и будет моей мамой. Самой лучшей, самой любимой, самой красивой... Пусть она прожила недолгую и не очень счастливую жизнь, ее сердце не очерствело от тягот судьбы. Мама до последнего оставалась доброй, веселой, старалась проводить со мной все свободные минуты, неустанно говорила, как любит. И каждый раз, когда я брала в руки эту книгу, словно слышала ее мелодичный голос, залихватский смех... Мне становилось не так одиноко.

— Разве что-то изменилось? — Ламир был озадачен, он не понимал, к чему я клоню.

— Если незадолго до смерти мама зачастую читала эту книгу, то в последние дни жизни и вовсе не выпускала ее из рук. Мне всегда верилось, что она просто очень любила эту историю, наполненную приключениями, пылкой любовью между героями. А теперь начинаю осознавать: мама просто пыталась своими действиями рассказать нечто важное, о чем боялась поведать вслух.

— О чем же? Об артефакте? — широкие брови бывшего дознавателя сошлись на переносице.

— Скорее всего.

— А вдруг лэр Клейтон ошибся? Может, это и есть кулон, который при наполнении силой превращается в магический предмет?

— Вряд ли... Думаю, украшение — всего лишь семейная ценность. Не стала бы ни бабушка, ни мама выставлять напоказ то, что они так усердно берегли.

— Почему вы так уверены, что ваша бабушка передала артефакт своей дочери? Может, он по-прежнему хранится в отчем доме?

— Называйте это интуицией, шестым чувством, как угодно, но что-то мне подсказывает, что наш таинственный Джонатан ищет именно его. Вот только зачем он ему? Насколько я поняла из того, что успела узнать, без дара артефакт не так уж и ценен. Неужели маг тоже им обладает? Возможно, он мне вовсе и не отец, а дядя? Но разве уникальные способности не передаются только по женской линии?

— Если предположить, что убийца вашей матери все же не Хотдженс, а Джонатан, поставивший своей целью завладеть загадочным предметом и в итоге не получивший его. то почему он активизировался только теперь? Чего ждал столько лет?

— Не имею понятия. В любом случае после смерти матери отчим избавился от всех ее вещей. Как я уже говорила, книга и кулон — все. что от нее осталось. Но мне непонятно еще: почему она не обратилась к городской страже? Ведь, скорее всего, понимала, что дни ее сочтены. Да и кому понадобилось столько времени травить ее ядом? Зачем было так мучить? Словно кто-то упивался ее болью...

Я посмотрела на Памира в надежде услышать его версию, но мужчина озадаченно смотрел перед собой в одну точку и молчал, не торопясь делиться своими предположениями. Прошло минут пять, не меньше, прежде чем он неторопливо заговорил:

— Возможно, вы правы... И за всеми этими убийствами стоит один человек...

— Убийствами? — изумленно повторила я за бывшим дознавателем.

— Вам известно, что ваша бабушка умерла едва ли не вслед за матерью? — только теперь Памир взглянул на меня. Синие глаза в сгущающихся сумерках казались и вовсе черными. Тонли продолжил, лишь услышав мое тихое «да»: — Так вот. Вполне возможно, не получив артефакт, он отправился за ним к вашей бабушке. Но и там его ждала неудача.

— Что с ней стало? Тоже отравление?

— Нет, там все выглядело как несчастный случай... Но я в этом стал сомневаться. Давайте все же сперва побеседуем с вашими родственниками, а потом уже будем строить догадки. Договорились?

Я согласилась с ним. Разговор обо всех этих загадочных смертях и странном Джонатане, которого Марвел прочил мне в отцы, ужасно тяготил. Несмотря на вновь повисшее между нами молчание, Памир не вернулся на прежнее место, а остался сидеть рядом со мной. Исходящее от него тепло и ощущение защищенности, легкое покачивание кареты, мерный цокот копыт действовали на меня не хуже снотворного. В какой-то момент глаза начали слипаться, и я отдалась во власть сна, решив насладиться оставшимися часами покоя перед очередным ударом судьбы. На иное я и не рассчитывала. А чего ждать от людей, которым почти девятнадцать лет было не до меня?

Посреди ночи я проснулась от резкой встряски. Моя голова каким-то чудесным образом переместилась со спинки скамейки на мужскую грудь, а правая рука покоилась в широкой ладони. Стоило посмотреть на наши соединенные руки, как к горлу подкатил ком. Любовь к этому мужчине настолько сильно пустила корни в мое сердце, что я не представляла больше без него своего будущего. Следовало отстраниться, но я ничего не сделала, чтобы изменить положение. Прикрыв веки, вновь погрузилась в сказочный мир снов.

* * *

Около часа дня карета подъехала к парадному входу небольшого домика, намного меньше по размеру даже особняка в Дельтауне, не говоря уже о замке Тонли. Этот факт меня немного удивил. Отчего-то казалось, что дядя не менее богат, чем Хотдженс.

Едва я ступила на землю, принялась разглаживать дорожное платье, желая предстать перед родными в приличном виде и скрыть появившуюся в пальцах дрожь от Памира, не сводившего с меня глаз с момента прибытия.

Бывший дознаватель подставил локоть, на который я с радостью оперлась, и направился к массивным дверям. От волнения сердце билось так часто, что в любой момент могло выскочить из груди, кровь пульсировала в висках, а дыхание я и вовсе затаила, когда Памир несколько раз постучал дверным кольцом по медной накладке.

Глава 47

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем послышались тяжелые шаги, щелчок замка и перед нами появился темноволосый мужчина лет сорока с хорошо заметными залысинами на лбу. Темно-зеленые глаза сильно округлились, а маленький рот слегка приоткрылся, едва он перевел взгляд с дознавателя на меня. Хозяин дома застыл, подобно каменному изваянию, и просто смотрел, почти не моргая. То ли к счастью, то ли к сожалению, этот человек не слишком походил по описанию на Джонатана, впрочем, как и на сильного мага.

— Добрый день, нэр Теланий, — почтительно заговорил Ламир, решив взять ситуацию под свой контроль. — Простите, что не известили вас заранее о своем визите, но не позволите ли вы нам войти?

Дядя встрепенулся и снова устремил взор на моего сопровождающего. Он всем своим видом давал понять, что узнал нас обоих.

— Добрый, лэр Тонли. А по какому вы, собственно, делу? — весьма недружелюбным тоном отозвался мужчина, не удосужившись поздороваться согласно этикету. Я почувствовала, как под моей ладонью на руке Ламира напряглись мышцы, однако на его лице не дрогнул ни один мускул. Голос также остался абсолютно ровным:

— По личному. Мы не отнимем у вас много времени.

— Вы весьма некстати. Сегодня день рождения у сына. У меня много гостей. Приходите завтра! — он едва не захлопнул дверь перед нашим носом, но дознаватель успел подставить ногу.

— Мы проделали долгий путь и не планируем задерживаться в Холденвиле. Думаю, десять-пятнадцать минут вашего отсутствия никто не заметит, — тон Ламира заметно изменился: из него исчезла учтивость и появились требовательные нотки.

— Хорошо. Но я буду разговаривать лишь с вами. Ваша спутница пусть подождет нас в гостиной, — мужчина не дождался ответа и удалился вглубь дома.

Конечно, на радушный прием я не рассчитывала, но это переходило все границы. Однако сейчас не в моих интересах было высказывать свое недовольство его поведением. Тонли пропустил меня вперед и вошел следом. В холле дядя указал жестом руки на приоткрытую дверь и через мгновение скрылся за противоположной. На лице Ламира отразилось сочувствие, но вскоре и он исчез из виду.

Я решительно переступила порог небольшой комнаты, в которой давно не мешало бы сделать ремонт, и подошла к окну. Из-за негодования, переполнявшего сердце, все равно бы сейчас не усидела на одном месте. В доме царил веселье. Отовсюду доносились шутки, детский смех и отдавались болью в груди. Меня не ждали здесь как восемнадцать лет назад, так и теперь. Неожиданно я почувствовала на себе тяжелый взгляд. Стоило обернуться, как встретишься с холодными слегка запавшими бледно-голубыми глазами. Вероятно, они выпцвели от возраста. Однако в них было столько ненависти, что я поразились ее силе. Посреди комнаты стоял невысокий сухопарый старик лет семидесяти с седой реденькой бородкой. На его широком лбу над кустистыми бровями залегли глубокие морщины. В нем все вызывало неприязнь. Особенно длинные костлявые руки, обтянутые почти прозрачной кожей, под которой отчетливо виднелись синие вены.

Мгновение, показавшееся вечностью, он пристально всматривался в мое лицо, а затем уселся на прохудившийся диванчик и скрипучим голосом заговорил:

— Твоя мать постоянно вела себя самым недостойным образом, и ты от нее, похоже, недалеко ушла. Это ж какую наглость нужно иметь, чтобы заявиться в чужой дом без приглашения! Казалось, еще немного — и старик испепелит меня яростным взглядом. Его презрение пошатнуло мое равновесие, однако всего на миг.

— Почему, нэр Теланий, вы со мной столь неучтивы?

— Думала, я стану перед тобой раскланиваться? — он противно рассмеялся, чем усилил мое отвращение к нему. — Надела модные тряпки и решила, что скроешь тем самым свою истинную натуру. Точно не от меня, — с каждой секундой мне все больше казалось, что дед не в себе. — Что забыла здесь?

— За что вы так не любите свою дочь? Почему никогда не навещали ее? Почему дали умереть, ощущая себя сиротой при живых-то родителях? — внутри клокотал гнев, который я с трудом сдерживала, не позволяя ему вырваться наружу.

— А кто тебе сказал, что она моя? Вот Норман — мой сын, а та... — пожилой мужчина нарочно сделал паузу, — не моя.

Его слова на секунду выбили почву из-под ног. Неужели он был настолько слеп, что не замечал в ней схожих с ним черт?

— Чья же?

— Я считал ее своей, пока она не явилась домой брюхатой невесть от кого и не опозорила семью.

— Каждый может оступиться, — мои руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Да на те деньги, что мы выкинули на ее обучение, можно было аптекарскую лавку открыть! А вместо этого нам пришлось еще пару лет отдавать долги. Она умерла для меня в тот день, когда наплевала не только на себя, но и на всех нас. С той поры я ее знать не знал и знать не хотел. Ровным счетом как и тебя.

— И что вы сделали? — казалось, я перестала дышать в ожидании ответа.

— Выгнал из дома, как только узнал, — он проговорил это с такой легкостью и спокойствием, словно вместо сердца у него был камень.

— Только не говорите, что выставили ее в такой холод на улицу без медяка в кармане, — еле слышно прошептала, с мольбой взирая на него.

— Выставил! И ни капли об этом не жалею.

Я ощутила, как по телу прошелся озноб, едва представила, через что пришлось пройти матери. Разве она заслужила подобное отношение, несмотря на свой проступок?

— Так что ты здесь забыла? — во второй раз недружелюбно спросил пожилой мужчина, всячески выказывая желание, чтобы я поскорее ушла отсюда.

Мне понадобились все силы, чтобы не поддаться ему и не покинуть немедленно этот дом. Хотя и не рассчитывала получить ответ, все же вымолвила:

— Скажите, пожалуйста, вы слышали ранее имя Джонатан от моей матери или вашей жены?

Он на минуту призадумался, уставившись в потолок, а потом произнес:

— Нет, не слышал. Отца родного ищешь? Неужели даже тебе она не призналась, как его зовут?

— Бабушка передала маме артефакт? Или он до сих пор у вас хранится? — я пропустила его слова мимо ушей.

— Передала. Накануне дня отъезда в академию и отдала шкатулку, — недовольно пробурчал мужчина.

— Шкатулку? Вы уверены? — от волнения я сделала шаг вперед.

— Сам видел.

— А...

— Довольно! — он вскинул руку, не позволяя с моих губ сорваться звуку. — Повторюсь: она умерла для меня еще тем холодным ноябрьским днем, как и все связанные с ней воспоминания. В комнате воцарилась давящая тишина. Мы продолжали смотреть друг на друга. Под его тяжелым взглядом я никак не решалась задать новый вопрос, хотя имела их в достатке.

— А ты, погляжу, уже и траурный наряд успела примерить, хотя вроде еще совсем молоденькая. Как величать-то тебя? — с издевкой полюбопытствовал дед.

— Айрис... Айрис Тонли... — я выстрелила в него ядовитой стрелой, надеясь, что она не вернется ко мне.

— Тонли... Не смог у меня Катрину увести, так хоть на тебе женился? Каков мерзавец! Помер, и поделом ему. Хоть без денег не оставил?

— Не смейте о нем так говорить! Он был человеком редкой доброты и истинного благородства, о которых вам, похоже, неизвестно, — я все же не выдержала и слегка повысила голос, поскольку устала слушать обвинения и ругательства в сторону любимых людей.

— Что же деньги делают с людьми, — дед недовольно покачал головой. — Благо не задурил ими мозги Катрине, а ведь столько пытался...

Я глубоко вдохнула. Мне потребовалось все самообладание, чтобы не потерять над собой контроль и не выдать тайну Аарона из-за желания защитить и его, и бабушку.

— Видимо, вы не заслужили доверия супруги, раз она так и не рассказала, за что лэр Тонли благодарил ее долгие годы.

— За что же? — в бледно-голубых глазах промелькнул неподдельный интерес.

— За спасенную жизнь, — ответила, немного помедлив. — Всего доброго, нэр Теланий.

— Хочешь сказать, он тебя и пальцем не тронул? — донесся в спину вопрос, заставивший обернуться. — Ни за что не поверю.

— Верить или нет — ваше дело. Повторюсь: Аарон был благородным лэром. Он спас меня от смерти, научил пользоваться магией, дал крышу над головой и не попросил ничего взамен.

Чужой человек сделал для меня гораздо больше, чем родные, которые за столько лет не удосужились даже узнать, что стало со мной после смерти матери. Мне искренне жаль, что лэр Тонли так рано покинул этот мир и я не смогла его спасти. Полагаю, за свою не столь уж длинную жизнь он принес больше пользы, чем вы. Теперь-то уж точно всего доброго!

Я развернулась на каблуках и чуть не налетела на Памира, стоявшего в дверях с непроницаемым видом. Сердце ушло в пятки, едва представила, что ему довелось услышать конец разговора. Он слегка склонился в знак почтения перед моим дедом, продолжавшим сидеть с каменным лицом, а затем абсолютно безэмоционально проговорил:

— Пойдемте, лира Айрис, нам еще предстоит долгий путь домой.

Второго приглашения мне не нужно было. Быстро вылетев из гостиной, словно выпущенная из лука стрела, заторопилась к выходу, у которого стоял мой дядя. Я бросила на прощание пару слов и вышла на улицу, искренне надеясь, что никогда сюда уже не вернусь.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, желая успокоиться и прийти в себя после испытанного шока, откинулась на спинку сиденья. Вскоре в карету взобрался Ламир. Он сел напротив и дал указание кучеру, закрывшему за ним дверцу, трогать. Щелкнул хлыст, и лошади рванули вперед, унося нас подальше от этого ужасного места. По синим глазам бывшего дознавателя невозможно было ничего разобрать: ни о чем он думал, ни какие эмоции в данный момент им овладевали. Меня же сотрясала дрожь, вызванная не столько холодом, сколько медленно отступавшей нервозностью. Это не укрылось от Тонли. Он пересел ко мне и взмахнул рукой, и озябшее тело тут же окутал с головы до ног теплый воздух. Благодаря чувству защищенности, появившемуся от близости Ламира, я немного расслабилась. Но сейчас, как никогда, я боялась будущего, ведь под влиянием провокации деда и из-за собственного длинного языка могла лишиться всего на свете: денег, крова, положения, но самое главное, шанса стать счастливой. Однако имя человека, оказавшего мне поддержку, подарившего надежду на завтрашний день, я не позволю порочить ни при каких обстоятельствах.

— Вам удалось у него что-нибудь выяснить? — дознаватель, наконец, нарушил тягостное молчание.

— Совсем немного. Он не желал отвечать на вопросы, а больше осыпал оскорблениями и гневными упреками, — я надеялась своим высказыванием подтолкнуть Ламира признаться, слышал ли он окончание разговора, но тот не поддался на мою уловку.

— Думаю, нам все же стоит обменяться полученными сведениями и понять, что мы имеем в результате.

Я повернула голову на бархатистый голос и взглянула на мага снизу-вверх. Он смотрел перед собой, уставившись в одну точку.

— Нэр Телений подтвердил предположения, что бабушка передала маме артефакт, но он не знает никакого Джонатана, — мне не хватило сил назвать вслух мужчину, вызвавшего в душе такую бурю негодования, дедом.

— Значит, все же не кулон?

— Я не успела его расспросить. Он не очень-то был общителен, но по-прежнему склоняюсь к тому, что нет.

— Ваш дядя также оказался не очень приветливым. Пришлось немного надавить на него. Я первым делом спросил о Джонатане. И представьте мое удивление, когда он сказал, что слышал это имя ранее, — с нарочитой медлительностью произнес дознаватель.

— Откуда? — я развернулась в пол-оборота и в изумлении посмотрела на Ламира.

— От вашей матери. Она не раз упоминала его в разговорах, когда приезжала на каникулы. Но, к сожалению, ваш дядя ничего о нем не знает: ни кто он, ни откуда он. Этот Джонатан может быть как адептом, так и преподавателем. Придется снова обратиться к лэру Клейтону, чтобы окончательно разобраться в этом деле. Но неужели дело лишь в артефакте? Слишком странный мотив для двух убийств и стольких покушений. Словно здесь замешано что-то личное... — размышлял вслух дознаватель, снова уставившись перед собой невидящим взором. — Смерть Лиадны была мучительной. А если учесть, что этот безумец нанял сперва Росмана-старшего, а затем и его сына, всячески им помогал, значит, вам также готовилась нелегкая участь. Здесь определенно что-то личное.

— Но с бабушкой ведь все вышло иначе, — решила опровергнуть теорию Ламира. Кусочек, связанный с Катриной, не подходил к общей истории.

— Возможно, у него что-то пошло не по плану. Вы точно ничего не помните про артефакт? — синие глаза впились в мое лицо пронизательным взглядом.

— Пыталась, но ничего не получается, словно...

— Словно кто-то поставил блок на память? — закончил маг за меня фразу.

— Да! — я поразилась, как верно он подобрал слова.

— Возможно, так и есть. Ректор академии же говорил, что ваша мама подавала большие надежды, значит, она вполне могла это сделать.

— Моя мама? — ошарашенно спросила у мага. — Но зачем?

— Видимо, хотела от чего-то уберечь. Если хотите, можно узнать, так ли это. Но процедура немного болезненная, — мужчина поморщился, будто ему доводилось испытать это на себе.

— Хочу! — ни секунды не раздумывая, отозвалась на предложение Тонли.

— Тогда приедем в замок и там попробуем докопаться до истины.

«Почему не теперь?» — промелькнуло в голове, однако спросить вслух я так и не осмелилась, положившись на решение дознавателя.

— Что еще? — нетерпеливо вымолвила, вытерев вспотевшие ладони о мягкую ткань дорожного платья.

— Ничего важного... — Ламир поджал губы, а потом горько усмехнулся одним уголком. — Появилась ваша тетя и положила конец нашей беседе, будто это Телений позвал ее по некой незримой связи. У своих родителей я такого не замечал.

На протяжении всего оставшегося пути тема артефакта или же таинственного Джонатана не поднимались. Ламир сидел рядом и усердно о чем-то думал, а я наслаждалась нашей близостью, мечтая прикоснуться к молодому мужчине, ощутить под своей ладонью его крепкие мышцы на груди, биение сердца... Постепенно волнение из-за внезапного появления дознавателя в гостиной сошло на нет. Ведь он непременно бы уточнил, о чем шла речь. Или нет?

Однако стоило прибыть в замок, я осознала, что покоя мне покуда не видать. Едва мы встретились вновь с дознавателем в обеденном зале, чтобы впервые за последние двое суток поужинать в тишине и привычной обстановке, пришел дворецкий и доложил, что у нас...

гостя. Как только главный слуга назвал ее имя, мое сердце замерло, а сама я забыла, как дышать. Лира Элоиза Макнот. Ламир сильно сжал челюсти и нахмурился. Он неторопливо дождался положенный в рот кусочек говядины, сделал глоток воды, вытер салфеткой губы и только тогда встал из-за стола. Аппетит пропал в одно мгновение.

Тонли покинул столовую, а я положила вилку и попросила забрать тарелку с едой, оставшуюся почти нетронутой.

Из коридора с нарастанием доносились очаровательный женский смех, приятный воркующий голос, перемежавшийся стуком каблучков, и вскоре передо мной в сопровождении мага предстала красивая брюнетка. Ее черные как смоль волосы были уложены в замысловатую прическу по последней моде. Они блестели в свете магических светильников и притягивали к себе взгляд. Ярко-красный камень между ключицами игриво сверкал и подчеркивал белизну кожи его владелицы. Темно-карие глаза, обрамленные густыми ресницами, лишь на миг удостоили меня вниманием и вновь с восхищением были подняты на Ламира. Красотка явно не видела во мне соперницы. И осознание этого больно ударило по самолюбию. Я гадала, сколько ей лет: несмотря на ухоженность и обворожительную внешность, девушка не выглядела так уж молодо.

— Лира Айрис, позвольте вам представить лиру Элоизу, мою давнюю знакомую.

Я на мгновение поднялась из-за стола, чтобы ответить реверансом на реверанс.

Обольстительница взглянула на меня с нескрываемой неприязнью и опустилась в свободное кресло слева от главы рода Тонли. Похоже, ей не понравились слова Ламира. словно рассчитывала услышать нечто другое.

— Лира Элоиза, что заставило вас нанести нам визит в столь поздний час? — я взяла чашку с ароматным чаем и пристально посмотрела на брюнетку.

— Так случилось, что в карете сломалась ось, а я как раз проезжала мимо, — она махнула рукой, будто хотела отогнать назойливую муху. — Надеюсь, я не нарушила ваше уединение?

— Ну что вы. мы всегда рады гостям, — невзирая на поедающую ревность, я старалась быть любезной. Неужели она думала, что кто-то поверит в ее рассказы?

— Что нового в столице? — вмешался в разговор маг.

— Без вас, лэр Тонли, там кажется все серым и скучным, — ее голос напоминал тягучий мед. Девичьи ресницы затрепетали, подобно крыльям бабочек. Уроки обольщения красотка усвоила на «отлично». — Когда вы планируете посетить Изуарентаун?

— Пока не знаю. Возможно, через месяц или два. — неохотно отозвался Памир и вернулся к остывшему ужину. Элоиза издала огорченный вздох, но больше не пыталась даже отдаленно завести разговор о явных намерениях, ради которых она здесь объявилась.

Дальнейшая беседа проходила лишь на непринужденные темы, в которых могла поучаствовать и я. Близилась полночь, а гостя не торопилась покидать гостиную, куда мы перебрались сразу из обеденного зала. Брюнетка с каждым часом все чаще бросала на меня презрительные взгляды, всем своим видом требуя, чтобы я оставила ее с Памиром наедине, будто имела на это полное право, но я не обращала на них внимания.

В какой-то момент мои глаза все же начали слипаться. Я поднялась и, пожелав всем спокойной ночи, с тревогой в душе отправилась к себе. Однако стоило лечь в кровать, сон как рукой сняло. К моей великой радости, вскоре в тишине раздались знакомые шаги и стук закрывающейся двери. Губы изогнулись в довольной улыбке, а волнение отпустило. Правда, лишь на миг. Весьма некстати в памяти всплыл случай с Молли. Хоть Элоиза и ни капельки была на нее непохожа, очередному инциденту я уже не удивилась бы. Так и случилось. Словно в воду глядела.

Спустя четверть часа, когда я услышала в коридоре подозрительные шорохи, напоминающие шелест платья, выглянула туда и мельком заметила, как гибкий девичий стан скрылся в покоях Ламира, а слуга, сопровождавший девушку, торопливо исчез в ближайшем повороте. Прошла минута... две... три... Но она так и не показалась вновь. Не раздался лай Ланы, не было мольбы о спасении, только безмолвие ночи, разрывающее на осколки сознание.

Не знаю, что мной двигало в тот момент, но я надела халат и отправилась в комнату, принадлежавшую супругу. Даже не включив свет, уселась в кресло-качалку, стоявшую у окна, обхватила себя руками и посмотрела на чернильное небо, усыпанное редкими звездами. Родной запах, витавший в просторном помещении, успокаивал, а длинный ворс ковра, в котором утопали босые ноги, дарил приятные ощущения. Однако щемящая боль в груди не позволила забыться.

Я негодовала и возмущалась поведением брюнетки. Неужели у нее иссякли планы по обольщению Ламира и остался всего один — через постель? Ладно Молли, молодая и глупая, но эта? Мне казалось, что нельзя опускаться столь низко даже в погоне за любимым мужчиной. Возможно, всему виной было воспитание, полученное в пансионе. А может, они это уже проходили? Внезапно воображение подкинуло картинку, в которой бывший дознаватель сжимает Элоизу в крепких объятиях, страстно целует. Моя выдержка в один миг дала трещину. — Вот и все, Аарон. Все закончилось, — я всхлипнула и спрятала лицо в ладонях.

Глава 49

Внезапно на мои плечи легли чьи-то руки, заставив сильно вздрогнуть. Сердце замерло, спину прошиб холодный пот, но ни один звук так и не успел сорваться с губ — их запечатала широкая ладонь.

— Тсс... — раздался над ухом знакомый шепот. — Надеюсь, лира Айрис, вы не хотите, чтобы на ваш крик сбежались слуги. А также наша гостья, которая сейчас совсем рядом...

Я готова была от счастья броситься Ламиру на шею, прижаться к нему, сказать, как рада видеть, однако лишь отрицательно покачала головой. Мой рот тотчас оказался свободен. Встав с кресла-качалки, я торопливо обернулась. Мне стало легче дышать, будто камень с души свалился, едва увидела дознавателя. На нем по-прежнему был все тот же костюм, что и за ужином. Вероятно, мужчина так и не добрался до своей комнаты, чтобы переодеться. Но почему тогда не подал знака, когда я вошла? Получалось, он слышал мои слова... Однако даже этот момент не омрачил огромной радости, переполнявшей сердце.

— Что вы здесь делаете? — я изо всех сил старалась придать лицу серьезное выражение, но на нем то и дело появлялась довольная улыбка. Хоть в помещении царил полумрак и Ламир вряд ли бы ее разглядел, она проскальзывала в голосе.

— Прячусь, а вы?

Хотелось открыться, признаться в переживаниях, но разве я могла? Слегка вздернув подбородок и расправив плечи, произнесла:

— Вообще-то это моя комната.

Я боялась, что тем самым обижу Тонли, однако в тишине раздался смешок, а в черных глазах полыхнул задорный огонек. Или это отблеск луны, выплывшей из-за туч? Молодой мужчина сделал шаг вперед и нежно провел костяшками пальцев по моей щеке, которые вновь охватило странное зеленоватое пламя.

— Почему вы плакали? — манящий шепот и приятные прикосновения подталкивали прижаться к тыльной стороне ладони. Сражаться с растущим внутри влечением с каждой секундой

становилось все сложнее, однако мне хватило сил отпрянуть и с показным равнодушием вымолвить:

— С чего вы взяли?

— Хотите сказать, мне показалось? — я чувствовала на себе его пристальный взгляд даже в темноте. Ламир ждал, но ответа не прозвучало. Прошло не меньше минуты, прежде чем он вновь заговорил: — Чем займемся?

— Что за странный вопрос, лэр Тонли? Разойдемся по своим комнатам и отправимся спать. Спокойной ночи! — я развернулась, однако не успела и шага ступить, как мужская рука схватила мое запястье, не позволив покинуть покои Аарона.

Я вопросительно посмотрела на дознавателя, ощущая разливавшиеся по телу будоражащие волны, вызванные его прикосновением. Он цокнул языком и с сожалением вымолвил:

— Пока в моей спальне незваная гостья, не выйдет.

Следовало отдернуть руку, но я не предприняла ни единой попытки освободить ее из плена.

— Тогда оставайтесь, а я пойду к себе.

Очередное намерение сбежать не увенчалось успехом — его пальцы чуть сильнее сжались вокруг моего запястья, принуждая задержаться.

— И это невозможно. Вдруг лира заметит, как вы выходите из этой комнаты в одном халате, решит заглянуть сюда, увидит меня... Интересно, что она о нас подумает?

— Не прятаться же здесь всю ночь только потому, что кому-то что-то может взбрести в голову, — недовольно фыркнула и дернула рукой.

Ламир не стал больше удерживать ее, однако я не сдвинулась с места, продолжая всматриваться в едва различимые очертания красивого лица. Мужчина щелкнул пальцами, и над потолком появилось пару светлячков, слегка разогнавших полумрак. Он опустил в кресло и закинул ногу на ногу.

— Предлагаю немного подождать.

— Чего? — озадаченно взглянула на Тонли и села на кровать неподалеку от него. Темно-зеленое покрывало было примято. Похоже, я настолько погрузилась в переживания, что не различила в темноте разлегшегося на постели дознавателя.

— Пока она не уйдет.

— Почему бы ее попросту не выставить? Боятесь обидеть?

— Обида здесь ни при чем. Элоиза — пройденный этап жизни. Во всяком случае, жениться я на ней однозначно не собираюсь, а вот она, видимо, думает совсем иначе, — проговорил Ламир, тяжело вздохнув и подперев рукой подбородок.

— Так скажите ей об этом.

— Не сейчас, утром, когда спадет сила ее амулета и возрастет моего, иначе быть беде.

— А что в нем не так? — я слегка подалась вперед, заинтересовавшись рассказом Ламира.

— Я не могу утверждать, но полагаю, он заколдован, чтобы склонить меня к близости. И его действие ослабнет лишь с рассветом, — абсолютно спокойно вымолвил мужчина, словно мы говорили о выборе нового комода для гостевой комнаты. Я же покраснела от смущения под пристальным взглядом Тонли, устремленным на мою шею. — Кстати, почему вы не носите свой кулон?

Ухватившись за тонкую цепочку, явила на свет подарок матери.

— Вот же он.

— Я не про этот, а про отцовский. Разве он не передал вам амулет перед смертью? — на лице дознавателя отразилась озадаченность.

— Нет.

— Странно. На нем его точно не было во время похорон. Украсть бы никто не осмелился, ина... — он остановился на полуслове, так и не закончив фразу. Внезапно его брови сошлись на переносице, а взгляд стал прожигающим. — Лира Айрис, а вы прошли обряд обмена магией в храме, когда давали брачные клятвы?

— Мы... Аарон... — солгать не получилось, поэтому я замолчала и понуро опустила голову.

— Так вот в чем дело. Теперь все понятно. Вы не смогли бы его носить. Но где он? Хм... — казалось, Ламир не заострил внимания на моих словах, и я облегченно выдохнула.

— Чем займемся? Не будем же сидеть и просто смотреть друг на друга? — попыталась отвлечь Тонли от темы, сулившей обернуться для меня большими проблемами.

— У вас есть другие более заманчивые предложения? — уголки его губ слегка приподнялись, а в глазах заплясали смешинки. Вопрос дознавателя показался мне двусмысленным, и тут же ощутила, как на моих щеках заиграл румянец. Сложилось впечатление, что ему нравилось меня смущать.

— Может, она уже ушла?

Ламир ненадолго прикрыл веки и нахмурился, из-за чего на лбу появились горизонтальные морщины.

— Нет. Маячки показывают, что в комнате кто-то есть.

— А вдруг это Лана? — с надеждой посмотрела на мужчину и уже в тысячный раз поправила постоянно разъезжавшиеся полы шелкового халата.

— Она еще перед ужином выбежала на улицу и пока не вернулась, иначе бы дала уже о себе знать, — на минуту в покоях повисло молчание, но вскоре маг заговорил: — Этим вечером я собирался проверить вечером наличие блока на вашей памяти, но помешала Элоиза. Не желаете сейчас докопаться до истины и попробовать его снять? Но повторюсь: это немного больно.

— Потерплю. Что от меня требуется? — я поднялась и провела чуть вспотевшими от волнения ладонями по скользкой ткани на бедрах и сразу же осознала свою ошибку.

Глаза Памира, проследившего за этим движением, сильно потемнели, а костяшки пальцев, сжавших подлокотники, побелели. Он еле слышно выругался, встал с кресла и подошел к окну. Широкие плечи дознавателя часто приподнимались, будто мужчина пробежал до этого ни один километр. Я же стояла в растерянности и смотрела ему в спину, не зная, что делать. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем дознаватель наконец оторвался от подоконника и повернулся ко мне. Его взгляд прояснился, с лица исчезла былая напряженность.

— Просто лягте и не шевелитесь. Если будет очень больно, вам следует меня остановить. Не нужно геройствовать и мучиться. Это не принесет никакой пользы. Договорились?

Я кивнула и поторопилась выполнить указания мага: забралась на кровать и накрылась покрывалом. Памир немного помедлил, затем подошел к постели, сел на ее край и начал резко взмахивать надо мной руками, проговаривая незнакомое заклинание. Сперва ничего не происходило, но спустя пару минут появились неприятные ощущения. Казалось, кто-то взял в ладони голову и пытался ее сжать. Я почувствовала, как со лба скатилась капелька пота... вторая... Благо мужчина ничего не заметил. Судя по потемневшим глазам дознавателя, подрагивающим векам, губам, превратившимся в тонкую линию, ему эта процедура также была неприятна.

Боль нарастала. Я уже хотела попросить мага прекратить, когда раздался шелчок, будто кто-то отпер ларец, а потом комнату озарила яркая вспышка света, заставившая зажмуриться. В теле появилась необычайная легкость. Я снова посмотрела на потолок, под которым летали крохотные светлячки. Вскоре из-под длинных мужских пальцев в воздухе стали появляться картинки, нарисованные огнем. Они так быстро сменяли друг друга, что я с трудом различала их очертания. Внезапно все закончилось: Памир устало опустил руки и с тревогой взглянул на меня.

— Как вы? — он дотронулся до моего лба и сделал глубокий вдох.

— Я в порядке. У вас получилось? Вы сняли блок?

Глава 50

— Да, — без промедления, с абсолютной уверенностью отозвался Ламир.

А вот я засомневалась в успехе проведенного ритуала.

— Странно... — проговорила нараспев и села на кровати.

В теле ощущалась сильная слабость, как после долгой болезни. Хотя маг тоже выглядел теперь не самым лучшим образом: тени, залегшие под глазами, нынче напоминали синяки, румянец сошел со щек, появилась неприятная бледность.

— Что такое? — Ламир слегка прищурился, чуть подался вперед и снова стал с волнением скользить взглядом по лицу.

— Я не могу сказать, что вот взяла и вспомнила все за одно мгновение.

Бывший дознаватель усмехнулся, но без злорадства, протянул ко мне руку и убрал за ухо прядь, прилипшую к виску.

— Вспомните, лира Айрис. Не сразу, но обязательно вспомните. Вам просто нужно хорошо поискать то, что было заблокировано. Оно не лежит на поверхности, а припрятано в недрах сознания, ведь это очень давно не тревожили.

Я понуро опустила голову, а мужчина продолжал смотреть на меня. Бархатистый голос мага вскоре нарушил тишину, зародившуюся в покое:

— Если предположить, что разбойное нападение на особняк Хотдженса заказал Джонатан, значит, он знает, что артефакта у вас нет. Интересно, откуда?

— И правда... — я почувствовала, как по спине заструился холодок.

— Почему сперва не на вас?

— Без понятия, — пожала плечами.

Ламир поднялся и начал расхаживать по комнате. Ковер заглушал его шаги. В какой-то миг он резко остановился и нахмурился.

— На вас точно никто недавно не нападал? Вещи не пропадали?

— Нет, — я отрицательно покачала головой, и в это мгновение в памяти всплыл момент, произошедший со мной на пристани. — Хотя...

— Рассказывайте, даже если это кажется сущим пустяком, — маг заметно напрягся.

— Несколько месяцев назад у меня в порту украли саквояж. Но в нем не было ничего ценного. Так, сменное белье, платье...

— Вряд ли это совпадение. Но что его вдруг спровоцировало? И почему не сорвали кулон?

Ведь он больше привлекает внимание. Я могу сделать лишь один вывод: Джонатан знает, что эту вещь не носят на себе. Следовательно, он имеет представление об артефакте.

— Возможно, мама ему показывала его, раз они были знакомы, — я подтянула колени к груди и положила на них подбородок.

— Вот тут и кроется очередная загадка: кем Джонатан ей приходился, что при Клейтоне она всего однажды осмелилась заговорить о вероятности существования таинственного предмета, а этому не побоялась о нем рассказать.

— А вдруг он подслушал? Или был очевидцем ритуала по снятию проклятия?

— Тоже возможно, но я все же склоняюсь к другой версии. Есть предположение, что это?

— Нэр Телений говорил, что бабушка передала маме шкатулку, — стоило мне это произнести, как перед глазами возник образ небольшой серебряной коробочки с чудесной резьбой.

— Вы уверены? — на лице Ламира отразилась озадаченность. — Думаете, это и есть артефакт? Внезапно голову пронзила резкая боль. Виски, казалось, протыкали толстыми иглами. Я прижала к ним пальцы в надежде, что спазм вот-вот пройдет, и закусила губу, чтобы не закричать. Во рту появился неприятный солоноватый привкус. Кровать возле меня прогнулась. Приятное прикосновение — и мигрень отступила.

— Спасибо, — едва слышно прошептала я и с благодарностью посмотрела на мужчину.

— Что-то вспомнили?

— Немного. Лишь как она выглядела. Не предполагала, что будет так больно.

— Память порой, как осколок. Она выворачивает души, рвет сердце на части. Иногда, наоборот, хочется забыться, начать жизнь заново...

«Осколок... осколок...» — зашумело в ушах, словно ветер гонял листву по парку. Внезапно я увидела маму, сидящую все с той же книгой в руках на скамеечке под раскидистым деревом. Но родные черты быстро начали расплываться, и вскоре взору предстал Аарон. «... будто зеркально искажила возраст смерти, изменив ее на шестьдесят два...» — раздались его слова. И вновь возник образ матери, но уже держащей маленькое круглое зеркальце в ажурной металлической оправе.

— Айрис, я хочу, чтобы ты выслушала меня со всем вниманием, — ее голос дрожал. Она то и дело озиралась по сторонам, словно чего-то боялась.

— Да, мамочка! — я села рядом с ней на скамейку и принялась болтать ногами. Обычно она делала замечание за подобное поведение, но в тот момент промолчала.

— Это очень ценная вещь, Айрис.

— Красивая! А можно мне ее поддержать? — я потянулась к зеркальцу, и через мгновение холодный предмет лег в крохотные ладошки. Но не успела я налюбоваться сокровищем, как мама спрятала его в серебряную коробочку.

— Давай поиграем.

— Во что?

— Представим, что это клад, и закопаем его под тем деревом, — мама указала на дуб позади нас и заговорщицки подмигнула. — И это станет самым большим нашим секретом. Согласна, девочка моя?

— Конечно! — с детским восторгом воскликнула я и захлопала в ладоши.

— Какая ты все-таки умница, — в ее фиолетовых глазах застыли слезы. Она склонилось и поцеловала меня в макушку. — Только прошу, никогда и никому о нем не рассказывай.

— Но почему мамочка?

— Это же наш с тобой секрет: Айрис. — на ее губах появилась едва заметная улыбка. — Если про него кто-то прознает., то это уже не будет тайной. Так ведь?

Мама пыталась донести до меня всю важность нашей затеи., а я воспринимала это не более, чем игру. Добившись обещания., что я буду молчать, она завернула шкатулку в отрез ткани, а затем положила ее в заранее выкопанную ямку.

Я почувствовала, как по щекам побежали ручейки, и торопливо начала их вытирать, размазывая слезы по лицу. Передо мной возник платок, протянутый Памиром. Лишь благодарно кивнув, быстро промокнула им глаза.

— Зеркало, — проговорила я, тихонько всхлипнув.

— Что «зеркало»? — бывший дознаватель с тревогой смотрел на меня. Он явно не понимал, чем вызвано мое состояние.

— Артефакт — это зеркало, — я потупила взгляд, не решаясь поднять его на Памира, едва представила, как сейчас выгляжу.

— Вы вспомнили, — с горестным вздохом вымолвил мужчина, взял меня за руку и стал поглаживать ее подушкой большого пальца. — И где оно?

— В особняке Хотдежнсов. Спрятано в парке, — осмелилась поднять на него глаза.

— Думаете, уцелело? — он склонил голову набок и вскинул одну бровь.

— По всей видимости, да, раз его никто до сих пор не нашел. — ответила, растягивая слова.

— Значит, нам надо сегодня же отправляться в путь, чтобы навестить вашего отчима, иначе можем опоздать, — решительно заявил Памир, затем на миг прикрыл веки и нахмурился. Он с грустью посмотрел на вторую половину кровати и выпалил со злостью: — Похоже, Элоиза вознамерилась просидеть в моей комнате до утра. Что за безобразие! В собственном доме не могу нормально отдохнуть.

Маг негодовал. Ему явно хотелось поскорее прилечь и поспать после тяжелой дороги да утомительного ритуала по снятию блока, а вынужден был прятаться от назойливой девицы.

— Так ложитесь. Я в кресле подремлю, — едва моя нога коснулась мягкого ворса ковра. Памир встал и недовольно скривился.

— Мне и на полу сойдет. — пробурчал мужчина, словно мое предложение задело его за живое. Он обогнул кровать, взял подушку, стянул плед, который к тому времени я сдернула с себя, достал из шкафа одеяло, стараясь не греметь дверцами, и улегся на импровизированную постель. Казалось, не прошло и минуты, как раздалось мирное сопение. Его скорости засыпания стоило позавидовать. Правда, едва сама сомкнула глаза, как отправилась в царство снов вслед за магом.

Проснувшись я от громких голосов, раздающихся где-то неподалеку. И один из них принадлежал Памиру. Мужчина явно пребывал в гневе. Уж эти холодные и презрительные нотки я знала не понаслышке. Вскочив с кровати, подобно пружине, метнулась к двери и, как можно тише, нажала на ручку. Благо петли не заскрипели. Образовавшаяся щель улучшила слышимость. К тому же дверь в покои Памира, видимо, осталась не заперта.

— ... должен вам отчитываться? Что вы делаете в этой комнате?

— Памир... — заворковала обольстительница.

— Разве мы с вами настолько близки, что вам позволено называть меня по имени? — от его леденящего душу тона даже на моей спине волоски встали дыбом.

— Но...

— Повторюсь: что вы здесь делаете? По какому праву явились сюда?

— Я хотела поговорить, — уже намного тише, без прежней уверенности в голосе ответила брюнетка.

— О чем? Неужели это было столь срочно, что вы осмелились проникнуть в мои покои?

— О нас.
— О нас? — послышался смешок мага. — Нет больше никаких нас, лира Элоиза. И не будет! Вы сами сказали, что не собираетесь выходить замуж за ищейку, пусть и главную в империи.
— Прости, я погорячилась тогда, — в данный момент мне представилось, как она хлопает ресницами и томно смотрит на Тонли, состроив милое личико. — К тому же ты покинул этот пост. — похоже, девушка не вняла предупреждениям Ламира.
— К сожалению, лира Элоиза, должен вас разочаровать: ищейками не становятся, ими рождаются. Хотя я и покинул пост, в душе по-прежнему ощущаю себя дознавателем. И так будет до конца моей жизни. Теперь же прошу оставить меня одного.
— Ламир, я люблю тебя! И дня не было, чтобы я не думала о тебе! — сквозь всхлипывания прозвучало пылкое признание, полоснувшее по сердцу. Неужели маг купится на него?
— А я вас нет. И, похоже, вспомнили вы обо мне лишь после смерти лэра Аарона Тонли. Кстати, ваша карета находится в полной исправности. Да и никаких поломок, как оказалось, не было. Так что можете со спокойной душой продолжить путешествие.
— Памир...
— Вы меня задерживаете, лира Элоиза. — послышалось грозное высказывание дознавателя, вслед за которым раздались громкий стук захлопывающейся двери и торопливые шаги по коридору.
Я оперлась спиной о холодную стену, и на моих губах тотчас заиграла довольная улыбка.

Глава 51

Этим утром мне понадобилось больше времени, чем обычно, чтобы привести себя в порядок. Недостаток сна сказался на внешности: кожа на лице лишилась естественного сияния и потускнела, выдавая накопившуюся усталость. Да и прическу я попросила горничную сделать по последней моде, но не слишком вычурную. Следовало хоть немного придать себе весомости в глазах незваной гостьи.

Однако, к моему удивлению, Ламир завтракал в полном одиночестве. Прошла минута... две... десять, но брюнетка все не появлялась. Меня так и тянуло поинтересоваться у мага, куда запропастилась обольстительница, но не осмеливалась, поэтому решила зайти издалека:

— Ваше предложение отправиться в Дельтаун сегодня все еще в силе?
— А разве для этого возникли какие-то преграды?

Дознаватель был неглуп. Хотя его широкая бровь и округлилась вопросительно, несомненно, он понял, чего я добивалась. Вряд ли от Тонли укрылось, сколько раз мой взгляд устремлялся ко входу в ожидании очаровательной брюнетки.

— Не покажется ли лире Элоизе наш внезапный отъезд верхом неприличия?
— Отчего же? — мужчина неторопливо сделал глоток кофе, словно собирался с мыслями, и продолжил: — Она и сама уже покинула замок.
— Когда? — удивленно посмотрела я на Ламира, остановив занесенную ко рту ложку с шоколадным пудингом.
— Час назад. Наша гостья вспомнила о неотложных делах в столице. Карета к тому часу была готова, вот она и умчалась. Просила передать вам свои извинения и наилучшие пожелания. В правдивости последней фразы я сильно сомневалась, но с наигранным сожалением поблагодарила мужчину и со спокойной душой продолжила завтракать. Одной проблемой стало меньше. Зато появились другие: как отнесется к неожиданному визиту лэр Хотдженс? Удается ли незаметно выкопать шкатулку? А главное, не следил ли за нами Джонатан?

Ровно к одиннадцати к парадному входу был подан экипаж, и мы отправились в волнительную поездку. Мне показалось немного странным то, что маг взял с собой двоих охранников. Будто Ламир чего-то опасался. Хотя с тех пор, как ко мне вернулись воспоминания, я и сама начала бояться будущего, но постоянно отгоняла прочь тревожные мысли.

К вечеру следующего дня карета замерла у особняка Хотдженсов. Хотя я и родилась в этом доме, провела здесь почти все детство, с некоторых пор он стал чужд мне, что не могло не удручать.

Стоило кучеру остановить лошадей, вся семья в составе четырех человек высыпала на крыльцо поприветствовать гостей. Если отчим и удивился моему внезапному приезду, к тому же в сопровождении бывшего дознавателя и двух стражников, то не подал и виду. Со дня нашей последней встречи, наполненного отчаянием и горькими слезами, казалось, Томас снова поправился. Черные глазки нынче походили на узенькие щелочки, живот увеличился, из-за чего нижние пуговицы на рубашке того и гляди норовили посыпаться на пол при малейшем резком движении, а щеки свисали едва ли не до плеч. Возможно, сыграли роль уроки, преподанные Аароном, либо придало уверенности наличие собственной крыши над головой или же тому виной было присутствие Ламира, с которым чувствовала себя защищенной, но я больше не боялась бывшего опекуна. Правда, отношение ко мне и отчима, и мачехи разительно изменилось: они начали лебезить, чего я терпеть не могла.

Поскольку мы приехали незадолго до ужина, то чуть ли не сразу были приглашены к столу. Я быстро приняла ванну, сменила дорожное платье на простое, но дорогое, одно из тех, что купила уже после смерти Аарона, спустилась в столовую и облегченно выдохнула. Ламир уже стоял у окна и о чем-то беседовал с Томасом. По легкому прищуру и сжатым в тонкую линию губам бывшего дознавателя я поняла, что ему был крайне неприятен разговор, но магу приходилось терпеть назойливого хозяина дома, который всячески хотел проявить радушие. Его супруга же не осмеливалась подойти к мужчинам, лишь бросала на них короткие встревоженные взгляды, общаясь тем временем с еще одним своим гостем — лэрмом Колиста, который, видимо, давно здесь обосновался. Детей этим вечером к столу не допустили, что сильно меня удивило. Возможно, Тэйлана очень боялась Ламира, вернее, его замечания откровенно схожести детей с семейным целителем и убрала их с глаз долой.

Вечер тянулся мучительно долго. Мне с трудом удавалось усидеть на стуле. Хотелось поскорее отправиться в парк и удостовериться, что артефакт по-прежнему лежит у раскидистого дуба, а не смотреть на раскрасневшегося от вина Томаса, который начал сетовать на жизнь.

Я зачастую украдкой поглядывала на часы, дожидаясь возможности сослаться на усталость и отправиться в свою комнату. Едва они пробили десять, я вскочила с кресла, пожелала всем доброй ночи и покинула гостиную, где мы коротали время после сытного ужина. Попросив горничную помочь снять платье, улеглась при ней в постель — следовало создать видимость сна.

Как только девушка выключила свет и закрыла за собой дверь, я тихонько встала, в крошечной темноте надела тренировочный костюм, высокие сапоги, а волосы, заплетенные в тугую косу, уложила с помощью шпилек в незатейливую прическу, не позволяя из нее выбиться ни единой прядке, и снова принялась ждать. На этот раз Ламира. Мы еще в пути условились, что операция по вылазке в парк ляжет на него. У мужчины имелось много опыта в подобном деле. Мне же и сбежать не удалось накануне свадьбы. Чему теперь была весьма рада, ведь не окажись я тогда под защитой Аарона, непременно попала бы в лапы негодяю.

Когда в доме смолкли голоса, а из коридора перестали доноситься шаги, бесшумно приоткрылась дверь, проложив на полу длинную полосу света, и в комнату вошел Памир. Он напоминал сейчас своими тихими и осторожными движениями хищника, крадущегося к добыче. Мужчина также был одет в кожаные штаны и черную рубашку. В любой другой момент я непременно залюбовалась бы им, но не сейчас, когда так много стояло на кону: начиная с моей репутации и заканчивая жизнью. Щелчок пальцев — и крохотный светлячок осветил его серьезное лицо.

— Вы готовы? — раздался еле слышный шепот.

Я нервно сглотнула, затем кивнула, и маг взмахнул несколько раз руками, после чего в коридоре погас свет. Выждав пару минут, Тонли схватил меня за запястье и, немного помедлив у двери, рванул к лестнице. Я едва поспевала за ним.

Спустя четверть часа, показавшиеся бесконечно долгими, мы очутились на улице, так и не попавшись никому на глаза. Хоть охраны у Хотдженов и не прибавилось после разбойного нападения на особняк, до раскидистого дерева нам пришлось добираться короткими перебежками. Благо не ползком. Но ради артефакта я бы и на это решилась, ведь в душе затаилась надежда на маленькую весточку от любимой матери.

Пока Памир ковырял висевшим до этого у него на поясе ножом заледевшую землю, порой разогревая ее магией, я непрерывно вертела головой по сторонам. Все шло уж слишком гладко, как по подтаявшему сливочному маслу, и это сильно настораживало. Когда все так хорошо

складывается, непременно начинаешь задумываться, что что-то не так, поэтому вздрагивала от малейшего шороха.

Тихий лязг металла о металл отвлек меня от тягостных мыслей и заставил сердце набрать обороты. Я торопливо присела на корточки около Памира, продолжавшего высвобождать шкатулку из оков замерзшей почвы. К сожалению, за широкими плечами мага ничего не было видно, поэтому я снова поднялась и прикоснулась пальцами к шершавой коре, вскоре нащупав надпись, сделанную много лет назад. На губах тут же появилась улыбка. На миг показалось, что ночь сменилась днем, и я увидела маму наяву, такую же молодую и красивую, какой и запомнила ее.

Я едва не вскрикнула от неожиданности, когда почувствовала на плече горячую ладонь. Видимо, настолько ушла в себя, что не расслышала, как маг меня позвал. Обернувшись, увидела в руках дознавателя коробочку. На миг мне показалось, что это другая шкатулка, но присмотревшись к резьбе, узнала ее. Правда, она сильно потемнела от времени и условий хранения. Я мечтала поскорее открыть шкатулку, увидеть артефакт, найти послание от матери, но разум тревожно настаивал поскорее покинуть это место и спрятаться в стенах особняка. Памир не стал медлить, он сам принял решение: положил клад, пролежавший в земле целых десять лет, в небольшую сумку, переброшенную через плечо, снова схватил меня за руку и двинулся к особняку. Теперь в его движениях появилось еще больше напряжения. Мужчина, как и я, ожидал каждую секунду подвоха. Никто из нас не верил, что все пройдет без сучка без задоринки, ведь уже два близких мне человека заплатились жизнями за крохотное круглое зеркальце, обладавшее неимоверной силой.

Глава 52

Только добравшись без проблем до двери, ведущей из парка в кухню, я вздохнула полной грудью, ведь всю дорогу от раскидистого дерева до особняка боялась даже моргнуть, не говоря уже про то, чтобы чихнуть, хотя в носу то и дело щекотало от морозного воздуха. Ламир разомкнул наши руки, и я в тот же момент почувствовала себя неудобно. Он нажал на ручку, с едва слышным скрипом приоткрыл дверь и замер, прислушиваясь к звукам в помещении.

Тишина. Маг первым проник в дом, а спустя пару мгновений поманил и меня.

В кухне царил полумрак и не было ни единой живой души, если не брать в учет мышей, которые хрустели по углам припасами. Бывший дознаватель не наколдовал даже малюсенького светлячка, поэтому мы пробирались среди множества столов в крошечной тьме. Ламир шагал медленно, аккуратно, крадучись. Я старалась повторять за ним движения, но у меня так не получалось: то носком сапога зацепила табуретку, от скрежета которой даже грызуны затихли, тем временем как мое сердце бешено забилося, намереваясь сбежать от непутевой хозяйки; то каблук застучал громче, чем следовало бы — из-за чего нам приходилось останавливаться и выжидать пару мгновений, прежде чем продолжить путь.

Нам оставалось совсем чуть-чуть: всего-то подняться на второй этаж и добраться до своих комнат, когда раздались чьи-то шаги. Вслед за ними послышались и едва различимые голоса. Один из них принадлежал мачехе, а другой — лэру Клейтону. Реакция Ламира оказалась молниеносной: он схватил меня за руку и запихнул в крохотную кладовую под лестницей. Места было ужасно мало, из-за этого нам приходилось плотно прижиматься друг к другу. Благо сквозь узкие щели проникали тонкие полоски света.

— ... они явились? — возмущалась Тэйлана. — Ведь неспроста. Ладно еще эта, а Тонли чего с ней приперся? Как же он мне не нравится. Угрюмый, нелюдимый, молчит в основном и наблюдает за всеми. Да на него как глянешь, хочется признаться даже в том, чего не совершал. Я давилась хохотом, с трудом сдерживалась, чтобы не рассмеяться в голос. Как оказывается, мачеха боялась бывшего дознавателя. А тот грозно на меня посмотрел, и я мгновенно затихла, продолжая улыбаться.

— Дорогая, успокойся, — в голосе целителя было столько любви, что невольно позавидовала Тэйлане. — В твоём положении нельзя волноваться.

Вот так новости! Мачеха вновь в положении? Почему тогда не поделилась столь радостной новостью?

— Эх, Джереми, если бы не ты, не представляю, как бы я все это вынесла. Мне кажется, Томас начал подозревать, что дети не его. А теперь и вовсе не знаю, что делать, — раздался громкий всхлип. Видимо, женщина расплакалась.

— Да ни о чем он не подозревает. Ты накручиваешь себя. Всему виной беременность.

— А как не переживать, Джереми? Через пару месяцев станет виден живот, а Томас даже не приходит ко мне в спальню. Что я ему скажу? Что ветром надуло? — в голове Тэйланы послышались нотки раздражения.

— А сама не пробовала навестить супруга ночью?

Услышав подобные слова от целителя, я пришла в ярость и слегка дернулась. Возможно, ударилась бы головой о стену, если бы не рука Ламира, которая так вовремя легла на затылок. Едва он насупил брови, я потупила взгляд.

— Пробовала... и не единожды, но до дела так ни разу и не дошло. Боюсь, он уже не в состоянии, — она снова всхлипнула.

— Не плачь. Что-нибудь придумаем. Уедут гости, я напою его, а ты разденешься и ляжешь с ним рядом, а на утро поблаговаришь за чудесную ночь. Пусть думает, что у вас все было.

— Скорей бы. Но что-то мне сдается, что они не покинут дом, пока не получают желаемое, — задумчиво проговорила рассудительная Тэйлана.

— Что же? Особняк?

— Они его точно не получают, — с абсолютной уверенностью заявила женщина. — Не знаю, что там за темная история с матерью Айрис, но к документам не подкопаться.

— Зачем Томас ее столько лет содержал? Почему сразу не выбросил на улицу? — удивленно вымолвил целитель. — Она ведь ему по сути никто.

— Не знаю, Джереми. Не спрашивай даже. Сколько раз я пыталась это выяснить, но он лишь отмахивался, говорил, что так надо. А ведь ее обучение не из дешевых. Даже не представляешь, сколько денег мы выбросили на ветер. Ай! — тихонько вскрикнула мачеха.

Ее слова вызвали в душе бурю негодования и море вопросов, ответы на которые я надеялась найти в шкапулке.

— Что такое? — взволнованно спросил лэр Калиста, а вслед за этой фразой раздался и торопливые шаги.

— В животе кольнуло.

— Переволновалась, поди. Иди ложись, я сейчас принесу успокоительные капли.

— А можно?

— Тэйлана, не стану же я вредить собственному ребенку, — уже более приглушенно ответил целитель, после чего голоса стихли.

Только теперь я решилась поднять взгляд на Ламира, стоявшего до неприличия близко. Мы едва ли не прижимались друг к другу. Я ощущала исходящее от мага тепло, которое мое тело с жадностью поглощало и подталкивало сократить расстояние между нами до минимума.

Мужчина смотрел на меня ласково и в то же время задумчиво, с нежностью и толикой горечи. Но в синих глазах отразилось еще какое-то странное чувство, от которого у меня перехватило дыхание. И он даже не попытался спрятать его за маской отчуждения, когда заметил мой растерянный взгляд.

Опьяненная близостью, не отдавая себе отчета в действиях, я поднялась на цыпочки и провела кончиками пальцев по скулам, щекам, неотрывно глядя на Памира. Сперва на красивом лице появилось удивление, а затем в потемневших глазах вспыхнул огонь. На мгновение стало страшно, настолько он казался безудержным, однако руку так и не отнял.

— Мне это точно снится, — прошептал Памир, вызвав у меня легкую улыбку. — Пусть я буду потом проклят, пусть всю оставшуюся жизнь буду терзаться мучениями, но сейчас меня никто не остановит...

Больше он не сказал ни слова, а впечатал меня в стену всем телом и обжег губы в страстном поцелуе. Буря чувств накрыла с головой, лишая рассудка. Я полностью отдалась в ее власть, зарываясь пальцами в мужские волосы, притягивая к себе его голову и испытывая странное возбуждение. У меня внутри порхали мотыльки, прорываясь дрожью наружу. Казалось, в данную минуту сливались в поцелуе не только наши губы, но и наши магии, решившие впитать в себя частичку друг друга, поскольку в груди появились странные ощущения, будто ее пронзила молния, а кожу охватил пожар.

Сильные руки меж тем ласкали спину, а я бесстыдно прижималась к мужчине. Хоть воздуха в легких уже давно не хватало, не пыталась остановить Памира. Я боялась, что стоит нам разомкнуть губы, все произошедшее обернется миражом. Однако даже когда это произошло, маг продолжил с нежностью смотреть на меня, поглаживая щеку тыльной стороной ладони. — Мы непременно все обсудим дома, — прошептал на ухо бывший дознаватель и резко отстранился.

Здро́во мыслить я сейчас не могла, поэтому целиком и полностью положи́лась на Тонли, который приоткрыл дверь кладовой, погрузил холл в темноту и стремглав рванул на второй этаж. Мы тихонько прошмыгнули мимо множества комнат, так никого и не повстречав в коридоре, и вскоре оказались в выделенных мне покоях.

— Спокойной ночи, лира Айрис, — пожелал мужчина на прощание, задержался на мне ненадолго взглядом, затем едва ощутимо прикоснулся губами к запястью и, выставив маячки, оставил меня одну. Его не пришлось об этом даже просить.

Я села на кровать, положила шкатулку на колени, перевела дыхание и сдвинула защелку. Крышка не сразу поддалась, пришлось немного помучиться. Первое, что бросилось в глаза, когда она открылась, адресованное мне письмо, сложенное в несколько раз. Торопливо развернув дрожащими пальцами пожелтевший листок, с волнением принялась читать.

Айрис, девочка моя,

Если ты сейчас читаешь это письмо., значит., меня уже давно нет с тобой рядом, а дар пробудился. Ведь только он и человек, которого я долгое время считала другом, могут потревожить твои воспоминания Я собираюсь поставить на них блок, а свои местами и вовсе стереть, как только мы спрячем артефакт., чтобы уже никто до него не добрался, кроме тебя., мой цветочек.

Возможно, заключив сделку с одним из виновников своей смерти, я совершила самую огромную ошибку в жизни, но поступила так, Айрис, только из любви к тебе. Ведь никакие сокровища мира не стоят дороже жизни. Жизнь — бесценна. Думаю, ты не раз задашься вопросом: почему я завещала все ему. а не тебе? Будешь искать в моем поступке какой-то подвох, оправдания. Не ищи, не надо... Я сама на это пошла, без чьего-либо давления, сама отдала Томасу все, что у меня есть, в обмен на твою безопасность. К сожалению, я слишком поздно поняла, что наш брак не случаен, а жить мне осталось уже недолго. Попросить же позаботиться о тебе было некого. Мой отец ни за что бы тебя не принял. К сожалению, он так и не простил меня, сколько его ни умоляла. Вдобавок ко всему еще и маму мог выгнать на улицу без медяка в кармане, если бы она попыталась на него набавить Она и так каким-то образом нашла Контана, заплатила ему огромные деньги, чтобы тот взял меня уже беременную замуж. Арчер же наверняка до сих пор не знает о твоём существовании. Да и мои письма странным образом больше не доходят до адресатов Думаю, и тут не обошлось без Джонатана, взявшего ситуацию полностью под свой контроль.

Пусть целитель и говорит, что причина моего недуга не ясна, я уверена, что мое сердце давно находится во власти опухоли, вызванной принамом — одним из самых коварных ядов, существующих во всем мире. Почему так поздно распознала? Наверняка над ним поработал Джонатан — выдающийся алхимик. Ведь симптомы были несвойственны для подобного отравления. Кто, когда и как это делал, теперь уже не важно. Время вспять не повернуть, как и не обратить действие яда. Теперь меня заботят лишь ты и твое будущее...

Когда я поняла, что умираю, день и ночь искала выход и нашла... Вероятно, не самый лучший, не самый надежный, но Хотдженс поклялся на крови, что спрячет тебя от недруга до твоего совершеннолетия в обмен на мое состояние. Томас трус, падкий на деньги

жалкий трус, в котором искала спасение, а нашла смерть Однако я знаю, что под страхом смерти он сдержит слово, а значит, впереди еще целых десять лет, которые могут многое изменить. Отныне я в силах только мечтать, что на твоём пути попадутся добрые люди, которые протянут в трудную минуту руку помощи.

Прости за украденную мечту, прости за ту любовь, которую я больше тебе не подарю. Знай, ты — самое лучшее, что было в моей жизни, всем моим смыслом. Я не жалела ни одной минуты, что переступила дозволенную грань и сама же совратила любимого пэра Клейтона, когда получила из дома весть о предстоящей помолвке с человеком наподобие отца. Я не могла иным способом изменить уготовленную мне участь, постигшую некогда и мою маму. Однажды: увидев ее в слезах после очередных побоев, дала себе зарок, что у меня будет все по-другому. Правда, ошиблась... Порой в голову приходит мысль, что таким образом мы расплачиваемся за свой дар. Иначе как объяснить такое невезение в любви? Но, несмотря на эти рассуждения, я лелею надежду что ты непременно встретишь достойного человека. Пусть моя смерть станет отправной точкой в твоём счастье. Ради него я готова пойти на многое...

На дне шкатулки лежит небольшая инструкция по применению артефакта. Береги его от таких, как Джонатан. Это зеркало способно не только исцелять людей от проклятий, но и творить ужасное зло. хотя он и есть воплощение зла...

К сожалению, листок заканчивается, хотя мне еще столько всего хочется тебе рассказать. Существует много вещей, которые я мечтала разделить с тобой, жаль, что нам отпущено так мало времени. Однако я всей душой, а не очерненным сердцем надеюсь, что настанет день и ты не только примешь, но и поймешь мои поступки, простишь за все тяготы, которые еще выпадут на твоём пути, а меня не будет в этот момент рядом. На этом я прощаюсь, крепко обнимаю и целую. Помни: я буду любить тебя вечно...

Мама

Глава 53

Я еще раз перечитала письмо, написанное мелким ровным почерком, и положила его рядом с собой на кровати. Содержимое шкатулки, по-прежнему находящейся у меня на коленях, как-то в один миг перестало иметь значение. Сердце от полученных сведений разрывалось на части. Меня душили слезы, которым я никак не позволяла пролиться, и ярость, подталкивающая покинуть комнату и отыскать отца, чтобы высказать все, что думаю о нем, довести до сердечного приступа, не заботясь о последствиях. В какой-то момент раздался всхлип, больше похожий на вой, и серебристые ручейки потекли по щекам. Встав с постели, подошла к окну и уставилась невидящим взором в темноту. Я настолько погрузилась в размышления, что не расслышала, как открылась дверь. Однако ни капельки не вздрогнула, а даже обрадовалась, когда на плечи уже по привычке легли горячие мужские ладони. Тепло, исходившее от Ламира, прогнало чувство обреченности и одиночества, пытавшиеся прокрасться в душу. Он развернул меня к себе, вытер тыльной стороной ладони слезы, а затем слегка приподнял указательным пальцем подбородок, заставив посмотреть на него. Я увидела взгляд, наполненный нежностью и сочувствием. Не говоря ни слова, маг притянул меня к себе и сомкнул руки за спиной. Я не сопротивлялась этим объятиям. Не могла.

Только не сейчас, когда так нуждалась в нем. Только как он узнал об этом? Неужели почувствовал?

— Как вы? — прошептал мужчина на ухо, опалая кожу горячим дыханием.

— Не очень, — позволила себе открыть ему душу. — Внутри меня клокочет ярость. Я сейчас похожа на бешеного пса, готового растерзать Хотдженса на куски.

— Смерть вашей матери все-таки его рук дело? — прикосновение к щеке мужской руки, охваченной красноватым пламенем, уняло гнев.

— По крайней мере, с ее слов, без него там не обошлось.

— Собираетесь выложить ему все поутру?

— Я не знаю, что мне делать, — тихо и медленно проговорила я упавшим голосом.

— Думаю, вам стоит промолчать. По возвращении домой я отправлю Деклифу, с вашего позволения, это письмо. С него сделают копию и вернут вам оригинал, а Хотдженсу предъявят обвинения. Ведь если сейчас вы ему обо всем расскажете, он непременно избавится от улики, которые помогут привлечь его к ответственности за смерть вашей матери. Внезапность — один из ключевых принципов в дознавательском деле. В противном случае он может избежать заключения, — Ламир выжидающе посмотрел на меня, и я едва заметно кивнула.

— Но я не знаю, как вынесу даже пять минут в его обществе. Когда мы можем покинуть этот дом? — с мольбой взглянула на мага. В его синих глазах поселилась тревога. Он не сразу ответил:

— Утром. Сразу после завтрака. Вас устроит?

— Более чем.

— В письме говорится, что-нибудь о Джонатане?

— Да, но совсем немного. Лишь то, что она считала его другом и он не мой отец, — я поджала губы и отстранилась от Ламира. Признаться, что мама сама совратила женатого мужчину, было не так-то просто.

— И кто же?

— Лэр Клейтон, — отозвалась, понуро опустив голову.

— Мне показалось или вы расстроены этим фактом? — Тонли, не получив ответа, продолжил:

— Ректор — хороший человек, сильный маг... Если переживаете из-за поступка матери, то просто примите эту действительность, не подвергая ни его, ни ее осуждению. Я же обещаю сохранить имя вашего отца в секрете. Но, думаю, Арчер будет рад узнать, что у него помимо четырех сыновей есть дочь, тем более такая умная и красивая...

— Спасибо, — искренне поблагодарила Ламира за поддержку. Именно этих слов мне сейчас и не хватало.

— Артефакт на месте?

— Не знаю, — пожала плечами. — Я первым делом прочла письмо.

— Не хотите на него взглянуть?

В данную минуту взрослый мужчина напоминал чем-то маленького мальчика, сгоравшего от нетерпения поскорее увидеть подарок, спрятанный под елкой.

Я подошла к кровати и снова открыла шкатулку, чувствуя, как Ламир следует за мной. Уже через мгновение в моих пальцах оказался кожаный чехол. Торопливо развязав его, достала небольшое зеркальце в ажурной оправе. Стоило посмотреть на свое отражение в нем, как тело прошиб мощный разряд, заставив согнуться пополам от боли. Каким-то шестым чувством я поняла, что артефакт принял таким образом новую хозяйку, приветствуя ее и устанавливая связь с даром.

— Лира... — раздался позади взволнованный голос мага, и крепкие ладони схватили меня за руки, помогая выпрямиться.

— Все в порядке, — поторопилась успокоить мужчину и снова посмотрела в зеркальце. На этот раз ничего не произошло, лишь переливающаяся рябь играла на отражающей поверхности, будто подмигивая мне. — Так должно было произойти.

— Вы уверены? Ваша мама никаких указаний не оставила по его использованию? — мужчина продолжил волноваться, не поверив мне.

— Оставила.

— Так, может, сперва стоило их прочесть? — в голосе прозвучал упрек.

— Еще прочту, — отмахнулась от нравоучений.

Порой Ламир казался слишком строгим и привередливым, но совсем недавно я начала понимать, что это было своего рода проявлением заботы, желанием уберечь от беды, подготовить к самостоятельной жизни, которой я больше не представляла без него. Особенно после произошедшего в кладовой.

— Есть что-нибудь крайне важное, о чем мне следует узнать немедленно?

Я помедлила с минуту, а затем пересказала в двух словах содержание письма, нарочно не упомянув о деньгах, уплаченных бабушкой за замужество дочери, ведь они, вероятнее всего, принадлежали Аарону. Я не хотела, чтобы его имя внезапно всплыло в результате разбирательств. Только не теперь, когда та ужасная история, наконец, похоронена вместе с его телом.

— Раз уж все так удачно сложилось, во что мне до сих пор не верится, ложитесь спать. О безопасности можете не тревожиться, я поставил столько маячков и на окна, и по периметру комнаты, что мышь не прошмыгнет без моего ведома. — он сделал шаг вперед и... оставил на виске едва ощутимый поцелуй. — Отдыхайте, лира Айрис. Завтра нас ждет очень тяжелый день.

— Думаете. Джонатан следит за нами? — это была попытка удержать мужчину еще хоть на мгновение возле себя.

— Не могу утверждать, но пока мы не окажемся в родных стенах, никто и ничто не убедит меня в обратном. Знаете, существует два типа преступников: первые действуют спонтанно, ведомые эмоциями, вторые могут выслеживать жертву годами, продумывая план нападения, расставляя сети. Так вот Джонатан относится именно к последним. И это самые коварные и опасные убийцы. Судя по сведениям, которые мы успели собрать, денег у него имеется в достатке, поэтому я не совсем понимаю, чем продиктованы его поступки. Но чужая душа — потемки. И пока мы не встретимся с ним лицом к лицу, не поймем мотивов, которыми он руководствуется. Но здесь определено что-то личное... — эти слова уже не впервой слетали с губ Ламира.

— Возможно, он должен был стать ее мужем? Счел отказ матери за оскорбление и начал мстить всем, кто протянул ей руку помощи. Тогда его ненависть ко мне понятна.

— Не будем гадать. Отдыхайте, лира Айрис, — он нежно провел по щеке и направился к двери, но обернулся на полпути. — Как вы смотрите на то, чтобы Хотдженс получил анонимное письмо с намеком о внешней несхожести с ним детей, которых он воспитывает? Сделаем доброе дело: позволим ему узнать правду и воссоединиться семье?

— Он же выгонит и Тэйлану, и ее детей на улицу. Куда они пойдут?

— У детей есть отец. Пусть заботится о них. Вам-то о чем переживать? И ваша мачеха, и ее любовник ждут не дождутся, когда Хотдженс скончается, чтобы счастливо зажить в особняке, — широкая бровь дознавателя изогнулась, а мужчина сделал ко мне шаг.

— Это не мой дом, — решительно заявила и повернулась к окну. Я не смогла выдержать пристальный взгляд Ламира, который был борцом за справедливость.

— Но и не их, — прозвучало где-то совсем рядом.

— Я... Мне нужно подумать, — еле слышно прошептала, обхватив себя за плечи.

— Спокойной ночи, лира Айрис — уже не впервой попрощался мужчина и на этот раз вышел из комнаты.

Еще немного постояв, спрятала шкатулку с артефактом под подушку, надела ночную сорочку и, удобно устроившись на боку, погрузилась в тревожный сон, в котором видела то маму, то Хотдженса, то чей-то размытый образ, весьма напоминающий по очертаниям мужчину.

* * *

Я проснулась, когда на улице было еще темно. Проверив, на месте ли коробочка, перевернулась на спину, ощущая себя совершенно разбитой. А предстоящей ночью выспаться тоже вряд ли удастся. Тяжело вздохнув, свесила ноги с кровати, перепрятала шкатулку в потайное дно в ридикюле, затем умылась в ванной комнате теплой водой, которую подогрела заклинанием, надела дорожное платье и спустилась вниз.

В этот ранний час в особняке царил тишина. Мне же не терпелось поскорее отправиться в путь. Я всем сердцем желала оказаться в родовом замке Тонли, чтобы избавиться от давящего чувства, которое легло на плечи, едва я переступила порог этого дома. Однако пусть задерживаться здесь мы не намеревались, сбегать подобно каким-то злодеям тоже не собирались.

— Хорошо, лира Айрис, что вы уже проснулись? — раздался за спиной голос Памира, и сердце сделало кульбит от радости. Выглядел он сегодня не самым лучшим образом, словно ему так и не удалось сомкнуть глаз в те жалкие остатки ночи. — Я взял на себя смелость и велел заложить карету. Надеюсь, вы не будете злиться на меня за своевольно принятое решение.

— Нет, что вы. лэр Тонли. Я, наоборот, безмерно вам благодарна за это.

Он поднял руку к моему лицу, но опустил ее, так и не прикоснувшись. Мужчина на миг забыл об осторожности. Вероятно, сказывалось утомление. Хотя я и сама мечтала вновь ощутить те ласки, которыми маг меня одаривал.

— Вас не затруднит самой собрать вещи, чтобы ускорить время отъезда?

Я отрицательно покачала головой и торопливо поднялась в комнату, чтобы уложить в саквояж те крохи, которые взяла в дорогу. Спустившись в столовую, обнаружила, что Памир и чета Хотдженсов уже завтракали за овальным столом. Поприветствовав всех, опустилась на свободный стул рядом с бывшим дознавателем, подождала пока слуга нальет чашку чая и потянулась за булочкой. Следовало занять чем-то рот, чтобы не взорваться и не высказать все, что у меня творилось в данный момент на душе.

— Уже покидаете нас? Так скоро? — с наигранным сожалением проговорила Тэйлана, не сумев сдержать радости. На мгновение ее тонкие губы все же изогнулись в улыбке. Осознав ошибку, она решила исправиться: — Жаль... очень жаль... — горько вздохнула женщина и выдавила пару слезинок, которые торопливо вытерла приготовленным заранее платочком.

— Да. У меня появились срочные дела в Сильвертауне, поэтому мы вынуждены немедленно отправиться в дорогу, — безэмоционально ответил Тонли, никак не отреагировав на разыгрываемый женщиной спектакль.

Его мысли были заняты совсем иным. Казалось. Ламир специально назвал другой город, чтобы отправить недоброжелателя по ложному пути.

Спустя полчаса мы уже спускались по мраморным ступеням к ожидавшей нас у входа карете. Хотдженс стоял на крыльце с таким кислым лицом, будто до этого объелся лимонов. Мачеха заливалась горькими слезами, словно прощалась с нами навсегда. Хотя возвращаться сюда больше не имело смысла. Последняя вещь, принадлежавшая моей матери, а до этого и бабушке, покоилась в лифе платья. Мне так было спокойнее.

Еще раз помахав хозяевам особняка, мы устроились на скамье, которую маг согрел всего одним заклинанием, и отправились домой. Карета плавно ехала по сухим дорогам. Она мерно покачивалась. Ее колеса не вязли в грязи, которая должна была появиться со дня на день благодаря пригревшему солнцу.

Я то впадала в дрему, то просыпалась от вздрагивания и тем самым будила сидящего рядом мага. Он выглядел измотанным. Я чувствовала перед ним свою вину, ведь именно из-за меня ему не удавалось толком поспать которую ночь подряд. Однако мысль, что ему небезразлична моя судьба, грела душу.

Мы практически нигде не останавливались. Торопились поскорее добраться до замка, поэтому резкое торможение экипажа стало для всех полной неожиданностью. Если бы не рука Памира, обхватившая меня за талию, то я бы полетела на сидящих напротив охранников. Но они словно не заметили этого. Их лица, освещенные лунным светом, в одночасье стали такими суровыми, что от их вида по спине пробежал озноб, а сердце сжалось от дурного предчувствия. Почему все самое ужасное происходит непременно ночью?

Глава 54

Ламир кивнул в сторону окошка. Стражники поняли молчаливый приказ и оба аккуратно приподняли шторы. Сперва один отрицательно покачал головой, а затем и второй. Значит, никого не было видно. Едва я собралась спросить у бывшего дознавателя, что происходит, как он приложил палец к губам, призывая к молчанию. В этот момент с улицы донеслись грубые мужские голоса. Один из них принадлежал нашему кучеру, еще два — незнакомцам. «Бандиты», — пронеслось в голове. Стоило так подумать, как что-то гроыхнуло, и вспышка света, приглушенная плотными шторками, на мгновение разогнала ночной полумрак. Я инстинктивно пригнулась. Раздался тихий вскрик, ржание лошадей. Карета резко рванула

вперед, но также внезапно и остановилась, раскачиваясь из стороны в сторону. Я с трудом удержалась, чтобы не свалиться с сиденья.

— Сидите здесь и не высовывайтесь! — шикнул Ламир, и мужчины как по команде тотчас выскочили наружу и захлопнули дверцы.

Звнящая тишина, последовавшая за их уходом, была просто невыносимой. Однако продлилась она недолго. Вновь послышался грохот, напоминающий взрыв. За ним еще один... и еще...

Порой становилось так светло, словно ночь сменялась днем. Всполохи молний перемежались с огненными шарами, врезавшиеся в землю со страшным шумом, когда не достигали цели.

Дрожала она, дрожала и я. Где-то совсем рядом раздался чей-то сдавленный стон. Страх холодными цепкими пальцами сжал сердце, не позволяя ему сделать полноценный удар. Но я боялась не за себя, не за артефакт, а за мужчину, который давно занимал все мои мысли, который сейчас ценой своей жизни пытался спасти мою. Сколько там бандитов? Насколько они сильны? Кто они такие?

Приподняв шторку на окошке, прислонилась к стеклу и попыталась хоть что-нибудь рассмотреть. Но с обеих сторон нас окружал дремучий лес. Да и обзор был настолько ничтожным, что я ничего толком не разглядела. Не усидев на месте, нажала на ручку и высунула голову в образовавшуюся щель. Очередной всполох молнии разрезал сумрак ночи, озарив все вокруг своим бледно-голубым светом. Моим глазам тут же предстала ужасающая картина: Ламир отбивался сразу от пятерых... магов. Из двоих охранников я отыскала глазами лишь одного, но и он находился не в лучшем положении, чем бывший дознаватель — четверо против одного.

Каждый удар, каждый блок, отражающий атакующие снаряды противников, у Тонли казались со стороны идеальными, будто он наперед знал, что у недруга на уме. Пусть любимый и мастерски сражался, выстоять под таким натиском у него не было никаких шансов. Сил у него надолго не хватит, накопившаяся в теле усталость все равно даст о себе знать, к тому же бандиты были не из слабаков. Их борьба напоминала хорошо отрепетированный танец. Смертельный танец.

Я в ужасе наблюдала за происходящим и пришла в себя, только когда один из бандитов с криком упал на землю. Он корчился, прижимая колени к груди, и громко стонал. Но радоваться было нечему. Вслед за ним замертво упал и стражник. Я схватилась за сердце, когда увидела, как резко изменилась ситуация. Бандиты окружили Ламира, уже с трудом справлявшегося с натиском. Они сжимались вокруг него плотным кольцом, выставив общий мощный блок. Хоть боевым искусством я и не владела, все равно просто обязана была помочь дознавателю, ведь управляла огнем не хуже его. Однако стоило мне выскочить наружу, как любимый маг поднял руки вверх и совершил странные взмахи. Защитный барьер вокруг Тонли окрасился в синий цвет, через мгновение в желтый, а затем и в красный, напоминая раскаленный чайник, готовый взорваться в любую секунду. Бандиты кинулись врассыпную, вызвав у меня изумление и панику. Они не успели далеко убежать — мощная волна огня сметала все на своем пути, не щадя ни мертвых, ни живых, обдавая магическим жаром и меня.

Пронзительный крик, сорвавшийся с моих губ, слился с ее рокотом. Охваченные со всех сторон пламенем деревья, словно фонари, осветили место боя, едва стремительный поток огня сошел на нет. Не раздумывая ни секунды, я бросилась к Ламиру, который с трудом держался на ногах. В какой-то момент он не устоял и рухнул на землю, как подкошенный, и лежал с открытыми глазами, слегка подергиваясь. Его руки, лицо, шея покрылись сетью проступивших под кожей сосудов, местами бордовых, местами черных, и стали такими холодными, будто в крепком теле поселился мороз. Ламир тяжело дышал. Казалось, в нем даже на это не осталось сил, настолько он выглядел сейчас слабым. Не испытывая ни страха, ни отвращения, я гладила любимого по волосам, по щеке, положив его голову себе на колени и не зная, что делать, кого просить о помощи помочь, да и где ее теперь искать, когда вокруг не было ни одной живой души. Со слезами на глазах я шептала его имя, призывая не закрывать веки, которые опускались, видимо, сами собой.

Внезапно, словно услышав мои мольбы, на дороге показался гарцующий всадник. В душе зародилась надежда на спасение. Я вскочила на ноги и начала размахивать руками, призывая его ускориться, но тот продолжил красоваться на коне. Развевающийся на ветру черный плащ нагонял ужас, заставив сердце уйти в пятки. С каждой секундой я все отчетливее понимала, кто

передо мной, как и то, что нападение не было случайным. Целью бандитов являлась именно эта карета. Кто-то в очередной раз нас предал.

Мужчина неторопливо спрыгнул с лошади в паре метров от меня и на ходу снял перчатки и кашпошон, обнажая черные с сильной проседью волосы. Он выглядел не на сорок-сорок пять, а чуть старше. Пусть я никогда прежде не видела этого человека, но прекрасно знала его имя. Ненависть и ярость, вспыхнувшие внутри, придали сил и смелости, прогнав прочь трусость и страх.

— В. вот Айрис мы и встретились, — проговорил Джонатан, сильно заикаясь, чем еще больше вызвал отвращение. — П... пришлось за тобой побегать, однако. Н...но мне эта игра даже понравилась. Л...люблю непростые задачи.

— Кто вы? Что вам от меня нужно? — я инстинктивно сделала шаг назад, когда он начал приближаться.

Глава 55

— Р...разве ты не знаешь, кто я? — мерзкий смех вырвался из клокочущей гортани. — Д...Джонатан Солтанс.

— Мне это ни о чем не говорит. Я вижу вас впервые и слышу ваше имя впервые. Так что вам нужно? — дерзко заговорила с убийцей близких мне людей.

— Т...твоя жизнь и его, — он указал рукой на бывшего дознавателя, которого моя спина не смогла закрыть от Джонатана. — И... зеркало.

— Вы не получите их!

— Ч... что ты мне сделаешь, глупая девчонка? — медлительность его речи вперемешку со смешками ужасно раздражали, но следовало держать себя в руках, сохранять ум холодным, не позволить эмоциям взять над ним верх. — Д...даже не представляешь, сколько я ждал момента, чтобы собрать вас в одном месте. Ж...жаль, старикашки нет. С...снова сбежал как последний трус.

— Старикашки? — недоуменно посмотрела на злодея, хотя в голове промелькнула догадка, кого он имел в виду. Но откуда?.. Негодяй не стал томить меня в неведении.

— Т...твоего муженька. Х...хотел бы взглянуть ему в глаза, вырвав сердце сперва у его выродка, а затем и у него самого, и...и отряхнуть руки, как и он сделал, у...убив бедного Гарри, — Джонатан с таким презрением взглянул на Ламира, а потом и на меня, что я невольно вздрогнула, вызвав своей реакцией у него довольную ухмылку.

— Вы нас явно с кем-то перепутали. Мы вам ничего не сделали, — проговорила, сделав шаг назад. Я всячески хотела защитить Ламира, который лежал и не двигался. — Нам нужна помощь, на нас бандиты напали!

— К...как же! — его огромные ручища сжались в кулаки до побелевших костяшек. — Я...я собственными глазами видел смерть брата.

— Лжете!

Аарон не стал бы врать. Ему это было попросту незачем делать после всего, что он рассказал, даже не пытаясь воззвать меня к сочувствию и пониманию ситуации.

— Нет! — прокричал Джонатан, даже не заикнувшись. — Э...это твой муженек думал, что не было свидетелей преступления. Я...я сбежал тем вечером из дома, сидел в подсобке и подглядывал за всеми.

— Допустим, мой супруг виновен в смерти вашего брата. Чего вы от нас хотите?

— Что-то я не заметил в т...твоих глазах удивления, либо ты мне не веришь, либо... Ах ты лживая д...д... — Джонатан настолько взбесился, что так и не смог выговорить ругательство. Безумец сделал снова пару коротких шагов вперед, сжав кулаки, а я отступила назад. — Т...ты все знала и все равно пыталась его спасти!

— Аарон умер. В итоге он поплатился жизнью за свой поступок.

— Поплатился?! К...когда же? Спустя тридцать семь лет? Ты считаешь это расплатой?

Т...Тонли все это время разгуливал на свободе, дослужился до советника, обзавелся наследником, а тело Гарри гнило в земле. Его убийца дважды избежал правосудия. А ты х...хоть знаешь, что пришлось пережить моей семье, когда не стало Г...Гарри? Мать и вовсе

свихнулась, годом ранее скончался отец. Именно он мне его заменил. Хотя на брате лежала забота о всех нас, он был единственным кормильцем, Г...Гарри всегда находил для меня время. Со смертью брата все только началось, ведь этот ублюдок обвинил его в нападении. Да м...мой брат и мухи не обидел за всю жизнь! Нам пришлось переехать на другое место — на старом едва ли не к...каждый второй тыкал в нас пальцем. М...мне пришлось взять новую фамилию, постоянно бояться, чтобы не раскрылась прошлая, пережить немало издевательств, пойти позже других в школу. Это из-за Тонли я стал таким!

— Ваша бабушка простила его.

— Вздор! — в гневе выпалил Джонатан. — Тонли приходил чуть ли не каждый месяц, умолял ее снять проклятие, закидывал деньгами, подарками. Но она не собиралась ничего менять, поэтому и сказала, что не в силах снять заклинание. Мы все ждали, когда он подойдет. Прошел год... два, а убийца брата продолжал жить и присылать деньги, словно они могли повернуть время вспять и воскресить его.

— Однако вы не гнушались ими пользоваться. Поди, и образование получили, и в люди выбились благодаря Аарону.

— Они м...мне были нужны, чтобы воздать всем по заслугам, иначе бы я никогда не смог добраться до людишек подобных Тонли.

— Зачем мстить спустя столько лет? Да и кому? Ламиру? Ему ничего неизвестно про тот случай, — я попыталась защитить любимого мага от безумца.

— Ламиру... — с издевкой повторил Джонатан, даже не заикнувшись. — Р...решила сменить одного Тонли на другого?

— Если и так, это только наше дело. Смерть Гарри излечила душу Аарона, а вашу — очернила. Ваше сердце в тот день превратилось в камень. Или же его вообще не стало.

— Д...даже после всего, что ты узнала, продолжаешь его защищать. Значит, я не о...ошибся в тебе. Такая же как твоя мать и бабка, если не хуже их вместе взятых.

— За что вы их убили? Это ведь ваших рук дело, — с абсолютной уверенностью выпалила ему лицо и сделала шаг вперед, когда раздался приглушенный стон, а Джонатан посмотрел поверх плеча.

— С ч...чего ты взяла? — тонкая бровь злодея вопросительно изогнулась.

— Мама указала на вас в письме. Его уже отправили главному дознавателю! — удастся ли мне его запугать, я не знала, но следовало попытаться.

— А разум Л...Лиадны даже принам не затуманил. Хотя должен был... В...видимо, не доработал немного, — казалось, яд заботил Джонатана больше, чем упоминание о Деклифе. — Ей все же у...удалось обвести меня вокруг пальца: мало того, что подсунула мне фальшивку, так еще и нашла слабое место у Хотдженса, к...которого я от смерти спас, заплатив за него долг. Продажная шкура! А ведь он немало денег в карты проиграл. Правда, с...слышал, твой отчим взялся за старое.

— Что мама и бабушка такого сделали, что заслужили смерть? — мой голос едва не сорвался на крик.

— Д...долгие годы я не мог понять, каким образом ему удалось остаться в живых после смертельного заклинания, н... наложенного на него бабушкой. Но судьба всегда дает ответы, главное научиться ждать. В итоге она вознаградила меня за смиренность. Ж...жаль, что человек, к...к которому я проникся доверием после стольких лет одиночества, оказался связующим звеном с убийцей.

Я охнула и отступила назад. Возмущения рвались наружу. Ярость клокотала в груди, намереваясь превратиться в пламя. Однако я сдержала его, выказав негодование лишь словами:

— Неужели вы убили мою мать, считавшую вас другом, только из-за того, что бабушка помогла Аарону снять заклинание?

— Не совсем так... Столкнувшись с Л...Лиадной в академии, я посчитал это знаком судьбы. Она словно мне говорила, что стоит очистить мир от людишек, подобных тебе и твоей м...матери, расходуящих неограниченный дар на спасение убийц вместо того, чтобы помогать поистине нуждающимся.

— Вам столько всего пришлось пережить, однако вы не пощадили мою мать, оставив меня сиротой.

— Е...если бы Катрина не спрятала Лиадну, выдав замуж за Контана. ты бы и вовсе не родилась. А потом и Хотдженс спрятал тебя в пансионе. Моей вины тут нет, — он развел руками.

Вновь послышался стон Ламира. привлечшего к себе внимание Джонатана. Следовало во что бы то ни стало не дать ему подойти к дознавателю, который был не в состоянии защититься.

— Почему вы вдруг вспомнили обо мне? — я попыталась отдалить минуту боя, хотя понимала, что он уже неизбежен.

— П...признаюсь, я уже думал подарить тебе жизнь. Проснулась жалость. Н...навверное, возраст стал брать свое. Но тут снова объявился этот мерзавец. П...потом еще и женился на тебе, чтобы ты сняла с него проклятие, и он продолжил жить как ни в чем не бывало. Все опять вернулось на круги своя: Т...Тонли, проклятие, артефакт, потомственный дар... Пора с этим все-таки покончить, разомкнуть круг. Никому нельзя ничего доверить. Ни Хотддженсу, ни Росманам. Все самому приходится делать.

Мужчина сделал шаг вперед, намереваясь подойти к Ламиру. но я преградила ему дорогу. На лице недруга появилась ухмылка.

— Вы прикрываетесь благими намерениями, а сами творите самосуд. Убиваете ни в чем неповинных людей. Вы во стократ хуже Аарона! Вам нравится убивать, нравится чувствовать себя всемогущим. Решать, кому жить, а кому умереть. Признайтесь, вы упивались мучениями моей матери. Вы подобно кукловоду играли с ней, — я намеренно выводила его из себя, чтобы он первым нанес удар.

Джонатан попался на мою уловку. Но первый огненный шар полетел в дознавателя. Видимо, злодей видел в нем более серьезного противника, нежели во мне, несмотря на состояние Ламира. Предположения, что преступник может быть неосведомлен относительно моей магии, подтвердились. Я просчитала в уме подобный вариант развития событий, поэтому накрыла щитом и любимого мага. Правая бровь мужчины сильно взлетела вверх, когда немаленький файербол растворился, соприкоснувшись с выставленным барьером. Однако его удивление длилось недолго. Вскоре оно сменилось презрением. Похоже, Джонатан понял, что его план начал проваливаться.

Глава 56

— Отдай артефакт, и я о...оставлю тебя в живых, — проговорил Солтанс после затянувшегося молчания.

Как можно было поверить человеку, сотворившему столько зла: убившему мою маму, бабушку, пытавшемуся сжить со света Ламира, охотившемуся за мной последние семь месяцев, тому, кто собирался принести еще много горя другим, ни в чем неповинным людям? Ведь иначе зачем ему артефакт? А вдруг он только прикрывается «благими» деяниями, а сам попросту хочет завладеть зеркалом и стать еще более могущественным магом? Если Джонатан вымещал злобу за смерть брата, неужели за тридцать семь лет он не смог добраться до Аарона или Ламира? Почему Солтанс убил именно бабушку и маму? С каждой секундой подозрение, что все дело в артефакте, а не в мести, усиливалось.

— А если у меня его нет? — мой голос не дрогнул, щеки даже не покраснели, чему была безмерно рада. Однако обмануть недруга оказалось не так просто.

— Ты меня не проведешь. Я е...его чувствую. Он совсем рядом, — тонкие губы Джонатана вновь изогнулись в мерзкой ухмылке, его голова слегка склонилась набок, а глаза устремились к лифу дорожного платья.

— Допустим, я отдам вам артефакт. Что дальше? — пусть я и не собиралась расставаться с сокровищем, все же хотела услышать и другой расклад событий.

— С...сяду на коня и уеду. З...забудем о существовании друг друга.

Мои догадки в очередной раз подтвердились: негодяю нужно было лишь зеркало. Желание завладеть им стало навязчивым.

— И что вы предлагаете мне делать одной посреди глуши да еще и ночью?

— Ждать подмоги. Утром точно кто-то появится. А не хочешь ждать, садись на козлы, бери вожжи в руки и езжай себе на здоровье.

— И не тронете Ламира? — я скептически посмотрела на Джонатана, не поверив ему.

— А ч...что его трогать? Он и так уже нежилец, — на изрезанном морщинами лице появилась довольная ухмылка.

— Что с ним? — я почувствовала, как сердце оборвалось, отчего-то посчитав слова Солтаса правдивыми.

— Он опустошен м...магически. Да еще и жизненные силы вложил, чтобы усилить удар. Дурак! Но ничего не ска...ажу, эффектно получилось...

— Как его спасти? — я пропустила последнее высказывание негодяя мимо ушей.

— Ни...никак. Ему уже никто не поможет, к...кроме меня, а я этого делать, конечно же, не с...собираюсь, — Джонатан так отвратительно рассмеялся, что я с трудом сдержалась, чтобы не кинуть в него огненный шар. Ярость заклокотала в груди, стоило услышать, что любимый маг обречен на смерть. Страх перед Солтасом отступил окончательно.

— Как я могу вам довериться и отдать артефакт, если вы лжете?

— С...сама на него посмотри! Если в нем не зажечь магию с минуты на минуту, он умрет!

— Так зажгите ее! — я сорвалась на крик.

— Еще чего! Я п...похож на дурака? Вернуть врага к жизни, чтобы потом умереть от его руки? — Джонатан посмотрел на меня, словно я сказала несусветную глупость.

— Значит, сделке не быть. Или он, или артефакт.

— Ну что ж, п...придется тебя убить. Может, и к лучшему, мне свидетели не нужны. А ведь я хотел подарить тебе жизнь, но ты сама выбрала свою участь.

Он не шутил. В его ладонях появился фэйербол, стремительно увеличивающийся в размерах. Не зная, что на меня нашло в тот момент, но я решила: раз уж не жить ни мне, ни Ламиру, следует уничтожить артефакт, чтобы он не достался такому безумцу, как Солтанс. Иначе количество смертей возрастет в разы. Запустив пальцы в лиф платья, достала зеркало.

— Вам ведь это нужно? — я была так спокойна, что в теле не дрогнула ни одна струна. В глазах Джонатана полыхнул лихорадочный огонь. Магический шар растворился в ночи, освободив руки, которые мгновенно потянулись к артефакту. А я... извлекла на мгновение хрупкий предмет из чехла, продемонстрировала его магу и, вернув в футляр, со всей силы бросила в сторону камня, лежавшего на обочине. С этого момента, время, казалось, остановилось. Я видела безумный взгляд Джонатана, снявшего наконец маску, за которой он прятал истинное лицо, его никчемную попытку спасти зеркало в виде резкого прыжка, слышала истошный вопль: "нет!", разрезавший ночную тишину, когда раздался звук, напоминающий звон бьющегося стекла. Его скорбь придала мне сил. Это был единственный шанс на выживание.

Я не стала медлить ни секунды и дожидаться, когда немолодой мужчина дотянется до чехла с осколками, поднимется на ноги и попытается придушить меня собственными руками, позабыв о магии, или же поджарит на костре, а подняла ладони и метнула в него полыхающий шар... второй... третий... четвертый... Огромные фэйерболы, наподобие тех, которыми я разбила зеркала в бальном зале, с невероятной скоростью срывались с моих рук. Такого мужчина не ожидал. Слабенький барьер, который он успел выставить, его не спас. Волна огня протаскала Солтаса по земле, так и не позволив ему подняться на ноги, в одно мгновение охватила его одежду, волосы. Мужчина корчился, катался по снегу, но пламя было безжалостно к нему, как и я, продолжая наносить удары.

Едва враг затих, я обессиленно рухнула на колени, однако раздавшийся спустя мгновение стон Ламира заставил опереться ладонями о промерзшую землю, подняться и поторопиться на помощь любимому. Он лежал с закрытыми глазами. Стараясь не обращать внимания на его бледность, опустилась рядом с ним и нащупала пульс. Сердце дознавателя билось так медленно и неровно, что казалось, каждый удар мог быть последним. Прокрутив в памяти слова Джонатана, положила ладони на литые мышцы груди в области сердца, закрыла глаза и мысленно представила, как магия, подобно огненной реке, бежит по рукам, сосредоточивается в кончиках пальцев и перетекает в тело Ламира.

Вдох... выдох... вдох... выдох... Я прислушивалась к ощущениям. Прошла минута или две, прежде чем мой зов был услышан. Мне же показалось, что целая вечность. Кровь в моем теле стала закипать и понеслась по венам с удвоенной скоростью, бросая меня в жар. Я почувствовала, как на лбу проступил пот, а ладони нагрелись так сильно, что от них начал исходить золотистый свет, напоминающий яркие солнечные лучи. И отнять их не было никакой

возможности, словно они приросли к мужской груди, которая с каждым ударом новым и более уверенным ударом сердца стала подниматься все чаще. Бордовые и черные вздувшиеся вены, проступавшие сквозь полупрозрачную бледную кожу, начали исчезать, расслабились и мышцы на лице, которые были натянуты, подобно канату. Постепенно свечение сошло на нет, позволив мне убрать руки, но веки Ламир так и не поднял. Ему срочно требовался целитель, ведь больше я ничем ему помочь не могла, хотя очень хотела, но не понимала, что с ним: ни кровотечения, ни ран у него не было.

Резко вскочив, едва не упала рядом с дознавателем — настолько сильно потемнело в глазах. Голова же закружилась до тошноты, и меня сильно повело в сторону. Чудом удержавшись на ногах, сделала два глубоких вдоха морозного воздуха. Мне стало немного легче, но слабость, поселившаяся в теле, так и не прошла. Видимо, я поделилась с любимым не только магией, но и собственной жизненной энергией.

Взяв под уздцы одного из перепуганных коней, запряженных в карету, и нашептывая успокаивающие слова, направилась к телу дознавателя. Я остановилась в метре от него. Подхватив Ламира под мышки, дотащила его до стоящего поблизости экипажа, не представляя, что делать дальше, однако была полна решимости воплотить в жизнь возникшую в голове дурацкую идею. Едва открыла дверцу и разложила узкие ступеньки, поднатужилась и посадила мужчину на нижнюю. В животе появилась резь, но сейчас мне было не до нее. Стараясь удержать обмякшее тело руками, коленом и остатками магии, с горем пополам загрузила дознавателя на пол кареты и укрыла пледом. Затем подбежала к камню, возле которого лежал чехол с артефактом, а чуть дальше и обгоревший Солтас, подобрала небольшой футляр, даже не заглянув внутрь, и вернулась к экипажу.

Мне ничего не оставалось, как последовать совету Джонатана: самой взобраться на козлы, взять вожжи в руки и слегка дернуть ими.

— Н-но! — прищелкнула я языком, как делал возничий, стараясь не обращать внимания на слабость и боль, поселившиеся в теле.

Лошади послушались команды и тронулись с места. Видимо, им и самим хотелось поскорее сбежать отсюда.

Несмотря на желание остановиться, посмотреть на состояние Памира, я гнала бедных животных в меру их сил, тревожась, что могу опоздать. Я понятия не имела, сколько прошло времени, прежде чем вдали показались едва заметные магические фонари какого-то стремительно приближавшегося поселения.

Когда карета въехала в маленький городок, мне с трудом удавалось держаться прямо и не свалиться на дорогу. Остановив лошадей у красивого дома, громко постучала дверным молоточком, взорвав ночную тишину. Мое сердце подпрыгнуло от радости, когда послышались торопливые шаги, а вслед за ними передо мной появился молодой мужчина. Несомненно, он был озадачен и моим внешним видом, и просьбой о срочной помощи человеку, находящемуся в карете. Но это последнее, что отложилось в памяти перед тем, как тьма резко накрыла меня. Впервые в жизни, несмотря на все тяготы, я лишилась сознания.

Глава 57

Я открыла глаза и поняла, что нахожусь не в своей постели. Все вокруг было незнакомо: потолок разительно отличался от того, в который я подолгу смотрела, когда не могла уснуть; матрас казался более жестким; мебель не такой изысканной, как в замке Тонли; а комната в разы меньше, но от этого не менее уютная. На прикроватной тумбочке горел магический светильник, однако его свет был настолько тусклым, что ничуть не раздражал глаза, но тем не менее позволял рассмотреть помещение. За окном все еще царила ночь.

«Где я? Что с Ламиром? Он выжил? Как долго я пробыла без сознания?» — вопросы быстро сменялись в голове, и мне захотелось немедленно получить на них ответы. Следовало попытаться найти кого-нибудь владеющего информацией.

В горле так ужасно першило, что едва заметила возле кровати стакан с водой, взяла его дрожащими руками и сделала несколько жадных глотков. Утолив жажду, на мгновение прикрыла от удовольствия глаза, затем отбросила край одеяла и замерла. На мне была чья-то

сорочка. Окинув комнату взглядом, не обнаружила своего дорожного платья, зато на спинке кресла, находившегося неподалеку, увидела кем-то предусмотрительно оставленный халат. Я поднялась с постели, и меня тут же повело в сторону. Превозмогая предательскую слабость в теле, привела себя в порядок и вышла в коридор, едва не налетев на миловидную блондинку, которая выглядела всего на пару лет старше меня.

— Как здорово, что вы уже очнулись, лира, — ее лицо озарила лучезарная улыбка. — Но вставать вам еще нельзя. Возвращайтесь в постель. Я сейчас же пришлю к вам своего мужа, — в ее звонком голосе сквозили повелительные нотки, что слегка меня удивило.

Я не успела произнести и слова, как она исчезла из виду. Посчитав, что стоит прислушаться к совету, больше напоминавшему указание, вернулась в комнату, однако в кровать так и не легла. Вскоре раздался короткий предупредительный стук, и передо мной предстал тот же молодой мужчина, к которому я обратилась за помощью.

— Как вы себя чувствуете? — прозвучал его вопрос, едва мы должным образом поприветствовали друг друга.

— Благодарю, мне уже гораздо лучше. Скажите, что с женщиной, который был в карете? — сердце заходило в тревоге за Ламира. Я даже представить не могла, что со мной случится, едва прозвучат слова о его гибели.

— С лэрм Тонли тоже все в порядке, — с моих губ слетел вздох облегчения, едва услышала эти слова. — Правда, он пока еще не пришел в сознание. Судя по его магическому истощению, ему понадобится гораздо больше времени на восстановление, чем вам. Я дал ему настойку, ускоряющую этот процесс, и поместил в регенерирующий кокон. Думаю, к следующему вечеру он очнется. Вы ведь лира Айрис?

— Да. Но кто вы и откуда вам известны наши имена? — я напряглась, ожидая очередного подвоха. Неужели черная полоса никогда не закончится?

— Прошу простить мне оплошность и позвольте представиться. Лэр Говард Миери — местный целитель. Странно было бы не узнать ваши имена, после того как в моем доме за последние сутки побывало уже с десятком дознавателей во главе с их начальником. Предполагаю, завтра он снова нанесет визит и будет рад услышать, что может наконец-то с вами побеседовать.

— Значит, я постучалась в нужные двери, — мой голос походил сейчас на шепот. Я мысленно возблагодарила судьбу за то, что привела меня именно в этот дом, и опустилась в кресло, почувствовав сильную слабость в ногах.

— Можно и так сказать. В любом случае вы все равно оказались бы здесь, но медлить было нельзя. Лэру Тонли требовалась срочная помощь. Как и вам, в принципе.

— Простите, что заговорила с вами в подобном тоне. Мне следовало вас поблагодарить, а я...

— Вы ничуть меня не обидели. Если слухи, которые ходят по городу, хоть отчасти правдивы, то я даже не представляю, что вам довелось пережить.

— Многое... — выпалила без промедления. — Но все уже позади. Скажите, сколько я не приходила в себя?

Его упоминание в разговоре о сутках не укрылось от моего пока еще затуманенного сознания. Прежде чем ответить, целитель посмотрел на часы за моей спиной:

— Без малого семнадцать часов.

— Ничего себе! — изумленно охнула я. — Мне можно увидеть лэра Тонли?

— К сожалению, нет, — лэр Миери отрицательно покачал головой, слегка поджав губы. Увидев мой озадаченный взгляд, мужчина поторопился пояснить: — Кокон, в который я поместил лэра Тонли, все равно не позволит вам его толком увидеть. Да и лучше пока его не тревожить, тогда он быстрее восстановится. Вам тоже следует побольше отдыхать. Все ваши вещи, за исключением платья, которое моя супруга отдала в прачечную, находятся в саквояже. Как и обнаруженный при вас чехол. Я в него не заглядывал, — торопливо добавил мужчина, едва я открыла рот, чтобы уточнить про артефакт.

— Спасибо! — поблагодарила от всего сердца целителя, так вовремя протянувшего нам руку помощи.

— Для меня честь познакомиться и с вами, лира Айрис, и с бывшим дознавателем империи. Однако на сегодня достаточно разговоров. Думаю, завтра они вас еще успеют утомить. Отдыхайте и ни о чем не волнуйтесь. Спокойной ночи! — он поклонился и вышел из комнаты. Едва я осталась одна, открыла саквояж и нашла зеркало, на котором не было ни единой царапины. Повертев артефакт с обеих сторон, положила его обратно в сумку. На тело внезапно

вновь накатила такая усталость, что я не смогла с ней совладать, поэтому сняла халат, улеглась в постель и снова погрузилась в сон, к сожалению, тревожный. В нем мне предстояло в очередной раз пережить события предыдущей ночи, но никак не удавалось спасти Ламира: то я не смогла защитить нас от Джонатана, то не успевала добраться до города. Каждый раз, когда я брала любимого мага за холодную руку и заглядывала в остекленевшие синие глаза, просыпалась в холодном поту, делала несколько глотков воды и вновь засыпала, надеясь, что мне все же доведется уберечь Ламира от смерти.

* * *

Лэр Миери оказался прав: стоило мне утром следующего дня надеть платье, как по мою душу пришла его супруга. Их раннему гостю, главному дознавателю империи, не терпелось поскорее побеседовать со мной и узнать подробности произошедшего. Он задавал много вопросов, и я честно ему обо всем рассказывала, опустив лишь один момент во всей этой истории — касающийся Аарона. Однако Деклиф уклонялся от ответов на встречные вопросы и соизволил ответить лишь на один: что стало с Солтасом?

Я была рада услышать, что Джонатан умер и больше никогда никого из нас не потревожит, не заставит страдать, не принесет зла в этот мир. Однако осознание того, что я лишила человека жизни, пусть даже ради своей защиты и любимого мага, не приносило душевного спокойствия. Только Памир мог унять мое волнение, но я боялась, что едва он очнется, как обвинит меня во всем, что ему довелось испытать. Страх перед будущим вновь пустил крепкие корни в сердце. После ухода дознавателя я по большей части стояла у окна и невидящим взором смотрела на лужайку, с которой уже сошел снег. Мне ничего не оставалось, кроме как дожидаться решающей минуты.

Вечером началась суматоха. Из коридора доносился громкий торопливый топот, сопровождаемый радостными возгласами, а спустя час ко мне в комнату залетела с горящими зелеными глазами раскрасневшаяся Луиза (супруга целителя) и сообщила, что лэр Тонли пришел в сознание и хочет немедленно меня видеть.

Подобрав юбки, я устремилась за девушкой, а возле заветной двери, на которую указала хозяйка дома, нерешительно потопталась и разгладила появившиеся складки, прежде чем нажала на ручку. Едва переступила порог, встретилась с необычайной синева глаз. Маг, уже гладко выбритый, причесанный и в белой рубашке, сидел на кровати, опираясь спиной о ее изголовье. Он неустанно скользил по мне оценивающим взглядом, будто оценивал мое состояние. В нем было столько волнения, нежности и... опять это странное выражение, которое я не смогла разгадать в кладовой. Все страхи мигом куда-то исчезли.

— Лэр Тонли... — осмелилась я заговорить первой, закрыв за собой дверь, чтобы никто не подслушал нашу беседу.

Чарующая улыбка коснулась его губ, и Памир слегка кивнул, призывая подойти к нему. Улыбнувшись в ответ, с замиранием сердца я быстро пересекла разделяющее нас расстояние и присела на край кровати. Мне хотелось рассказать бывшему дознавателю, как рада видеть его в полном здравии, но не могла. В горле застрял ком и не позволял выдать ни слова. Мужчина накрыл мою руку своей ладонью, такой же горячей, как и прежде. От подобной нежности у меня перехватило дыхание и зарделись щеки. Я обернулась и взглянула на дверь. Такое поведение было для нас непозволительно, однако руку так и не убрала.

— Как хорошо, что вы живы и на вас ни царапины, — я так соскучилась по этому бархатистому голосу, что он снова показался музыкой для моих ушей. — Лира Айрис, мне почудилось или там на самом деле появился Джонатан, после того как я уложил бандитов? Просто я то впадал в забытие, то снова приходил в себя.

— Это нападение было подстроено, — я дернула плечом, вспомнив недавние события. — Видимо, кто-то из Хотдженов или их прислуги передал каким-то образом этому безумцу о том, что мы покинули особняк.

— Вполне возможно, — задумчиво проговорил Ламир, поглаживая большим пальцем тыльную сторону моей ладони. — Или же предатель затесался в нашем замке, — маг внезапно поник, его плечи сильно опустились, а взгляд наполнился печалью. — Скажите, лира Айрис, это правда, что он сказал о моем отце?

Его вопрос поставил меня в тупик. Лгать любимому магу не хотелось, но и предать Аарона я не могла, поэтому, немного подумав, твердым голосом произнесла:

— О чем вы, лэр Тонли? Уверена, что бы вы не услышали плохого о вашем отце, это не более, чем вымысел. Джонатан был болен. Он помешался на артефакте и всячески стремился завладеть им с тех пор, как ему стало о нем известно.

Ламир пристально на меня посмотрел, будто решал сложную дилемму: поверить моим словам или подвергнуть их сомнению. Спустя несколько минут затянувшегося молчания и после тяжелого вздоха маг наконец-то вымолвил:

— А что с ним стало?

— С зеркалом или Джонатаном? — я растерялась, не понимая, о чем он.

— С зеркалом. Джонатан явно мертв, иначе бы мы сейчас не сидели в этой комнате.

— К моему удивлению, осталось целым и невредимым, хотя я отчетливо слышала звон бьющегося стекла. Чудеса, да и только!

— Прекрасная новость. Лира Айрис, я собирался поговорить с вами об этом по возвращении в замок, но не могу удержаться, чтобы не спросить сейчас, — он замолк, а я почувствовала, как все внутри превратилось в натянутую струну. — Что было между вами и моим отцом? — Ламир выжидательно смотрел мне в глаза. Кровь тотчас отхлынула от лица, а по телу пробежал озноб. Его слова застали меня врасплох.

— Мы были женаты, если вы забыли, — ответила я, едва пришла в себя.

— Это невозможно забыть. — его черты на мгновение заострились. — Но я не об этом.

— А о чем тогда? — я сделала недоуменный вид, хотя прекрасно понимала, к чему он клонил.

— Что вас связывало? — голос Памира был таким нежным и в то же время вкрадчивым, что хотелось во всем признаться. Я чувствовала, что сейчас решалась моя судьба, тем не менее выдернула руку из его широкой ладони и немного отодвинулась.

Глава 58

— А что может связывать супругов? — я придерживалась все той же версии, продолжая настаивать на своем, но и бывший дознаватель не собирался отступать.

— Вот вы мне это и расскажите. Я в браке не состоял, но собираюсь. При том сразу же по окончании траура. Зачем тянуть с таким важным делом?

Я почувствовала, как дрогнула моя нижняя губа, а комната стала расплываться из-за набежавших слез. Внезапно мужчина подался вперед и переплел наши пальцы.

— Айрис, — маг опустил все формальности и обратился ко мне лишь по имени, — нам пришлось пережить вместе много бед и несчастий. С некоторых пор ты начала занимать все мои мысли, а твои проблемы стали моими проблемами. Я готов, не задумываясь, ради тебя отдать жизнь. К тому же вижу, что и сам тебе безразличен. Ты ведь загораешься в моих объятиях как свеча. Вдобавок я знаю, с каким рвением ты защищала меня от Джонатана, смутно, но помню, как тащила к карете после зажигания во мне магической искры. Так самоотверженно может поступить лишь любящий человек. Думаешь, узнав правду о твоих отношениях с моим отцом я откажусь от своих намерений завоевать тебя? Ни за что! У меня впереди еще целых десять месяцев.

Я в растерянности смотрела на мага и не могла поверить в услышанное. Внезапно в душе возникли сомнения, что это все игра и Ламир попросту жаждет докопаться до истины. Но разве он хоть раз меня обманул? Порой тяжело верить в нечто хорошее и прекрасное после такого количества бед. Все вокруг начинает казаться ложью и притворством, хотя до счастья всего-то подать рукой.

— Признаюсь, Айрис, насколько мне хочется все узнать, настолько я восхищен твоей преданностью отцу. Пусть ты сейчас хоть тысячу раз скажешь, что между тобой и ним все было, я не приму твои слова за чистую монету.

— Почему? — изумленно воскликнула я, почувствовав, как все внутри похолодело.

Я начала прокручивать в памяти наши разговоры, переосмысливать свое поведение, но не нашла предпосылок для подобных выводов.

— Даже не знаю, — я все еще пребывала в смятении, как быстро разрешились все тревоги.

Будущее наконец-то виделось теперь лишь в ярких красках, освещаемых теплыми солнечными лучами. — А ты?

— Если согласишься отправиться со мной в столицу, то открою все же сыскное агентство. Мне нужно будет чем-то заняться, чтобы перестать поминутно отсчитывать дни до окончания траура. Но и не видеть тебя сутками напролет я больше не смогу. Особенно теперь, когда между нами все прояснилось.

— Но что я там буду делать? — в сердце поселилась тревога, едва подумала о возможных последствиях переезда Памира в Изуарентаун. — Наблюдать со стороны, как та же Элоиза будет пытаться завладеть твоим вниманием, а я и слова не смогу сказать?

— Ревнуешь? — довольно усмехнулся маг.

— Еще чего!

— Айрис, я уверен, что уже никто не вытеснит тебя из моего сердца. Именно такую девушку, как ты, я искал многие годы и в какой-то момент пришел к выводу, что ее попросту не существует. Но судьба сделала мне бесценный подарок. Или же стоит поблагодарить за него отца? — Памир задумчиво склонил голову набок. — Он был великолепным стратегом, многое мог предусмотреть наперед. Думаю, и завещание составлено неспроста подобным образом, чтобы каждый из нас не пошел своей дорогой.

Я почувствовала, как меня снова бросило в жар. Бывший дознаватель не относился к глупцам, он мыслил верно.

— Какую 'такую девушку'? — отвлекла мага от дальнейших раздумий. Вдруг бы еще понял, что и я причастна к подобному решению Аарона.

— Красивую, бескорыстную, добрую, но в то же время умеющую постоять за себя, заставить уважать и считаться со своим мнением. Знаешь, эти черты ты, наверное, унаследовала от отца. Кстати, ты собираешься поведать лэру Клейтону, что приходишься ему дочерью?

— Нет! — ответ прозвучал резче, чем мне бы этого хотелось.

— Почему? — широкая бровь Памира вопросительно взлетела вверх.

— Что это изменит по истечении стольких лет? — я не выдержала его пристальный взгляд, встала с кровати и подошла к окну. — Ты и сам видел, как приняли меня родственники по материнской линии. Думаешь, тут будет иначе? У него ведь дети, жена, а кто я? Плод временной слабости? Тем более мама сама призналась, что соблазнила его.

— Дорогая, мужчину сложно соблазнить, если он того сам не желает. Прошу, не горячись. Ты имеешь представление, как обращаться с даром, как пользоваться артефактом?

— Нет, — я обернулась и озадаченно посмотрела на любимого мужчину, теребя пальцами каплевидный кулон.

— Чем не повод обратиться за помощью к Арчеру, получше узнать его, а после и делать уже какие-то выводы? — его вкрадчивый и мягкий голос вмиг посеял в душе сомнения в принятом решении.

— Я подумаю... — еле слышно отозвалась, подошла к кровати и снова опустилась на ее краешек.

— Айрис, ты ведь понимаешь, что у нас не будет пышной свадьбы и нам придется после нее выслушать немало упреков? — он снова подался вперед и взял мою руку в свою.

— Конечно, я прекрасно все понимаю и волнуюсь за тебя.

— За меня? — Ламир нахмурился, и у него на лбу залегли вертикальные складки. — Айрис, меня не тревожит общественное мнение. Мне абсолютно безразлично, что они о нас подумают. Пересуды однажды смолкнут, а я буду счастлив до конца своих дней. Наши души и так уже обменялись магией, они соединились навсегда, и никакая церемония, даже обмен клятвами в храме, не сделает нас ближе, чем уже есть. — его слова заставляли мое сердце петь от счастья. — А теперь, дорогая, иди к себе и собери вещи. Завтра после моего разговора с Деклифом мы отправляемся домой. Я не намерен упускать время, чтобы остаться с тобой наедине, не беспокоясь каждую минуту, что нас может кто-то потревожить. Ламир притянул меня к себе и снова завладел моими губами в страстном поцелуе, заставившим забыть обо всем на свете. И ему, и мне хотелось большего, однако мы не могли пока преступить дозволенную черту.

— Обязательно настанет день, когда я назову тебя своей женой. И тогда никто и ничто меня не остановит. Я покажу тебе, что происходит в спальне между мужем и женой, что именно связывает супругов.

Я не совсем поняла, что имеет в виду Ламир, но под его горящим взглядом зарделась. После того как он снова прикоснулся к моим губам своими, на этот раз едва ощутимо, я скрылась в

выделенной мне комнате и еще очень долго стояла, прислонившись спиной к двери, не помня себя от счастья. Когда я все же спустилась с небес на землю, быстро уложила вещи в саквояж, подошла к окну, подняла невидящий взор на луну и тихонько прошептала:

— Спи спокойно. Аарон. Надеюсь, больше тебя никто не потревожит. Твоя тайна умрет со мной.

Несмотря на всю любовь к этому человеку, я благодарила судьбу, что он не дожил до этого часа. Аарон бы не вынес осознания, что любовь всей его жизни, Катрина, а затем и ее дочь погибли отчасти по его вине. Эта новость убила бы мужчину, и сколько бы я не предприняла попыток доказать ему, что причиной столь ранней кончины моих близких стало маниакальное желание Джонатана завладеть артефактом, Аарон не внял бы моим словам. Он умер бы не с улыбкой на губах, а в ужасных мучениях.

В отличие от Солтаса я не держала зла на бывшего советника. Он всю жизнь потратил на то, чтобы исправить свой ничем не оправданный поступок, запустивший смертоносную цепочку событий.

Кто знает, была бы я сейчас так счастлива, если бы не Аарон? Довелось бы мне повстречать любимого мага, если бы не его отец? Возможно, это все происки судьбы. Только ей заранее известно, где найдешь, а где потеряешь. И не стоит на нее сетовать, в любом случае за все пережитые невзгоды она обязательно вознаградит тебя сполна.

Эпилог

Спустя девять лет...

Я сидела в парке в тени раскидистого дерева, теребила пальцами черный заостренный книзу кристалл, полученный от Аарона в качестве подарка в день свадьбы, и с улыбкой на лице смотрела, как Ламир учил детей запускать воздушного змея. С именем для первенца мы не раздумывали ни минуты. Муж с благодарностью принял мое предложение, и Тонли-младший стал тезкой своего деда, который умер за два года до его рождения. Впрочем с именем для дочери, появившейся на свет спустя год после сына, мы тоже не мучились и назвали в честь моей бабушки. Таким образом два любящих сердца все же через поколения соединились в наших детях. Самое удивительное, что девочка унаследовала ее черты.

Загадочный амулет мне преподнес Генри, поверенный бывшего советника, сразу же после брачной церемонии, чем весьма меня удивил. Он находился в небольшом конверте вместе с небольшим письмом, в котором Аарон от всей души поздравлял нас со столь знаменательным днем и пожелал долгих лет счастья. Бывший советник прекрасно знал, что те чувства, которые зародились в наших сердцах, уже не погаснут, что мы не сможем впредь жить порознь. И нас всего лишь нужно было чуть-чуть подтолкнуть друг к другу, что он и сделал.

Свадьба прошла в небольшом храме неподалеку от родового замка Тонли. Свидетелем со стороны Ламира стал Патрик, с которым муж помирился сразу после открытия сысского агентства, а с моей — Элания. Еще на ней присутствовал лэр Клейтон, который с преобладающим удовольствием помог мне разобраться и с даром, и с артефактом. Заметив мою нерешительность, любимый маг взял ситуацию в свои руки и сам обо всем рассказал ректору. Пусть он и не признал меня официально своей дочерью, но не отказался от встреч со мной и стал частым гостем в нашем доме. Он не раз уговаривал меня поступить в академию, однако я прекрасно понимала, что время упущено. И если еще первый год замужества переживала о принятом решении, то после появления сына больше не задумывалась об этом.

План любимого мага по переезду в столицу сработал. Я купила на оставленные мне бывшим советником деньги небольшой домик в противоположной стороне от дома Ламира и занялась изучением возможностей дара под руководством лэра Клейтона. Сперва снимала несложные смертельные заклинания, но постепенно Арчер подбрасывал задачи все сложнее. После снятия каждого проклятия меня мучили страшные головные боли, которые исчезали поутру, однако невзирая на неприятные последствия, продолжала помогать людям.

Поскольку и я, и Ламир зачастую были заняты своими делами, встречались мы раз-два в неделю и тем самым обезопасили себя от большого количества пересудов. Совсем обойтись без них, конечно же, не удалось. Чего стоила одна Молли... Эта девица замолкла лишь после того, как ее застали в объятиях небогатого и немолодого лэра, который вынужден был немедленно жениться на обольстительнице, к великому сожалению ее родителей.

Прознав про мой дар, люди в надежде на помощь приезжали и в замок Тонли, который теперь полностью принадлежал Ламиру. Все свое имущество еще до свадьбы я переписала на него, посчитав, что так будет правильно. Женившись на мне, любимый маг доказал, что его желание стать моим мужем было продиктовано не материальными ценностями, а исключительно чувствами.

К счастью, мне не предъявили обвинения в убийстве Солтаса, посчитав мои действия защитой. А вот Хотдженса арестовали и посадили в тюрьму, из которой он вряд ли уже выйдет. Как оказалось, он не только знал, что мою маму опаивала ядом ее же горничная, но и рвал все письма, в которых она молила о помощи. Я не собиралась мстить отчиму, за меня это сделала судьба в тот самый день, когда на нас напали люди Джонатана: он обнаружил свою супругу в постели целителя и выставил неверную жену и двоих детей из особняка. Кому он достанется после смерти Томаса, меня не особо заботило. Муж и дети стали для меня самым бесценным подарком судьбы и никакие дома, и другие сокровища империи не могли его заменить. Долгое время Ламир не хотел признаваться, что было в его письме, которое он получил от отца после озвучивания завещания, однако спустя два года все же сознался, что помимо множества указаний относительно имущества и сбережений, значилась всего одна строчка, касающаяся меня: «Сыграй с ней!»

— Ты ведь, Айрис, ничего не знаешь о мужчинах, не говоря уже о том, что происходит в спальне между мужем и женой, — последние слова Ламир проговорил почти шепотом, слегка подавшись вперед, от чего я ощущала его дыхание на своем лице.

Меня мгновенно бросило в жар, едва поняла, чем была продиктована фраза мага. Я попыталась вырвать из плена руку, но мужчина не позволил отстраниться от него.

— Вы все слышали тогда!

— Я? Да как я мог? — в бархатистом голосе проскальзывали веселые нотки.

— Вот и я не знаю, как, — проворчала я и негодуя покачала головой.

— Наверное, именно благодаря тому разговору я и осмелился впервые поцеловать тебя.

Новогодняя ночь перевернула в моем мировоззрении все с ног на голову. Я возненавидел себя за то, что поддался порыву чувств, возжелал жену отца. В итоге уехал подальше от замка, чтобы не мешать вам строить счастье. Но не прошло и дня, чтобы я не вспоминал о тебе. Ты прочно засела в моем сердце и мыслях, сколько бы не пытался искоренить оттуда твой образ. Будущее казалось мрачным и безнадежным, пока я не узнал от слуг, что на протяжении всего моего отсутствия еще до ухода с поста дознавателя отец ни разу не навестил тебя ночью. И тогда я начал анализировать ситуацию: вспомнил разговор с Молли, присмотрелся получше к отношениям между тобой и отцом, которые далеко не походили на супружеские, а твой ответ на вопрос нэра Телания стал последней недостающей деталью головоломки. Потом же мои догадки с каждым днем только подтверждались.

— Какие догадки?

— Что любила моего отца, как родного, но не как супруга. Хотя ты заставила на мгновение меня усомниться в этом своим признанием в любви к нему.

— Не знаю, что и сказать, — заговорила, едва в комнате повисло молчание.

— Тогда ничего и не говори, промолчи. Это будет лучше, чем ты солжешь и разрушишь надежду на наше счастье. Видимо, у тебя есть причины, по которым ты не можешь открыться. Я готов смириться с неизвестностью. Айрис, сейчас, когда я признался тебе в чувствах, меня тревожит лишь один вопрос: что ты ко мне испытываешь?

— Так вы и вправду меня любите? — изумленно прошептала я, не отрывая глаз от Ламира. Мое сердце заходило от стука. Казалось, я спала и видела прекрасный сон, но стоило проснуться, как все вернется на круги своя.

— Да, Айрис, я люблю тебя. Всем сердцем люблю. А ты? — на красивом лице появились несвойственные магу неуверенность и волнение.

— Люблю. И я люблю тебя, Ламир, — мой голос походил на шелест опавшей листвы, гонимой осенним ветром.

Маг снова подался вперед, сомкнул руки у меня на талии, не заботясь о том, что кто-то может войти в комнату, и прижался губами к моим губам. Сперва поцелуй был нежным, но с каждой секундой он становился все более требовательным и более настойчивым. Его горячие ладони скользили по спине, разжигая во мне огонь, который сосредотачивался внизу живота.

— Эти десять месяцев будут самыми ужасными и невыносимыми во всей моей жизни. Быть рядом с тобой, разговаривать и не сметь прикоснуться, — шептал Ламир на ухо, опалая его горячим прерывистым дыханием. На мгновение покрепче сжав меня в объятиях и горько вздохнув, мужчина отстранился и снова оперся спиной о изголовье кровати. — Но твоя репутация важнее собственных желаний. Что собираешься делать дальше? История с Джонатоном закончилась, можно спокойно выдохнуть.

[illegible]